

Ли́ра Алексахи́на

Любаша

Любе сорок и она безумно счастлива в браке. Умница, красавица, чья доброта согревает многих вокруг. Не хватает самой малости — ребенка. Решительность и настойчивость тоже про нее.

Вот только хитрый план приводит к неожиданным последствиям, а череда случайностей — в другой мир. Что ждет ее там, в суровом краю? Сможет ли она найти свое место и... снова открыть сердце? Будет не просто, но Люба никогда не сдастся!

1

Удушающая духота сменилась долгожданной прохладой. Летний вечер вступил в свои права. Ручеек усталых людей тек по улицам: воспитатели дежурных групп, работяги с ближайшего завода, сотрудники детского дома, расположенного через пару улиц за широким фасадом большого здания, чтобы не мозолил глаза, преподаватели из ВУЗов, мающиеся с летней практикой и закрыванием «хвостов» нерадивых учеников, мелкие служащие банков — все возвращались домой.

Их провожали завистливые глаза продавцов из двух небольших магазинчиков, находящихся в партерах домов напротив друг друга. До десяти еще долго. Хотя, если быть честными, у последних был один большущий и жирный плюс — наличие работающего кондиционера, что хоть немного примиряло их с длинным рабочим днем.

Старые панельные девятиэтажки располагались квадратом, надежно охраняя от посторонних глаз площадку, детей и старушек, кочующих в течении дня от подъезда к подъезду по пошарпанным, но еще крепким скамейкам.

Все меньше темных прямоугольников пустых квартир. Настежь открыты окна, в тщетной попытке хозяев урвать побольше свежести. Двор наполняется звуками радости, смеха, веселья или громких ссор, обид, ругани. Тут уж как повезет.

Опытные бабули спешат занять местечко под окнами третьего этажа возле пятого подъезда. Божественный аромат выплывает, словно пава, из кристально чистых окон, минуя занавески пыльно розового цвета, пересекает весь двор и оповещает: Люба из сто пятьдесят шестой квартиры снова приготовила что-то умопомрачительно вкусное.

Неизменные ценители кулинарных шедевров начинают ежевечернюю викторину: угадай блюдо. Люба, по своей натуре добрая и сострадательная, часто делится со скучающими пенсионерами, наполняя их жизнь и животы яркими красками.

Василий, муж Любы, заворачивает из-за угла, неся в руках скромный полевой букетик, по-простому обернутый в утреннюю газету. Пенсионеры прерывают свою беседу, старательно растягивая улыбки на лицах:

— Доброго вечера, — еще издали кивает мужчина.

— Доброго, Василий, — степенно отвечают знатоки жизни каждой квартиры.

Мужчина медленно проходит мимо, сворачивает к подъезду. На левом плече поверх грязной потной спецовки висит синяя пухлая сумка, украшенная старыми черными и свежими коричневыми пятнами заводского мазута и земли с пустыря, где были аккуратно оборваны цветы. Правая рука достает ключи из заднего кармана, пиликает входная дверь, принимая в прохладе сырые объятия темного зева лестничной площадки. Малолетние хулиганы снова разбили лампочку.

Все это проходит в абсолютной тишине, взрывающейся торопливыми шепотками

пересудов, как только предмет обсуждения покидает поле зрения. Пока Василий жмет кнопку вызова и проходит в лифт, его жена порхает по кухне, заботливо выкладывая столовые приборы и тарелки на стол — дежурное приветствие мужа снизу сигнализирует о скорой встрече.

Люба с улыбкой снимает передник, накинутый поверх голубого платья в мелкий цветочек, проходит по коридору в пушистых тапочках на каблучке, мягким движением откидывает густую вьющуюся копну назад и открывает дверь.

Василий, выйдя из лифта, подходит к уже ожидающей жене, дарит цветы, целует свою красавицу и разуается. Тихая беседа во время вкусного ужина о прошедшем дне. Аромат цветов из китайской вазы посреди стола. Ненавязчивые переливы классической музыки. Отпахавший две смены муж плюхнется на диван, зажав пульт в одной руке и открытую бутылку пива в другой. Жена помоеет тарелки, а потом тихонько устроится под бочок, чтобы вместе посмотреть телевизор перед сном.

— Повезло Василию, — завистливо вздыхает Михаил Иванович, живущий напротив в сто пятьдесят третьей.

Его жена, сидящая рядом, отвечает смачный подзатыльник мужу, от чего он вздрагивает, трет несправедливо ушибленное место и спешно оправдывается:

— Мясной рулет говорю пахнет вкусно сегодня! — отодвигается от пышущей праведным гневом жены.

— Да, конечно...рулет..., - цедит с прищуром благоверная, поджимая губы.

Пять утра: звонок будильника, запах свежих оладий и травяного чая, шуршание пакета, наполненного обедом, звук поцелуя на прощание и аромат мужского геля для бритья в коридоре. Муж Любы решил копить, поэтому отрабатывал утреннюю смену по ТК и вторую за доплату в конверте. Копить на что — оставалось вопросом. Внятного ответа не прозвучало.

Люба доспит, встанет часиков в восемь и начинает хлопотать: отмыть, погладить, убрать, разложить, приготовить, немного поболтать с приятельницами по телефону, доехать все как-то не с руки, дежурные звонки свекрови, найти новый рецепт и уйти с головой в его воплощение. Весь день в движении. Принести продукты, вынести мусор, приголубить и поделиться с пенсионерами, довольно улыбаясь в ответ на слова благодарности и похвалы.

Женщина счастлива, каждый день в радость.

Но иногда, как, например, сегодня, отлаженная модель жизни дает сбой...

Люба проснулась и поняла — день будет отстой. Да, есть и такие слова в ее широком начитанном лексиконе, ибо тоже была когда-то молодой и дерзкой, способной на разные поступки, совершенно не подходящие благовоспитанной дочери интеллигентных профессоров.

В такие дни достается золотой запас — мешочек дорогущих конфет с верхней полки, припрятанный на особые случаи. Чашка чая, балкон и воспоминания, что уносят в далекое в прошлое.... Где-то после третьей конфеты с ликером в процессе перелистывания картонного альбома с цветными фотографиями, спрятанного в коробке из-под обуви...

На модной тусовке «цвета» интеллигенции было таааак скучно, что хотелось удавиться от уныния. Группа девушек, группа парней, стол с закусками и компот, заботливо сваренный родителями. Хорошие манеры помноженные на правила приличия разделяли группы молодых людей крепче глухой бетонной стены. Один из молодых людей решил на

невероятный риск — прыгнул за руль и умчался, никому ничего не пояснив.

Интереснейшие беседы об области применения числа Пи в повседневной жизни были нагло прерваны нетерпеливыми гудками клаксона. Вернувшийся привез то, что гарантированно должно было разрядить обстановку — четверых веселых парней и три ящика горячительных напитков.

Дело пошло.

Парни из простых умели веселиться и быстро научили зубрил расслабляться. Через полчаса барьеры были начисто сметены — молодежь голосила и танцевала. Непозволительно близко друг к другу. Василий шел через толпу, неожиданно задел девушку, да так и остался, пропав в омуте ее глаз, пока Люба, гневно сопя, читала отповедь «неуклюжему барану» о нормах поведения в приличном обществе. Между молодыми буквально искрило, сигнализируя о нешуточном интересе. Понял это и жених Любы, ставший бывшим именно в тот вечер, тактично растворившийся в толпе.

Василий лихо ворвался в ее жизнь и очаровал: видный, мускулистый, веселый. Позже он признался, что был сражен внутренним светом девушки и решил стать лучше. Немного погодя закончил курсы повышения квалификации. Трижды. И стал самым молодым старшим мастером. Лучшей наградой для него было одобрение в глазах любимой.

Родители Любы пили капли, увещевали, трясли кулаками и ремнями, переходили к угрозам — ничего не помогло.

Любаша влюбилась. Окончательно и бесповоротно.

На скромной свадьбе была мать Василия, друзья Василия и, собственно, сама Люба. Ее родители отреклись от неблагодарной дочери, гордо вычеркнув из трехкомнатной квартиры в центре города и из своих сердец. Благо, на растерзание, в смысле на осуществление их чаяний оставалась младшая дочь.

Институтские друзья — подружки ограничились устными поздравлениями при встрече — родители запретили посещать непотребное торжество. Да и последний курс — это вам не уравнение с одной неизвестной, там диплом на носу! Учиться надо, а не замуж выходить.

Люба многое переосмыслила и мудро не стала отсекавать былые связи, что помогло сохранить приятельские отношения с некоторыми, пусть и на расстоянии. Первое время было очень не просто. Мать Василия буквально жрала новоиспеченную жену на своих законных метрах тесной однушки. Работать Любе запретил муж. Так и сказал:

— Ты теперь мужняя жена. Занимайся домом.

Взращенная в любви и науке, она была далека от пирогов и котлет. Девушка, собрав себя и характер в кулак, твердо решила подружиться со свекровью, а потому стала помогать от всей души, не смотря на постоянные тычки и недовольство. В совершенстве научилась печь ее любимые пирожки с яблоками и капустой с грибами. Ходила по лесу за ягодами, катала банки и пахала на участке, как не в себя.

— Не умеешь готовить! — ворчала мать.

— Научите пожалуйста! — искренне отвечала невестка.

— Плохо моешь полы!

— Сейчас исправлюсь! — спокойно и с улыбкой.

— Кто так складывает!!! — вещи летят на пол.

— Переделаю, — и снова улыбка.

Не известно, чем бы закончилось противостояние титанов. В один из дней пришла

бабушка Любы по линии матери — в дорогом твидовом костюме, с крупными жемчужинами в ушах, модно уложенными седыми волосами, в лакированных, между прочим, блестящих туфлях, с большой коробкой, перевязанной фирменной красной лентой, и скромным подарком — нежнейшим палантином из натурального шелка.

Хитрая старушка, увлекла родственницу на крохотную кухню, предварительно проинспектировав каждый закуток. Через час, когда чай был выпит, торт съеден, шелк лежал на плечах новой хозяйки, бабуля скомандовала:

— Люба! Собирай чемоданы! Не гоже стеснять мать Василия. Она еще молода и красива. Ей счастье свое строить надо, а не за вами сопли подтирать.

«Молодая и красивая» сидела с открытым ртом, не зная, толи быть польщенной, толи негодовать, что контроль над новой ячейкой общества уплывает из ее рук. Так пара переехали в просторную двушку, а деятельная бабушка Любы ультимативно прикатила чемодан к своей нерадивой дочери. На пмж. Говорят, был дикий скандал. И это в интеллигентной семье, которую годами ставили в пример!

Женщины в роду Любы, все без исключения, были с характером.

Первое время мать Василия ежедневно приходила с инспекцией и неизменным ворчанием о внуках. Люба очень старалась и от всей души умасливала свекровь, которая со временем стала неуютно чувствовать себя в компании жены сына. Не понятно откуда, появился виноватый взгляд, а после свекровь и вовсе перестала приходить, списывая за сильную занятость. Адекватных причин не было.

С улыбкой вспомнив этот период жизни, Люба снова воспряла духом.

— И правда, чего раскисла? — решительно встала, отряхнулась, улыбнулась, гордо выпрямила спину и пошла уверенным тараном на льды несбыточных желаний.

Войдя обратно, женщина медленно прошла на кухню, по-новому оглядывая жил площадь в стиле прованс.

Сливочные стены радовали крупными розами спокойных тонов с причудливым зеленым орнаментом из стеблей и листьев. Пыльно-розовые занавески в тон. Белый кухонный гарнитур и такого же цвета небольшой прямоугольный стол, накрытый кружевной скатертью. В такой светлой комнате даже дышать было легко.

Светлая цвета оббивка на стульях и кокетливые бледно-розовые подушечки с вышивкой парящих птиц. Бежевый пол и мягкий ковер под столом розовых, сливочных и лиловых оттенков. На открытых полках коллекция расписных тарелок, фарфоровой посуды и красивых безделушек. Фотографии в рамках. Настольная лампа с белым абажуром и керамической ножкой, расписанной под гжель. Пара китайских ваз, оставшаяся в наследство, одна из которых стояла по среди кухонного стола, наполненная свежим букетом полевых цветов.

Люба прошла в коридор, ведя ладонью по обоям. Удобная прихожая с мягкой софой и вместительный светлый шкаф с большим зеркалом в пол. Темно-фиолетовый коврик. Коллекция картин в золоченых рамах. Цветы в горшках.

Бежевый диван, два синих кресла, низкий журнальный стеклянный столик и большой телевизор в зале. Большой во всю комнату ковер с длинным ворсом, по которому так приятно ходить босыми ногами. Песочного цвета занавески со свисающей бахромой.

Книжный шкаф во всю длину стены сдержанно демонстрировал корешки интеллектуального богатства сквозь прозрачные стекла створок. Комод с пятью

выдвижными ящиками, накрытый вязанными салфетками, попал под прицел хозяйки. Мысленно она его разобрала и убрала. Затем прошла в спальню, да так и осталась стоять, прикидывая, чего коснутся перемены.

Синие ягоды и зелёные листья на светлых обоях задавали тон. Большая белая металлическая кровать с высоким матрасом, под бежевым покрывалом с квадратными и прямоугольными подушками разной величины, радовавшие глаза цветочным орнаментом. Две прикроватные тумбочки с парными светильниками на стене, синие фиалки в расписных горшках, женский будуар с мягким синим креслом и большой белый шкаф у стены.

— Оставлю только кровать и шкаф, — рассуждение в слух.

Для планов требовалось место. Много места. Мужу придётся смириться, не смотря на все протесты и увещания.

Люба решила завести ребёнка.

Терпения выждать подходящего момента хватило на неделю. Под кончиками пальцев уже зудело от желания начать действовать, а муж вот уже месяц приходил все позже и позже с настроением на уровне отметки "отвратительно". Пришлось идти ва-банк.

Задержавшийся до темна, хмурый Василий оттаял, окружённый лаской и вниманием. После неожиданного праздничного ужина из лёгких блюд, он, наконец, заметил и приодевшуюся жену, и загадочную улыбку, и аппетитную грудь в большом вырезе интересного платья, выставленную напоказ.

Конечно, грудь он заметил первее. Остальное потом. Люба так не одевалась никогда. Василий порывисто встал и навис:

— Кто он?? — требовательный тон.

— Кто? — не поняла женщина.

— Твой любовник! Признавайся!

Люба расхохоталась, встала и смачно поцеловала, обвив руками, чем привела в полное недоумение.

— Любаша, что происходит? — беспомощно спросил мужчина, подняв брови.

— Пойдем, расскажу, — загадочно произнесла женщина и повела несопротивляющегося Василия за руку в спальню.

Уставший мозг сложил один плюс один, и муж с радостью устремился в заданном направлении. Где-то между жаркими поцелуями и треском порванного платья в темноте раздался шепот:

— Вась, давай сделаем ребеночка.

В ту же секунду он отскочил словно священник от блудницы, разом растеряв весь настрой.

— Нет! — сказал, прежде чем подумал, смешно запахивая на груди расстёгнутую рубашку, будто выстраивая стену между ними.

— Ну, Вааась, — мурлыкнула жена, гипнотизируя взглядом и ажурным бельем на четвёртом размере.

— Я сказал нет! — неожиданно зло проорал и выскочил, хлопнув дверью.

За все двадцать совместных лет он ни разу не орал. Люба разозлилась и пошла требовать ответа. Мужчина обнаружился угрюмым на кухне с рюмкой и початой бутылкой. Женщина поморщилась. Лет пять назад Василий ушёл в глухой запой, объяснив крупной ссорой на работе. Через три месяца терпеливого труда жены, он оставил пагубное увлечение,

но бутылка "на всякий случай" осталась на видном месте.

— Мама твоя будет рада, — зашла с козырей Любаша. — Вспомни, как просила сделать внуков, пока были молодыми?

— Вот именно! Молодыми! — снова на повышенных тонах. — Вспомни, к чему привели попытки?!

— Хватит на меня орать!!! — гаркнула Люба, разбивая ненавистную бутылку об стену.

Характер не засунешь в карман, даже обернув сильной любовью, как и воспоминания о двух выкидышах с долгим лечением. Врачи советовали санаторий, восстановление и перерыв. А после уж с новыми силами... Попыток больше не было.

— Люба, ты знаешь, как я тебя люблю! Знаешь, что в нашем роду женщины тяжело вынашивают детей! Я не хочу тебя потерять, Люба! Я все сказал! Матери уже не надо, ей есть, чем заняться!

— Огород — не внук, — попыталась успокоиться Любаша. — Давай попробуем последний...

— Нет! И чтобы больше не слышал этой дури!

Хлопнула дверь. Злость была не свойственна Любе, а вот упрямство и решительность да. Остыла быстро, поскольку любила невероятно, но не простила некрасивого отношения.

Мужчина спал на диване. В спальню не пустили, как и не дали с собой завтрака рано утром, не поцеловали и не обняли. Маленький демарш должен был вразумить, но отчего-то вышло иначе. Муж приходил очень поздно, молча ел и ложился спать все там же, на диване, не делая попыток примирения.

Люба тихо обливалась слезами. Двор застыл в преддверии бури. Старушки сверлили презрительными взглядами Василия, от чего тот сатанел еще больше. Дедули сохраняли мужскую солидарность.

Скандал из сто пятьдесят девятой был хорошо слышен в тиши ночного двора. Тем, кто все проспал, милостиво рассказали утром.

На третий день изматывающего молчания Люба вскочила, как только хлопнула входная дверь с утра. Решительно побросала вещи в дорожную сумку, села на автобус и поехала на поклон к свекрови. Ей нужен был союзник, дабы совместно склонить барана к нужному решению.

Старенький автобус плавно катился по ровному асфальту дорог. За окном пестрые поля сменялись зеленой лесополосой, щедро залитой солнечным светом. Немногочисленные соседи мирно сопели, досматривая красочные сны.

Люба улыбалась и наслаждалась природой. Ее душа пела. Вот сейчас приедет, и как обрадует свекровь! Взятка в виде любимых пирогов была приготовлена заранее и заботливо обернута промасленной бумагой.

Окрыленная предвкушением быстрой победы, женщина козочкой пробежала по виляющей заросшей тропинке к нужному участку. Лихо дернув свободной рукой дверцу калитки, Люба с грохотом уронила челюсть, встав как вкопанная.

Свекровь бегала по траве с незнакомым ребенком лет четырёх-пяти. Подозрительно счастливая. Мальчик первым увидел застывшую незнакомку, вскрикнул и убежал в дом. Мать Василия обернулась, улыбка стекла с ее лица. Хмурая складка меж бровей росла по мере приближения к незваной гостье.

— Что случилось? — спросила Аглая Ивановна, хватаясь за сердце.

— Нничего, — не могла отойти от увиденного Любаша. — Пирог вот привезла, — сунула в руки подарок. Собралась. — Нужна ваша помощь, — решительно выдохнула. — Я хочу детей. Василий сопротивляется. Помогите.

Аглая Ивановна странно посмотрела и торопливо выдала:

— Не могу, Любаша, — отступила назад, увеличивая расстояние. Еще шагок. — Соседка приболела сильно, попросила за внуком присмотреть. Родители его в командировке. Ты уж сама, как-нибудь, — пожала плечами, продолжая пятиться и оглядываться. — Все, езжай обратно! Он болеет, как бы не заразились от нас! Васечке привееет! — хлопок закрывшейся двери.

— Она что, сбежала?

Конечно, никто не ответил. Немного постояла, переваривая, развернулась и задумчиво побрела обратно. Где-то на середине пути положила сумку на траву и села, невидяще уставившись на горизонт.

С первых дней Аглая Ивановна требовала внуков, выедавая мозг по чайной ложечке. Из глубин памяти всплыли причитания.

— Пока молодые и здоровые!... Не затягивайте! ... Будет поздно!... Еле выносила Васеньку!... В роду тяжело с детьми! Были летальные случаи!... Слабоумие, болезни!...

Люба нахмурилась, вспоминая, когда свекровь успокоилась? Мысленные подсчёты не понравились. Следовало проверить еще раз. Женщина встала, кинула вещи в кусты и окольными путями полезла на разведку, попутно расцарапав голые плечи в летнем сарафане. Кого это сейчас волнует...

— Лови, лови, солнышко! — щебетала Аглая Ивановна, кидая разноцветный мяч.

Ей вторил залиvistый детский смех. Любаша мрачно отметила, что они выглядят до безобразия здоровыми. Противоречивые чувства разрывали изнутри. Тихонько шагнув назад, она скрылась за деревьями. Не чувствуя жалящей крапивы, Любаша перла сквозь заросли обратно. Попеременно вздыхая и отгоняя зарождающуюся лавину в душе.

Может, правда, соседский?

Мальчик...

Отбросив переживания на потом, Люба встряхнулась, расправила плечи и побежала, не желая опаздывать на пригородный рейс. Окружающий пейзаж утратил свое очарование. Зеленая листва более не притягивала взгляд, аромат цветов душил, а высокая трава мешала идти.

Стоя на остановке с зажатым билетом в протянутой вперед руке, она поняла, что очень устала. Руки и ноги были щедро усыпаны красными пятнами. Всё это нещадно зудело, но не шло в сравнение с муками сердца.

— Отставить панику, — строго сказала сама себе.

Пустая остановка радовала отсутствием людей, не нужно было держать лицо. Во всем мире был только один человек, который мог выслушать и помочь.

— Рассказывай, — кивнула бабушка вместо приветствия.

Все такая же боевая, но, к сожалению, сильно постаревшая, старушка гордо восседала в любимом кресле у окна. В комнате не было вязания, шитья или прочей ереси милой сердцу далеко за шестьдесят, зато в изобилии наблюдались книги, газеты и кроссворды. Особенно в почёте были sudoku. Выключив криминальную сводку, дождалась, пока внучка плюхнется в соседнее кресло и зычно крикнула:

— Светлана, чаю!

— Слушаюсь, Мария Вениаминовна! — мгновенно отозвалась молодая девушка азиатской внешности, появляясь в дверном проеме. — Что-то ещё?

— Конфеты. В красной коробке. Ступай.

Длинные косы взметнулись и пропали.

— Светлана, — уточнила Любаша, склонив голову на бок.

— Да хоть Ахмет, — пожала плечами Бабуля. — Быстрая, умная и молчаливая. Матери твоей не стучит... Да на отдыхе они, в санатории, — верно поняла немой вопрос. — Третья смена подряд, — тонко усмехнулась Мария Вениаминовна. — Кто еще от кого отдыхает...

Чуть звякнули чашки с ароматным чаем об стол. В нос ударил приятный запах свежих шоколадных конфет.

— Спасибо, Светлана. Отдохни.

— Хорошо, Мария Вениаминовна.

Плотно прикрылась дверь и через пять секунд в соседней комнате включили телевизор. Очень громко.

— Действительно, — искренне поразилась Любаша.

— С чем пришла? — пронизательный взгляд из-под ресниц, выглядывающий поверх чашки не хуже прожектора в темную ночь.

— Тут такое дело, ба..., - глубокий вздох.

Конфеты так и остались призывно блестеть в ярких бумажках. Сжатый рассказ строго по делу превратился в сопливые подвывания. При своих не малых габаритах пятьдесят второго размера, Люба незаметно оказалась сидящей на подлокотнике кресла, ухитрившись изогнуться и пристроить голову на плечо бабули, которая молча гладила по макушке, словно маленькую девочку, изредка вздыхая и целуя в густые волосы.

Когда поток слов и слез схлынул, дышать стало чуть легче. Озвучивать страхи вслух дело трудное. Люба была доброй, сильной, сентиментальной, но никак не душой. Свекровь врала. И лучше бы о состоянии здоровья. Но поразительное сходство мальчика с ее мужем сводило все надежды на нет. Тягучее молчание было прервано словами:

— Сервант, третья полка томик Ожегова. Дай пожалуйста, — посоветовала бабушка.

Не понимая, на кой им сейчас толковый словарь, женщина послушно исполнила просьбу.

— Открой.

— Б**ть, — пораженно выдохнула Люба, увидев содержимое.

Надо сказать в семье вот уже семь, а то и больше поколений, рождались только девочки. Есть такое понятие — память рода. Так вот, превалирующей профессией было учительство. Как на ветках бывают не только листья, так и плоды, на семейном древе встречались и другие виды деятельности.

Мария Вениаминовна, бабушка Любы, была судьей. Исключительно по велению своего сердца, что доставило не мало проблем в юности, как ей, так и ее консервативным родителям. Многие сходились в том, что Люба — копия бабушки, не внешностью, но внутренней начинкой точно.

Есть такие профессии, которые не оставишь за порогом, приходя домой. Деятельность накладывает отпечаток на все сферы. Мария Вениаминовна, даже уйдя на покой, не забывала приглядывать за своим семейством и поддерживать связь с друзьями, полезными в том числе. Что и демонстрировали фотографии частного детектива, безжалостно

запечатлевшего тайны Василия.

Страницы Ожегова были аккуратно вырезаны внутри. Словарь был не чем иным, как хранилищем.

— Как давно ты ... знаешь?

— Не давно, как хотелось бы. Внешне было все пристойно, я и подумать не могла.

Дрожащие пальцы перебирали влажный компромат. Люба плакала. В ушах стоял невыносимый звук лопающегося стекла — розовые очки ломались под натиском действительности.

Фотографии уголок к уголку сложила ровной стопочкой на место и захлопнула переплет, словно крышку гроба, отрезавшую от прошлой жизни.

— Ты хотела любить, хотела гореть. Моя внучка, перед которой были открыты все двери, любая возможность, выбрала роль идеальной, счастливой жены. Не знала, в праве ли мешать...

— Мама не задавалась подобными мыслями, — буркнула Люба.

— И была не права, — отрезала Мария Вениаминовна. — Каждый человек выбирает свой путь сам. Моя работа разрушила семью. Однажды, он просто перестал ждать. Твоя мать вышла замуж по принципу удобства, выбирая такого, чтобы всегда был рядом. Ты же и вовсе выбрала чувства с большой буквы, отринув иную деятельность... У нас у всех не здоровые отношения с любовью, — не весело закончила бабушка.

Сладость в желудке не помогала скрепить трещину в сердце. Люба чувствовала себя Колоссом Родосским. Землетрясение новостью о внебрачном сыне разрушило Любу.

— Пройдемся.

Мария Вениаминовна видела, как новость подкосила внучку, как она тонула и не могла выбраться наверх.

— Светлана!

— Я здесь! — услужливая сиделка мгновенно пришла.

— Помоги собраться, — попросила старая женщина.

Философствовать о бытие она еще могла сама, а вот одеться сил уже не хватало.

Просторная трешка находилась в центре города рядом с шикарным парком, что раскинул свои зеленые руки далеко на север и юг, принимая в свои объятия каждого, кто в нем нуждался.

Полуденное солнце без усталости делилось витамином Д с каждым, до кого могло дотянуться. Густые кроны величественных дубов дарили прохладную тень. Тщательно высаженные цветы причудливым орнаментом радовали прохожих ненавязчивым ароматом, а многочисленных насекомых сладким нектаром.

Люба ничего не видела, механически переставляя ноги вперед. Впервые в жизни у нее не было сил, словно из тела вынули все кости, и она осела на пол бесформенной кучкой жижи.

Светлана с большой сумкой шла на почтительном расстоянии, кидая преувеличенно заинтересованные взгляды по сторонам, будто не гуляла по этим дорожкам каждый день с десяти до двенадцати и с пяти до восьми.

— Расскажи, — попросила Люба. Во рту было горько и вязко, как от зеленой хурмы.

— Аглая очень хотела внуков. У них там действительно все плохо: болезни, слабоумие, летальные исходы... Нашла здоровую и молодую, поселила у себя. Василий держался. Тогда

Ивановна споила его. Через девять месяцев появился долгожданный внук. Припомни, запил без причины... Девица уехала к своим, в какую-то глухую деревню. Мальчик немного подрос, вернулись, живут у Ивановны.

— Он не работает во вторую смену... Ходит к ним? — прошептала догадку Люба.

— Да, — покачала головой бабушка. — И похоже... ему интересно не только с сыном. В Ожегове были не все фото... Василий живет на две семьи, — выдавила из себя старушка. — С недавних пор.

— Со мной тогда зачем? — не понимала женщина.

— Ты прости, внучка, — сжала зубы Мария Вениаминовна, — я должна была рассказать... Но ты так хотела быть с ним...

— Прекращай, ба, — отчаянно стиснула Люба дорого человека. — Все равно бы не поверила, пока не увидела сама.

— Что будешь делать, Любонька? — решительный взгляд сквозь слезы говорил, что женщина приняла решение.

— Поеду на море, давно хотела.... Успокоюсь... Подумаю.

— Неужели сдашься? Вот этой подзаборной??

— Нет... Не знаю...

— Я не советчик в этом деле, ты знаешь. Свой выбор сделала давно. Но с годами... пришло понимание. Пойди мы хоть немного на компромисс... Засунь я свою гордость и желание сделать карьеру в одно место, не потеряла бы того, кого любила. Люба, если ты любишь, так может не стоит сдаваться?

Вопрос остался без ответа.

Черное и белое смешиваются, рождая тона и полутона. Люба остро ощутила одиночество, ибо оказалась лишней точкой за пределами треугольника, хотя всю жизнь полгала, что является одним из концов отрезка.

Они молча шли, погруженные в тяжкие думы.

Вокруг кипела жизнь. Молодая пара самозабвенно целовалась у всех на виду. Бойкий парень зазывал покупателей в скромную палатку, пестревшую от мелочей. Бригада дворников во всю трудилась над уборкой зеленой полосы, загаженной добросовестными горожанами на пикниках и посиделках.

Как грибы после дождя, то тут, то там, сидели старики, все как один, презрительно осуждая девушку в смелой мини и ярком топе на высоченных каблуках, уверенно идущую по дорожке. Не заметить было сложно.

В личной иерархии предпочтений Любы после любви к мужу стояла любовь к детям. Значит, Василий, как минимум, признает мальчика. Трос любви, идущей из сердца, размочалился до пары ниточек. О максимуме думать не хотелось. Не сейчас.

Частный сад выгуливал детей, одетых в одинаковые кислотно-желтые формы дорожников со светоотражающими элементами и большими черными буквами «Ромашка», которые не увидел бы только слепой. Воспитанники, как и полагается, лезли во все щели, заставляя нервничать двух воспитателей все сильнее. Не выдержав, взрослые собрали таракашек и повели в ближайшее кафе — подарить себе пятнадцать минут тишины, а детям мороженое. Столики на улице споро сдвинули. Разноцветные носки на маленьких ножках нетерпеливо болтались взад-вперед похлеще ветряков, предвкушая сладкое.

— Давай тоже присядем, — попросила Мария Вениаминовна. — Тяжко...

— Конечно! — спохватилась внучка.

Светлана уже подхватывала старушку с другого бока и вела к плетеным креслам.

В ожидании заказа Люба внимательно рассматривала ветхое одноэтажное здание, волей неизвестного чиновника получившее вторую жизнь. Легкий косметический марафет, подлатать крышу, новые двери-окна — площадь для общепита готова.

«Вот бы и мне получить второй шанс», — горько подумала Люба, старательно сдерживая слезы. Бабушке ни к чему видеть отчаяние, ей еще тащить груз вины, который внучка, к сожалению, не сможет снять.

Тук. Тук. Тук.

Ноги ощутили слабую вибрацию, будто глубоко под землей забилося чье-то огромное сердце. Посуда тревожно зазвенела, предупреждая глупых людей, которые испугались, замерли, но никуда не сдвинулись, вернувшись к своим занятиям после пятиминутной тишины.

— Хочу уйти, — внезапно встала Мария Вениаминовна. — Не спокойно мне.

— Уже прошло, — попыталась успокоить внучка.

— Помоги, мне! — повысила голос старушка.

Молодая стажерка раздраженно закатила глаза. Чаевые проплыли мимо кармана. Пришлось уносить посуду и меню обратно. Зря только приветливо улыбалась.

Светлана помогла дошаркать подопечной до ближайшей скамейки, к которой ползли минут десять, и спешно открыла сумку. Старушка была взволнована, надо дать препараты.

— Что-то не так, — оглядывалась по сторонам, растирая морщинистые руки, старая женщина.

— Все хорошо, — Люба обхватила ладонями лицо бабушки, заставляя посмотреть на себя. — И у тебя, и у меня. Посмотри, со мной все в порядке. Не расстраивайся так пожалуйста, начинаю бояться за те..

— Я еще не впала в маразм!!! — гневно процедила Мария Вениаминовна, уперев руки в боки.

Раздался оглушительный хлопок. На секунду пространство замерло, а затем половина летнего кафе взлетела на воздух мелким крошевом. Хорошо, что задняя его часть. Ударная волна раскачала близстоящих людей будто кегли. Кто-то даже упал.

— Дети!! — воскликнули три женщины одновременно.

— Следи за ней, — грубо схватила Люба Светлану за кисть, прищурив глаза.

— Да.

Старушка охала, ковыляя вслед за убежавшей внучкой. Второй хлопок. Пол под летней верандой пошел трещинами и за секунду обвалился под визг замешкавшихся «ромашек». Воспитательницы бестолково заламывали руки, стоя у края, истерично вопя имена упавших детей. Двое мужчин бросились вниз в пролом. За ними последовал охранник кафе.

Вокруг стоял дикий гул и треск, слева бил фонтан — прорвало трубу. Собралась толпа зевак аккурат у края, бурно обсуждающая произошедшее. Дым, поваливший из недр здания, закрывал обзор, но это не мешало десяткам очевидцев щелкать камерами и записывать видео. Среди них было не мало крепких мужчин, что могли бы помочь выбраться пострадавшим, если они еще живы. Пустые советы сотрясали воздух вместе с притворным сочувствием.

Испуганные дети громко плакали навзрыд.

Пока Люба бежала, успела посчитать мелких. Не хватало пятерых. Плохо. Адреналин смыл границы. Прыгая по еле заметным уступам, хватаясь за торчащие обломки, Люба не

хуже Кин-Конга спускалась вниз.

Кусок стены неожиданно раскрошился, и женщина неуклюже упала, раскрыв ноги об острые края выступающих предметов. Отодвинув боль на задний план, Люба вскочила, потрясла головой, прогоняя гул и избавляясь от мусора на волосах, протерла глаза и огляделась. Не понятно почему, вокруг было сумеречно и холодно. Стало зябко. Накатило желание сбежать обратно. Женщина повела плечами и уверенно двинулась в сторону звуков, прихватив по пути острый обломок толстой трубы на случай, если придется использовать в качестве рычага.

Пригибаясь, словно пес, по полу стелился туман.

Споткнулась обо что-то мягкое. Пришлось наклониться, напрягая зрение в сумраке, а увидев, отпрянуть. На полу лежал охранник кафе. Кровь из разодранной грудной клетки уже начала густеть.

Сжав трубу крепче, Люба двинулась дальше.

— Пять детей, — напомнила себе еле слышно.

Вдалеке забрезжил свет. Чем ближе, тем громче становились звуки. Странные звуки. Отбросив конспирацию, быстро преодолела расстояние. Увиденное повергло в шок. Времени думать снова не было.

Люба оказалась стоящей на улице по среди хаоса. И это точно был не парк.

Вижу цель — не вижу препятствий.

— Хвала идиоту, что обрядил в этот ужасный цвет, — пробормотала женщина, мельком оглядываясь.

«Ромашки» истошно орали, в страхе закрывая чумазыми ручками лица. Второй из добровольцев отгонял... Прости господи, монстра.

Черное нечто, под два метра, прямоходящее, но имеющее хвост, повадки и внешность, приближенную к зверям. Мощная челюсть с выдающимися клыками. Красные глаза, в которых светился разум. Тело покрыто короткими блестящими волосами, на голове — копна густых и длинных волос. Руки — лапы венчали острые когти. В открытой пасти извивался длинный язык.

Рядом с добровольцем, сиганувшим вниз, стояла дородная женщина в странной одежде. Главное, что она закрывала собой трех детей, которых искала Люба.

Вокруг кипело сражение. Еще несколько монстров атаковали здания и людей, которые тоже были не цветочками. Из их рук вырывались сгустки пламени и потоки воды. Кто-то летал. Рушились здания. Земля под ногами гудела и стонала. В сизом небе шло воздушное сражение.

Мир сузился до трех детей.

Пригибаясь, мелкими перебежками, Люба добралась до стены со стороны, не видимой атаковавшему монстру. Землянин давно бы сдох, если бы не подоспевшая подмога в виде двух парней в странной форме. Все странности, словно острые осколки, складывались мысленно в ведро с крышкой, чтобы не обращать внимания, а уж после спокойно обдумать.

Поочередно дернув за крепкие жилетки, как сорняки с грядки, она расположила детей рядом, взяв на руки девочку трех лет.

— Бежим назад. Молча, — скомандовала Люба.

Два мальчика пяти-шести лет сообразили замолчать и побежать за тетей, не выпуская из рук спасительного платя. Девочке пришлось закрыть рот рукой, которую кусали от

страха.

Они смогли добежать, не привлекая внимания. Вход в кафе был похож на круг, рваный по краям. Воздух шел рябью. Нещадно смердело.

По полу разрушенного здания струились ручейки воды. Люба чертыхнулась, ускорившись. Дойдя с детьми до разлома с зеваками, подала каждого ребенка в руки длинному парню, висевшему вниз головой. Два товарища держали его за ноги. Живая веревка.

— Любаааа, — надсадно провыла Мария Вениаминовна, кидаясь к краю, протягивая руки к внучке.

— Я здесь, — громко отрапортовала Светлана на гневный взгляд женщины, оттягивая ретивую старушку назад.

— Еще двое, ба. Жди! Сделайте петли из ремней! — крикнула она, уже несясь обратно.

Спасателей все не было. Да, не Москва. Люба хмыкнула на ходу.

Вот мужик мелькает, все самим, все самим...

На этот раз она остановилась рядом с выходом, чтобы глупо не подставляться. Была еще одна неприятная причина — отдышка. Глаза споткнулись об увиденное: второй доброволец смотрел застывшим взглядом вверх, раскинув руки и ноги в стороны. Воткнув ногти в ладони, сглотнула подступивший комок в горле. Не сейчас.

Давешняя тетка в странном чепчике держала малышку в кислотном жилете, дрожа от страха, постоянно оглядываясь по сторонам. Ее спину прикрывали четверо солдат, сражающихся с монстром.

Увидев выскочившую Любу, женщина ринулась к ней, протягивая на ходу ребенка, что очень не понравилось нападавшему. Издав утробный рев, оно бросилось на обидчиков, пытаясь прорваться. Что там происходило, Люба не смотрела. Добежала, перехватила посылку и прокричала, пытаясь быть услышанной в какофонии звуков:

— Еще один! Скоро вернусь!

Тетка отрицательно помахала головой, ответив на не понятном языке. Тогда Люба ткнула указательным пальцем на застывшую девочку, оттопырила указательный палец и обвела рукой обозримое пространство, снова оттопырив палец перед лицом неожиданной помощницы. Та понятливо кивнула.

За спиной убегающей Любы раздался злой рев, ему вторили два крика боли. Сжав зубы, домохозяйка бежала к цели, коря себя за отсутствие физ нагрузок.

Ребенок обмочился прямо на руках. Комментария не последовало. Силы были на исходе. Тело тряслось от усталости и подавляемого страха. Ноги болели и кровоточили. Споткнувшись, Люба упала, успев сгруппироваться, чтобы не рухнуть на свою ношу. Девочка пискнула при ударе и захныкала.

— Почему никого нет? — злое недоумение.

Внизу чуть покачивались сплетенные ремни в форме веревочных качелей и трое мужчин сверху с озабоченными лицами.

— Сюда! Сюда! — кричали, завидев ослепленных светом, вылезавших из-под обломков.

— Любаааааа!!!! — бабушка плакала.

— Ба! Еще один! Почему никого нет?!!

— Две бригады внизу! — тут же отозвалась Светлана. — Ищут вас и остальных.

— Не видела, — мотнула головой Люба и поспешила назад.

Она прекрасно понимала, что случилось паранормальное явление, хотя не увлекалась беллетристикой такого плана. Было не понятно, почему тоннель не видим для остальных.

— Торт. Только мне. Шоколадный, — пообещала сама себе.

Вооружившись очередным обломком трубы, Люба кралась вперед, крутя головой в разные стороны, вздрагивая от каждого крика. По спине струился пот, волосы слиплись и постоянно лезли в рот, приходилось отплевываться. Бок просто разрывался от боли.

— Где же ты, — шептала, стараясь не заострять внимание на трупах под ногами.

Воздух пронзил детский голос, полный боли и отчаяния. Кислотный жилет мотыляло из стороны в сторону. Его поверхность окрашивалась цветными росчерками, будто работа невидимого художника. Краски заменяла свежая кровь. Последний ребенок был окружен четырьмя маленькими монстриками. За ними следила довольно урчащая взрослая особь.

— Мать и дети, — догадалась Люба. — Учит.

Живая еда отбрыкивалась, раздавая тумачков по мере сил. Зареванному мальчику на вид было семь — восемь лет, поди разбери, сколько точно.

Оглянувшись, Люба увидела знакомую женщину в чепчике, размахивающую из укрытия напротив, пытаясь привлечь внимание землянки. Видимо, их тут только две ненормальных, остальные сделали ноги. Объяснить иначе отсутствие людей не получалось.

Тетка показала пальцем на себя, на монстров, в сторону. Дождавшись кивка от Любы, она неожиданная лихо бросила обломок балки в сторону хищного семейства, чудом попав в мохнатика. Тот взвыл и заскулил, упав на бок. Хищница прыжком подскочила к нему, облизнула и бросилась к обидчице, издав угрожающий рев. Летящий в ее морду камень на лету раскрошили мощные челюсти.

Чепчик улептывал со всех ног. На ее крики прибежали местные в форме, защищая от разъярённой самки.

Люба семенила со своей трубой наперевес. Добежав, проткнула ближайшего монстрика, испытывая глубочайшее омерзение, от которого внутри все сжималось и передергивало. Сердце бешено прыгало в груди. Воздуха не хватало, а двигаться было надо.

Второй мохнатый повис на ее руке, сжав челюсти. Люба заорала. Мальчуган со всего маху опустил внушительный кусок камня на голову монстрика, изображавшего питбуля. Еще двое рыча набросились на окровавленные ноги, но успели лишь оцарапать — на них обрушился кусок стены. Невдалеке стоял мужчина, шевеля руками.

Раздался оглушительный визг хищницы, почувствовавшей смерть потомства.

Мужчина что-то вопросительно гаркнул. Люба благодарно кивнула, плохо слыша и уже окончательно не соображая. Сработал автопилот. Уцепив здоровой рукой мальчика, помчалась к спасительному выходу, старательно напрягая глаза в расплывающейся картинке действительности.

Поджилки тряслись, ведя отсчет не известно чему. Шатаясь, словно последний пьяница, Люба приближалась к знакомым обломкам кафе.

— Дойти... надо дойти...

Мальчик, сжав губы в ниточку, подпирал раненную тетю сбоку, хотя давно мог дать стрекоча. Они ввалились в проем, тяжело дыша, и поползли, словно хромоногие утки на обе ноги.

Угрожающий рык пронесся над землей, как раскат грома. Люба заторможенно обернулась. Отец-хищник, крупнее самки, что висела в странных завихрениях воздуха,

издалека мчался к ним. В него врезались сгустки огня, хаотично летящие из разных сторон, но это не могло остановить пышущего злобой монстра, лишь немного замедляло.

— Бежим! — крикнул малец, дергая застывшую женщину.

— Догоню, — толкнула его Люба, когда были почти у цели. — Залезай.

— А ты? — обернулся мальчик.

— Следом, — улыбка вышла кислой и совсем не правдоподобной.

Только бы успеть. Люба уже видела трясущуюся бабушку, размазывающую слезы по морщинистым щекам. От бывшего стержня не осталось ничего. Просто старая женщина отчаянно желающая возвращения внучки назад. Вокруг стоял шум возбужденной толпы. Народу прибавилось. Их пытались оттеснить появившиеся полицейские. Медики с краю орали:

— Женщина, вы как? Видели кого-нибудь? Пострадавшие есть?

Раздался торжествующий рев. Волосы встали дыбом.

— Когда ж ты отстанешь, — еле шевелила языком Люба.

Пришлось развернуться, делая два шага обратно в темноту, чтобы оценить степень дна ситуации. Скребя котями по остаткам треснувшего кафеля, ползло возмездие. Как черт из табакерки, на него бросился спасатель с топором для расчистки завалов. Оружие осталось торчать в боку монстра. Мужчина улетел к стене и осел мешком, не подавая признаков жизни.

Тяжко вздыхая от дикой усталости, женщина прокричала, выныривая на свет:

— Нож! Срочно! Мужчина застрял!

Давно поняла, что видит и слышит только она, иначе бы люди уже разбежались в панике, а полицейские стреляли из пистолетов.

— Женщина, какой нож?! — крикнула молодая мед сестра, словно слабоумной, едва не крутя пальцем у виска. — Стойте на месте и дождитесь помощи! Вам будет оказана...

— Держи, сестра! — крикнул бородатый мужчина не русской национальности в форме повара из ближайшей шашлычной.

Три ножа в фартуке полетели вниз. Мальчик застрял, зацепившись ногой по середине пути, и громко плакал, бесполезно дергаясь в попытке освободиться. Все тот же бородач, обвязавшись веревкой, спускался ему на помощь. Люба, дрожа, подняла три предмета.

— Люблю, — нашла взглядом бабушку. Губы тряслись.

— Вернись! Вернись, Люба!!! Стой!!! — Марию Вениаминовну трясло.

Бабушка упала в обморок. Внучка уже не видела и не слышала, скрывшись в сумраке.

— Кого обманываю, — вздохнула уставшая женщина, стирая испарину со лба. — Может, хоть задержу.

Стало так жалко себя, остальных, что скоро станут ужином не известной твари. Монстр издал рев и бросился вперед. Первый снаряд пролетел мимо. Второй в плечо. Люба крепче перехватила последний, самый большой тесак.

— Одна попытка, — прошептала сама себе, сосредотачиваясь на цели.

Хищник оттолкнулся в мощном прыжке задними лапами и, презрев все законы гравитации, полетел назад.

Уставший мозг не понял финта. Прищурившись, женщина увидела, как монстра тянет назад мужчина, что помог справиться с мелкими зверенышами. Руки шевелились в воздухе, от чего рычащий и брыкающийся монстр отчаливал обратно в их мир.

Рваные края портала стали срастаться, слабо светясь. Пришелец обессилел, но не сдавался, брыкаясь во все стороны. Его глаза горели ненавистью. Надежда на благоприятный исход осторожно расправила крылья.

Две трети туши были на той стороне, осталось совсем ничего — морда с передними лапами, и все, прощай! Земля и Люба забудут все, как кошмарный сон.

Внезапно мужчина, левитирующий монстра, дернулся, округлил глаза от удивления и обмяк тряпичной куклой. Из его груди торчали острые когти торжествующей самки, издавшей победный рев.

— С**ка!!! — в сердцах воскликнула воспитанная Люба. — Хоть ромашек вытащила... Василий, будь счастлив, дурачок. Отпускаю...

Волна любви горячей лавой растеклась по венам, давая мощный заряд сил и ненормального спокойствия. Люба побежала вперед, чуть выставила левое плечо вперед, приближаясь к цели, пригнулась и врезалась от души. Большой вес сыграл на руку. Обалдевший от такой наглости монстр не сопротивлялся. Домохозяйка с тушей шлепнулись в другой мир, поднимая вокруг клубы пыли.

Промеж глаз хищника торчал тесак, вогнутый по рукоятку. Женщина, изображая колбаску, покатила в сторону.

Вокруг разгоралось сияние света.

Самка, отчаянно визжа, подскочила к самцу, пытаясь заставить подняться. Он вяло порывал в ответ, обнимая одной лапой на последнем издыхании.

Пообещав себе отоспаться на том свете, Люба заставила тело встать и побежать. От былого подъёма сил остались жалкие крохи. Подскочила все та же неутомимая тетка в чепце, поднырнула под плечо иномирянки, придавая скорости, и потащила на буксире.

Почуввав не ладное, домохозяйка обернулась и что было сил оттолкнула помощницу, перпендикулярно увеличивая расстояние между ними.

— Да сдохни уже, — в сердцах воскликнула женщина, тяжело дыша.

Слезы непрерывным потоком лились из глаз. Последовала нестерпимо яркая вспышка света.

Портал схлопнулся. Люба провалилась в темноту.

2

Люба

Чувствовала себя многоклеточным существом, ибо болела каждая частичка организма. Забытое состояние со времен молодости знакомо постучало в двери: помойка во рту, ломота и слабость, головная боль... Мы с Василием напились!? Помирились? Разругались? Не помню...

К губам прислонилась посуда неизвестного происхождения, чуть надавив вниз. Послушно открыла рот и проглотила жидкость, скривившись от вкуса. Не десерт, однозначно, но к глубочайшему изумлению, варево придало сил. Открыв глаза, осмотрелась и все вспомнила.

Лучше бы это было похмелье.

Огромная комната с высоченными потолками. Старинный стиль оформления, вензеля, немногочисленная мебель, ткань на стенах, картины и...камин. Отчего-то последний расстроил больше всего. А там и отсутствие водопровода, медицины, лекарств, патриархат и антисанитария. Я попала в другой мир.

Точнее влетела, да так и осталась.

— Это конец, — выдохнула обреченно, забыв о наличии постороннего рядом.

— Привыкнешь, милая, — раздалось сверху.

Повернув голову на мягкой подушке вправо, узрела лучики морщин и сочувствующую улыбку женщины в неизменном чепце, с которой вместе бегали в хаосе.

— Очнулась, жива, почти здорова, по-нашему понимаешь — говоришь — хорошее начало. Остальное приложится. Меня тетушкой Хильдой звать, а тебя?

Карие глаза внимательно смотрели, не торопя с ответом. На вид около пятидесяти лет, не высокого роста, в простой неприметной одежде, широкого телосложения и грубой кожей на руках. Она светилась добротой и искренним участием. Может поэтому захотелось зацепиться за нее, как за дерево с мощными корнями. Дабы обрести желанную твердую почву под ногами, потому что внутри я падала в очень глубокую яму... отчаяния, хоть и пыталась внешне это скрыть.

— Люба, — выдавила из себя, принимая сидячее положение на вычурной софе золотого цвета. Парча, если не ошибаюсь.

Хильда присела рядом.

— Будем знакомы.

— Стало быть детки остались без мамки, — произнесла она с грустью.

— Почему? — не поняла вывода.

— Так ты здесь, а они там, — манула рукой наверх. — Отец-то есть?

— Это были чужие дети, — горький смешок.

— Как чужие? — воскликнула Хильда, наклонившись вперед. — Так ты рисковала шкурой ради... чужих?

— Первый раз видела, — пожала плечами и отвернулась.

Кратко поведала о произошедшем в кафе. Женщина не перебивала, задумчиво хмурясь.

— А я-то бегала, как ошалевшая, — засмеялась Хильда и мгновенно стала серьезной. — Как увидела, что ты с монстром шлепнулась, вся в крови, подумала не жалец. А как покатила, так я и на помощь побежала. Зачем толкнула, милая? Ногу сломала! — обиженно воскликнула она, вытягивая конечность.

— Самка бежала мстить. Зачем умирать двоим? — закрыла глаза. Хотелось плакать.

— Спасти хотела? Меня, тетку старую? — Хильда замолчала, думая о своем. — Портал закрылся, засияв нестерпимо, думала ослепну. Страшный вой стоял... Закончилось, огляделась, увидела тебя без сознания, вся в кровищи...

— Самку убили? Поймали?

— Не было ее милая, не было. Сгорела от вспышки, видать. Вот второй и пострелята их прахом обернулись... Ты скажи, остался кто... на той стороне? — спросила осторожно, мотнув головой.

— Бабушка, — пожала плечами, стараясь выглядеть безразличной. — Еще мать, отец и сестра, но с ними не особо близки. Бабушка будет горевать... Ну и муж... Бывший, — брякнула, хотя не собиралась пускать так далеко. — Спасибо вам, — крепко обняла Хильду, — за помощь.

— Так и я бы не топтала землю без тебя, милая, — обняла в ответ.

— Почему... вы помогли? — мне было важно знать.

— Что мы не люди, звери какие? — искреннее непонимание. — Баба ты хорошая, добрая, сразу видно. Себя не жалела, все силы положила. А детки в любом из миров детки, милая. Тут и думать нечего.

Поток слез хлынул по щекам, словно весенний паводок с гор. И вот я снова утыкаюсь в плечо, меня гладят по голове, приговаривая, что все будет хорошо. От этого в голове рождаются непрощенные ассоциации, от чего слез становится больше.

Я оплакивала свою прошлую жизнь, свою любовь, что закончилась так неожиданно и глупо, свою семью, каждого из них, пусть и не все были близки, бабушку, что пережила мою смерть, ничего умнее погребенной под завалами они не придумают. Вместо со слезами выходит страх перед будущим, чувства беспомощности, уязвленности и одиночества.

Что ждет меня?

Смогу ли построить жизнь с нуля, или пойду на дно осенним листочком, смытым в недра зловонного коллектора сточных вод?

— Поплачь, милая. Станет легче. Нам женщинам повезло, слезы вымывают изнутри все печали, оставляя нас обновленными и чистыми для новых чувств и деяний, — гладила по голове Хильда.

Когда истерика закончилась, она дала платок и вышла, вернувшись с подносом. Я попросилась в уборную, внутренне содрогаясь от предстоящих перспектив знакомства с грязной дырой в полу вкупе с характерным амбре, витающим в подобных местах.

Каково же было мое облегчение при виде крана и сиденья с системой смыва.

— Да, не в деревне живем, — гордо заметила Хильда. — Вижу, удобства для тебя не в новинку.

Кратко рассказав и показав все, что надо, она вышла, попросив не задерживаться долго. На стене был большой, блестящий... кукиш, вместо зеркала. Не судьба рассматривать свою облезло-помятую физиономию, вздыхая о степени нанесенного ущерба.

С унитазом проблем не возникло. Встала к каменной раковине, тщательно выковыряв грязь из-под обломанных местами ногтей. Умылась, шумно высморкалась, аккуратно протерла шею и руки до локтей. Желудок громко урчал, требуя прибавить газку.

Пока я с аппетитом поглощала наваристый бульон с ломтем свежего ароматного хлеба, Хильда кратко поведала о месте, в который мне посчастливилось попасть.

Планета называлась Эдо. Почему-то мир тоже назывался Эдо, но при этом космос освоен не был. Водные просторы омывали три куска суши: Большая земля, самая большая, Темная земля, кусок поменьше, и холодные острова, являвшиеся архипелагом островов, покрытых толстым слоем льда.

Я попала на континент Большая земля в скромный городок Амран, тихонько расположившийся на самом краю границы военного королевства Любек на побережье океана. Скалистые берега и очень сильные течения разной направленности делали невозможной морскую торговлю. Аномальная зона глушила маг почту и вносила перебой в работу магических предметов. Короче, захолустье, какое еще поискать.

Здесь была магия. Собственно, ее я уже имела честь лицезреть. К расам людей и гномов сегодня добавились твари.

Климат средний, серьезных холодов почти нет, но близость к большой воде делала свое дело. Неделю называют туя, в ней семь дней. Времена года: лето — кетон, осень- намар, зима- винтрон, весна- вайса. По три месяца в каждом: первый, второй, третий.

С богами было несколько иначе, чем на Земле. Когда-то давно они даже спускались к людям, отвечали на призывы и одаривали своей милостью последователей. Сейчас небожители хранили коллективное молчание.

Верховные: Бог Отец Таранис — отвечал за справедливость и мудрость, Богиня Мать Ютария — хранительница семейного очага. В их честь и были названы дневные светила большое желтое и средних размеров оранжевое.

Их дети: Теон — бог неба и осадков, Атор — бог войны, Эллария — богиня любви и красоты, Огмиос — бог ремесел, Суцелл — бог морей и водоемов, Гестед — бог странствий, Эпона — богиня плодородия, Хель — богиня смерти. В честь последней назвали ночное светило, раза в три больше земной Луны. По поверью местных, Хель дает много белого света, чтоб души умерших прятались в тени, не мешая жить живым. Боги были одноименными на всех землях.

Речь Хильды текла медленно, но хорошо откладывалась в голове. Возможно, этому способствовала жажда знаний и сладкий ягодный компот, врученный сразу после похлебки.

Сейчас была середина третьего месяца кетона (*лета). Амран, по сути, был кузницей военных кадров. Одной из лучших по всему королевству. Главным над всеми был Джонатан Мюррей — выдающийся капитан армии местного короля Филиппа I. Дальше вырасти он не смог из-за своих дерзких взглядов, длинного языка и честного неподкупного упрямого характера.

Кость в горле, хоть и аристократического происхождения, услали трудиться подальше от разъярённого короля, которого Джонатан имел наглость осудить за излишнюю кровожадность. Его мать не пожелала ехать в ссылку вместе с единственным сыном, отослав с ним лишь кормилицу Хильду. Сама же честно приезжала погостить. Пару раз в год.

Извилины в голове стонали и требовали время переварить огромный поток информации.

— Вы слишком правильно говорите для... кормилицы.

— Джонатан упрям, — хитрая улыбка. — Привел паренька, сказал, будет учить. Меня никогда не ругал, а драл три шкуры с учителя. Жалко стало, пришлось постигать науку, — усмехнулась Хильда.

Закатила глаза. Тиран и деспот, а она улыбается.

— Это его дом?

— Да, милая. Джонатан сложный человек, но благородный и честный... Спи, спи...

— Спасибо, — пробормотала, уплывая в сон.

Джонатан Мюррей

— Сколько? — спросил, не ожидая хороших вестей.

— Сотня и семь магов, — тихо ответил Велдон, крутя безделушку в руках. — Плюс гражданские...

— Твою мать!!!

Стул полетел в стену и не пережил столкновения.

Монстры появились неожиданно, разбежавшись в разные стороны, не забывая жрать и рушить все на своем пути. Разных форм и уровня силы, тупые и хитрые, они перли и перли без конца и края.

У кого из ныне живущих хватило бы на это сил? Филипп сам не мог, все маломальские сильные маги сбежали или сдохли. Агрессоры — мы! Кто мог открыть столько порталов разом? Земляные трутни из Апсилии? Кичливые торгаши из Ганзы? Кишка тонка Угнетенные гномы? Тоже нет, они тихо сидят в своих скалах.

— Раненные? — спросил Велдона.

Друг детства и единственный нормальный лекарь на много миль вокруг выглядел откровенно паршиво. Светлая кожа на лице посерела, пшеничные волосы и темно-зеленые глаза, казалось, выцвели, щеки впали — он выжал себя до суха.

— Сделал все, что смог. Полевая кухня работает, вещи раздают, здания чинят, раненные отсортированы, обеспечен уход. Сейчас они напуганы и уязвлены, но потом бабы хлынут саранчой, требуя ответов, Джон. Что мы им скажем? — поднял свой взгляд.

— Скажем, что мы ни хрена не знаем, но поможем по мере сил... Маг почта в кои-то веки сработала, — устало протер лицо и достал плотную бумагу, пестрящую титулами отправителей. — Прочти, пришло пару минут назад, — кинул ему в руки. — Любек полыхает, столице досталось больше всего...

— Да мы везунчики, — сцедил зевок в кулак друг. — Они имеют наглость требовать весь гарнизон?? Да пока мы доскачем, пройдет... Неделя? Кто останется здесь?!

Забрал у него бумагу и сжег, с мрачным удовлетворением следя, как приказ обугливается по краям, чернеет и превращается в пепел.

— Я ничего не видел. А ты?

— А менталисты? — осторожно уточнил Велдон.

— Вали все на меня, не первый раз, — отмахнулся от него. — Когда еще будет. Сейчас мы нужны здесь... Этим людям никто не поможет, кроме нас. Король отказался от них, кинув прозябать на голые камни, без поддержки и золота... Мы даже в море выйти не можем, Велдон!... Его высокородная задница обойдется. Из четырех сотен осталось всего три и четыре мага. Не известно, скольким тварям удалось сбежать и спрятаться. Где они нас поджидают? Надо организовать отряды и прочесать ближайшую местность, чтобы людям было безопасно ходить к воде и в лес.

Толкнул вставшего друга обратно на диван.

— Спи. Я сам. Ты уже сделал все, что мог.

Велдон вырубился раньше, чем закрылась входная дверь.

Четыре отряда по двадцать человек плюс маг отправились прочесывать город, систему колодцев, спуск к морю, прибрежные воды, опушку, лес и каждый подвал дома. Мы не могли позволить себе быть беспечными.

Идя от хозяйственника к повару, набросал в голове план постройки оборонительной стены. Сколько человек отрядить, как задействовать всех возможных. У нас были огромные потери, нужно будет позаботиться о семьях, оставшихся без кормильцев. Первый урожай снят, от второго осталась лишь часть. Плохо. На этой скупой земле хорошо растет лишь лес. Придется углубляться далеко в чащу, собирая все, что можно сожрать. Мука — дорогое удовольствие, но людям нужен хлеб. Ушлые торгаши дерут в четверо больше, чем в столице. Надо заготовить мяса впрок, скосить травы для скотины, подлатать прохудившиеся крыши... Кто все это будет делать?! Как все успеть? А когда тренироваться?

Филипп ясно дал понять: золото в наш городок придет только после моего унижительного разжалования в рядовые на глазах всего двора. Впервые в жизни я готов был согласиться.

— Что скажешь? — спросил тощего Олафа, когда дошел до его вотчины.

Главный повар и один из моих преданных друзей тяжело вздохнул, постучав тесаком по огромному чану.

— Осталась одна печь. Запасы уцелели на половину. Какая-то гусеничная тварь окопалась в зерне, оставляя слизь. Пришлось спалить всю комнату... Посуды мало. Столовой больше нет, нужны столы и стулья.

— Понял, — коротко кивнул, запоминая список необходимого.

В груди ныло. Оставлять все как есть нельзя. Решение было очевидным и простым — раскошелиться самому. Придется написать матери. Поморщился. Шагая по раскуроченной дороге, как на яву представлял недовольное лицо и причитания:

— Джонатан! Тебе шестьдесят и ты не молодеешь!!! Я хочу внуков!!! Твой эгоистичный отец умер рано, оставив меня с одним ребенком!!! Коль уж ты пошел по стопам отца, выбрав военную стезю, будь добр, — тут она наберет побольше воздуха и рявкнет, прям как я на строевой, — сделай мне внуков!!!! — потом поправит волосы, поняв, что перегнула, и продолжит ласково. — Дорогой, мне так скучно в столице. Я могла бы приехать, помочь нянчиться. Там, где один, и пятерым место найдется. Главное, правильно выбрать жену. Вот у меня на примете...

Дальше никогда не слушал, желая найти пару зову сердца, а не по принуждению. Ноги сами принесли к обрыву. Непокорная стихия раз за разом с шумом обрушивала свои водяные кулаки на несчастные скалы, прорубая путь вглубь материка. Молочная пена шипела обещания скорой расправы, унося мелкие частички вглубь океана, возвращаясь за новой порцией.

В такие моменты я чувствовал единство с природой. Мне хотелось чувствовать. Единственный сын, наследник и... не маг. Пустышка, как часто упрекал отец, пока мать не видит. Она его любила, отдавая всю себя без остатка. Только благодаря поддержке ее рода, отец, смазливый аристократ средней руки с сильнейшим даром ветра, смог сделать карьеру и развить потенциал.

Присел на землю, подставляя лицо с закрытыми глазами соленым брызгам. Вдохнул полной грудью, стараясь прогнать груз этого дня. Криво улыбнулся.

Молодости свойственны безрассудные поступки. Пылкая первая любовь вообще стирает границы. В семнадцать я точно знал, кого хочу видеть с собой всю оставшуюся жизнь. Девушка отвечала взаимностью. Как-то раз мне в голову пришла блестящая идея: подкинуть подарок под покровом ночи. В те времена я вообще не думал головой. Залез по дереву, спрыгнув на балкон. Ночное светило освещало путь. Его же лучи посеребрили постель и два тела в нем.

Не помня себя от ярости, вступил в драку с собственным отцом. Купол тишины прекрасно скрыл звуки борьбы. Девушка рыдала и просила нас прекратить.

— Я жду от него дитя!! — взвыла она в отчаянии.

Новость ударила под дых, отвлекая от происходящего. Отец воспользовался заминкой, плеснув огнянки на мое лицо, покрытое свежими порезами. Дикая боль затуманила голову. Он умер, все также презрительно кривясь.

Бывшая возлюбленная иступлено выла, раскачиваясь из стороны в сторону. Ее родители принесли клятву молчания, избавившись от тела. В эту же ночь у девушки случился выкидыш, а затем она навсегда уехала в монастырь. После этого сердце было свободно лишь для одной женщины. Его смерть отдалила нас, словно она подспудно чувствовала мою причастность. Второй раз замуж мать так и не вышла.

Этот день мог стать последним в моей жизни. Открыл глаза, уставившись вдаль. Возможно, она и права. Пора сделать пару наследников. Так, на всякий случай... Пойду

напишу ей. Обрадуется.

Заодно привезет все необходимое.

Люба

Новость обо мне решили отложить до утра. Джонатан пришел под вечер мрачней обычного и сразу заперся в своем кабинете. Как-никак от него будет зависеть моя судьба, пусть хотя бы выспится и поест.

Хильда принесла ворох местной одежды на примерку. От чепца я наотрез отказалась. Пока одевалась, ушная тетка поведала, что поселила меня ни много ни мало в королевские покои. Стало понятно, почему вокруг все такое вычурно-парчовое в вензелях при небогатом уровне жизни. Это последнее место, которое сунется инспектировать хозяин дома при его лютой ненависти к монарху.

Что ж, хитро.

Закатывая глаза, подцепила двумя пальцами еще один раритет в виде панталон и положила подальше. Надо будет озаботиться трусами. При виде моего нижнего белья Хильда дернула одним уголком рта и промолчала. Легкая нижняя рубашка, однотонное платье глубокого синего оттенка из мягкой ткани со шнурками по бокам, подобие сандалий из мягкой кожи. У меня, конечно, не рост великана, но точно выше женщины напротив.

— Хильда, чье это? — подозрительно прищурилась. — И твоя одежда... ммм... сильно отличается от этой, — наконец смогла оформить мысль в слова.

— Матери Джонатана, — пожала плечами тетка.

У меня отвалилась челюсть.

— Что? Да он сожрет меня!!! Приперлась без приглашения, стащила вещи, что дальше?

— А это как уж ты постаралась, — хитро улыбнулась она. — Не глупи, там еще четыре сундука пылятся, — отмахнулась, как от надоедливой мухи.

— Можно поподробнее про «постаралась»? — тело окаменело.

— Тут главное, как преподнести, милая, — подхватила под локоток и подвела к одному из трех зеркал в доме. — Если придешь вся такая, как сейчас, — обличительно ткнула пальцем в отражение, — и слушать не станет. Посадит на коня, приставит провожатых и прощай, катись в столицу на дознание. А туда... лучше не попадать, милая, — серьезно закончила Хильда. — Посему, будь хитрее. Смирный взгляд в пол, слезки там немного, попроси...

— Нет. Я не буду ничего просить, — поджала губы. — Уйду сама. В ближайший город. Там...

— Что ж ты глупая какая! — воскликнула Хильда, треснув по жопе. — Нет города рядом! Нет! — вспыхнула она. — Лес кругом, зверье, вода и камни! Баб мало, а таких... пригожих еще меньше! Пикнуть не успеешь, как в первом же городе загремишь в дом удовольствий, Люба! — хлопнула подзатыльник.

— Хватит меня шлепать! — гаркнула в ответ, отходя, чтобы не треснуть в ответ. — Мне нужна работа. Любая работа и угол с куском хлеба. А там я решу сама, — пытаюсь не рычать, озвучила просьбу.

— Хорошо, — у Хильды резко поменялось настроение, а загадочная улыбка прямо намекала на подставу. — Хорошо...

Я подозрительно посмотрела на женщину, но не успела задать вопросы.

— Хильда! — гаркнул мужской голос. — Кто пришел?

— А все ты, — тяжело вздохнула вышеупомянутая. — Обманывать придется... Сиди тихо, сделай одолжение, — строго свела брови у переносицы, погрозив пальцем для усиления эффекта.

Пока она ушла поддерживать конспирацию, я плюхнулась на королевский стул, стоящий рядом. В окно выглядывать не решилась, хотя очень хотелось. Вдруг, увидит кто. Конечно, было удобно, что в доме не было слуг, иначе быть мне уже на пол пути в ад.

Согнулась и закрыла руками лицо, утыкаясь в собственные колени. Что делать? Одна. Никто и звать никак... Слезы потекли по щекам. Разогнулась и зло стерла. Не буду постельной грелкой!!!

Вспомнилась бабушка и ее громкое: «Люба, вытащи голову из жопы и начни уже думать!!» Да, Мария Вениаминовна умела сквернословить.

Так, надо извиниться перед Хильдой и придумать, что предложить в обмен за свою свободу. Спицы? Вязание? Вышивание? Рецепт эклеров? На кой ему эклеры...Пфф. Я ведь ни черта не знаю из области полезных знаний. Вряд ли их заинтересует теорема Пифагора или цитирование стихов Пушкина. Начнем с трусов и белья. Это можно продавать, это принесет прибыль.

За составлением наполеоновских планов и застала меня Хильда. Только теперь хмурой и задумчивой была она.

— Все? Я раскрыта? — внутри похолодело.

— Нет, — мотнула она головой. — Потом расскажу. А пока пошли, только тихо. Помощь твоя нужна. Не хорошо мне стало, — растерла грудь.

— Что сделать? Где лекарства? — подскочила к ней.

— Замолчать и слушать, — сердито отозвалась вредная тетка.

Следующий час я изображала теленка, ходившего хвостиком за мамкой. И с сердцем у нее все было в порядке.

Вот зачем холостому мужику особняк на два этажа, при том, что он приходит только поспать и поменять одежду? Ответ: чтоб был. Настроение у Хильды скакало вверх-вниз, словно бешеный график электрокардиограммы. Она решила во что бы то ни стало умаслить Джонатана, чтобы тот был благосклонным при принятии решения.

То ей надо чистое белье — все вытащи. То не надо — убери. То ей нужно помыть полы на ночь глядя, грязно, а света нет — тащи свечи. Тут же нет сил — убери все обратно, пошли печь пирог. Пирог точно поможет! По пути ей стало холодно, пошли разжигать камин. А то, что я не умею, ее мало волновало. На все вопросы отмахивалась, не соизволив обратить внимание на ни один. Когда исцарапали мои руки и вогнали в них по меньшей мере десятков заноз, слабый огонек сжалился и таки затрещал, неохотно распространяясь по бревнышкам. Потом поперлись на кухню, попутно проинспектировав всю посуду в поисках «любимой чашки хозяина».

— Все Хильда, ты меня достала. Без обид, — встала посреди коридора, пытаюсь отдышаться, и подняла руки вверх. — Веди к нему, пошло все лесом! Попробую уговорить сама, без твоей помощи.

— Так да? — задрожала нижняя губа у тетки. — Как ей помощь, так бегай, Хильда молодухой, собирай чужих пострелят. А как мне помощь нужна, так достала, да? — поникли плечи. — Для тебя старалась, как к родной, со всей душой!... Пошла вон! — оттолкнула и побрела сгорбленная по коридору.

Слова о том, что она чересчур рьяно взялась за помощь, застряли в горле, вместе с

комом обиды. Такой дрянью я не чувствовала себя давно. Глубоко вздохнула и глубоко выдохнула.

Спокойно, Люба! Раз, два, три.

Ллладно. Сжала кулаки. Отдам долг за «ромашек» и улизну от этой деятельной женщины, пока ноги не протянула от ее заботы.

— Прости меня... Я помогу.

— Правда? — просияла вмиг обернувшаяся женщина.

Старая интриганка, вот кто она!! Пока я хватала воздух ртом, чтобы затолкать поглубже свои возмущения, Хильда протащила на буксире до кухни. Чертыхаясь со свечой в руке во тьме холодного погреба, искала долбаную муку, потому что Хильда забыла, куда сунула мешок. Мы облазили все вдоль и поперек.

Быть феей кухни под тусклое сияние единственной свечи — то еще удовольствие. Мне удалась только одна роль — свиньи. Кожа чесалась и стягивалась от подсыхающих брызг яиц, под носом свербело от рассыпанной муки, но чихать было нельзя! Во что превратилась одежда, не хотелось даже думать.

Практически засыпая на ходу, доделали «подарок». Хильда сияла. Толи у нее поехала крыша, толи я чего-то не понимаю. Думать сил не было, она выжала из меня все, что могла. Плохо соображая, дошла до кровати, куда меня привели и вырубилась, не раздеваясь. Потом умоюсь.

— Спи, милая. У нас все получится, — ласково прошептала Хильда, укрывая одеялом.

— Угу, — промычала ей в ответ.

Джонатан Мюррей

Восхитительный аромат нетерпеливой птахой стучал в окна моих снов, немедленно требуя проснуться. О, Боги, это же пирог Хильды! Мой любимый... Помнит, кормилица. Заботится. Каждый день. Один из трех самых близких людей.

Небеса, спасибо, что она есть в моей жизни!

С ее поддержкой и мудрым советом, быстро выберу невесту. Вытерплю причитания матери... Мать... Возможно, стоит рассказать ей правду. Она достаточно оплакивала свою любовь, следуя за поднятым знаменем с лже святого... Даже, если возненавидит потом.

— Просыпайся, сынок, — ласково произнесла кормилица, одергивая плотные шторы.

— Сколько времени?! — подорвался, спешно собираясь. — Я же проспал! Первый раз в жизни!

— Джонатан, отставить работу, — строго произнесла Хильда. — Есть разговор.

Медленно обернулся к ней, не веря своим ушам. Только теперь заметил необычный наряд. Дорожный. Оделся, плеснул холодной воды, растирая лицо. Готов. Она молча пододвинула вкуснятину и начала говорить. Кусок встал в горле. Лучше бы она молчала.

Хильда, моя Хильда, опора и якорь, решила, что ей нужен перерыв! Сумки собраны, лошадь готова, и вот она прощается.

— Какая сестра?! Вы не разговариваете двадцать лет!!!! — рявкнул на нее, вскочив со стула.

— Ты голос то не повышай, сынок, не в казармах! — рявкнула в ответ.

Я присел обратно.

— Вчера не ты один ощутил дыхание Хель за спиной. Не знаю, сколько мне еще отведено, посему надо успеть помириться. Родные люди. Одна она, Джонатан, с пятью

ребятишками лямку тащит. А я тут королевишной на готовых харчах жирую. Поеду, помирюсь и заберу их сюда.

— Так это прекрасно! — оживился я. — За неделю туда обратно, бросай все! Я куплю. Дом, вещи, скотину...

— Отпуск у меня, дорогой. Приеду, когда смогу, — резко подорвалась она. — Выдели пяток ребят проводить, на границе отпущу.

Этот решительный взгляд был очень знаком, ведь он достался мне как раз от нее. Многие обманывались простым лицом и мягким нравом, да только не многие знали, что за стержень внутри.

— Будут с тобой! — прорычал, поняв бесполезность уговоров. — Десять!!!

— Прекрасно. Вот еще. К нам попала иномирянка. Любой звать.

— И ты сказала только сейчас? Да она уже тут...

— Человек она, Джонатан, как мы с тобой. Одна. Все потеряла.

Хильда рассказала их историю знакомства.

— Я должен сообщить о ней, — поморщился. — И не проси...

— А я не прошу, — пожалала она плечами, выходя.

Побежал за ней, уговаривая отложить визит, обещая лично поехать и помочь, но чуть позже. Кормилица была непреклонна. На звук нашей ругани вышла... женщина. Чтоб ее твари пожрали, как не вовремя!

— Хильда!!! — рывкнул в отчаянии. — Хватит глупить!!! Кто будет мне готовить?! Эти курицы? — махнул в окно. — Так мне потом в клетке спать, чтобы ни одна из них не запрыгнула в постель!! Или таскать полуобморочных идиотов, переоценивших свои чары и любовные зелья?!

— Справишься, — спокойно ответила.

Подошла к ... женщине, обняла, попрощалась. Эта... женщина, выглядела ошарашенной и напуганной. Тоже мне, актриса. Потом разберусь.

— Хильда!!!

— Имею право. А готовить любая баба сможет. Вот, далеко ходить не надо. Люба справится и в постель к тебе прыгать не горит, не сомневайся, — усмехнулась и ушла, громко хлопнув дверью.

Кинул взгляд на эту... Любу. И пошел провожать кормилицу, скрипя зубами.

Хильда разбудила и попросила выйти в коридор, когда услышу ругань. Увиденное повергло в шок. Она, сунув письмо мне в руки, обняла на прощание и свалила в закат. Сегодня милая и понимающая тетка превратилась в твердый бульжник, забивший гвоздь отчаяния в голову огромного двухметрового мужика.

Хлопнула дверь. Сунула письмо за пазуху и пошла есть, пока не вышвырнули из дома. Умылась, мечтая о ванне, жаль не придется теперь. Как же я ошибаюсь в людях... Раз за разом.

Идея предложить пошив женского белья уже казалась смешной и не нужной. Когда доела, ввалился злой Мюррей. Отрезала ему пирога, достала посуду, не забыв прихватить полотенчико, и поставила все вместе с горячим взваром.

— Прежде чем вы начнете орать, хочу кое-что рассказать.

Он раздувал ноздри и молчал — зеленый свет. Озвучила мысль, что хитрая тетка не зря ночью издевалась надо мной. Она фактически показала все, что есть и рассказала, как этим

пользоваться.

— Есть ли возможность вернуть меня обратно? — тихо спросила в конце монолога, рассматривая стену.

— Нет.

Закрыла глаза, дернувшись. Я знала ответ, но надеялась на чудо. Заставила себя расправить плечи и взглянуть прямо.

Хозяин дома пребывал в бешенстве, часто дыша, закипая от бурлящих чувств. Глаза цвета грозового неба метали молнии. Темные, коротко стриженные волосы с едва заметной проседью, иглами топорщились в разны стороны вторя плохому настроению владельца. Короткие усы, плавно переходящие в бороду. Фу. Терпеть не могу волосатых. Сколько ему? Сорок? Пятьдесят? Хотя, какая разница.

Тяжелый человек.

— Какие у меня перспективы? — тоже умею так смотреть.

Нечего на меня спускать свое плохое настроение. Он встал, сделал два шага... и грохнул кулаки на магическую плиту от чего артефакт управления раскололся пополам. Досадливо стряхнул осколки на пол и поправил рукава. Запрокинул голову, рассматривая потолок, и резко обернулся.

Ждала, внутренне готовая бежать в лес.

— Поживешь здесь, — выдавил через себя. — Я должен сообщить о тебе... Но пока повременю. Раз она так хотела... Двери открыты, даже коня дам. Сбежишь — сделаешь одолжение, — я сжала зубы. — Любой проступок — свяжу и выкину в столицу, пусть разбираются. Может ты тварь какая в человеческом облике.

Я окаменела, обещая отомстить. Засунув гордость глубоко, пришлось спросить:

— Как к вам обращаться? Можно ли выходить из дома? Где брать припасы? Куда можно заходить? И мне нужна одежда. Хильда дала только этот комплект.

Джонатан скривился, отрывисто ответил и вылетел. Выдохнула, откинувшись за спинку. По щекам текли слезы. Старалась не всхлипывать шумно. Ничего, прорвусь. Обживусь немного и уйду.

Джонатан сказал, что теперь я — старшая дочь сестры Хильды. Приехала аккурат в момент нападения тварей. Сопровождающих сожрали, вещи сгорели. Приехала просить, чтобы разрешили переехать к ним. Поэтому Хильда и уехала — забирать остальных. Сидеть тихо, отвечать коротко. Придет лекарь Велдон объяснит подробнее.

Посмотрела на печь, скривившись.

Кто мне, городскому жителю, расскажет, как ей пользоваться?

После ухода Мюррея вежливая улыбка вздохнула и собрала цветастый подол дружелюбия, скатав в трубочку до следующего раза. Достала письмо Хильды. Прочитала и сложила обратно.

— Вот, Люба, второй шанс. Держи и распишись, да не обосрись от привалившего счастья, — поздравила сама себя.

Закрыв глаза, опустилась на дно купальни. Горячая вода творит чудеса, смывая вместе с грязью горести и печали, если человек готов отпустить наносное. Держалась внизу, пока легкие не начали гореть. Стремительно вынырнула, взмахивая руками и делая хриплый судорожный вдох. А затем еще и еще.

«Раз не готова тонуть, нечего помирать! Встала и пошла делать!» — часто говорила

бабушка.

Порой казалось, что она не судья, а генерал в отставке. Даже мать ее побаивалась, хотя никогда не признавалась.

— Я найду свое место, ба, — пообещала потолку. — Только и ты, пожалуйста, живи там.

До водных процедур предусмотрительно сходила и выбрала несколько комплектов вещей, сложив на полках небольшого шкафа в комнате Хильды. Хотя она и советовала занять выгодную территорию в гостевых покоех, обосновалась в ее комнате. Отсутствие каких-либо личных вещей наводило на мысль, что женщина заранее знала мое решение.

Пространство утопало в ярких лучах, щедро проходящих сквозь два больших окна напротив входа. Бревенчатые стены обшиты светлыми деревянными панелями. Бежевая кровать с резным изголовьем и растительным орнаментом на ножках. Уютное кресло с аккуратным сложенным пледом и подушкой, украшенной красными цветами, такими же, как на занавесках песочного цвета около окна. Двустворчатый шкаф, комод на три ящика с пустыми шкатулками, две свободные открытые полки на стене для безделушек, покрытый светлой скатертью стол и стул около одного из окон. Камин, напротив кровати, затейливо выложенный камнем. Два ковра. Современные удобства: небольшая купальня с удобными ручками по всему периметру, пара корзин, полочки с мыльными принадлежностями, квадратное зеркало над каменной раковиной.

Это комната для дорого человека, а не для кухарки.

Сплела косу из влажных волос. Одеда светлую свободную рубашку и многослойную юбку. Верхний ярус винного цвета, поверх темного нижнего. Ноги обула в те же сандалии. Комната Хильды была привлекательна близким расположением к кухне и приличной удаленности от покоев Мюррея.

Повторный осмотр дома и придомовой территории занял не много времени. Щедро набитые кладовые давали фору на пару месяцев. Под потолком висели различные пучки засушенных трав неизвестного назначения.

Нужна бумага и писчие принадлежности, чтобы подписать все. Пухлый сборник сказаний о богах этого мира в комнате Хильды развеял страхи относительно способностей к чтению. Подозреваю, что письму придется учиться.

В кладовой взяла тряпки, ведро, налила воды и пошла отрабатывать свое содержание. Задорный голос оторвал от надраивания полов:

— Мммм... Милая девушка, позвольте предложить вашим нежным ручкам превосходный крем. Больно представить, во что они превратятся через пару недель.

На пороге комнаты стоял долговязый парень с широкой улыбкой. Пшеничные волосы собраны в косу, темно-зеленые глаза блестят озорством, длинные музыкальные пальцы с узкими кистями, свойственные скорее девушкам, нежели мужчинам. Рубаха, коричневый жилет, штаны из темной плотной ткани, заправленные в высокие кожаные сапоги.

Облепленные комьями грязи.

Нагнула голову в бок, узрев путь незнакомца, и улыбнулась, стараясь не скалиться. Он поднял брови, обернулся и выдал:

— Оу! — сложив губы трубочкой. — Я — Велдон, а ты — Люба. Предлагаю простить за оплошность, впредь буду...гм... сообразительнее! — просиял парень. — Я очень полезный. Точно, точно! — покивал головой. — А еще лекарь! Джонатан будет не рад, если задушишь этой тряпкой в день знакомства.

Оказалось, я крепко сжимала орудие труда.

— Хорошо, — тут же нашлась. — Тогда обучишь письму и поможешь на первых порах, терпеливо отвечая на множество вопросов.

— Может просто протру за собой? — поднял брови вверх.

— Поздно, — усмехнулась, вставая с четверенек.

Следующий час Велдон стонал и пил воду, в перерывах между своей болтовней и моими вопросами. Утащив книгу для записей у Мюррея, он гордо плюхнул ее мне под нос:

— Владей! Но вдумчиво и со смыслом, ибо в нашей дыре это дорогое удовольствие!

Сказал не ждать Джонатана на обед и ужин, ибо днем он ел вместе с остальными, а про ужин всегда забывал. Настоятельно рекомендовал не спать до полудня, обеспечивая Мюррея ранним завтраком. Ибо голодный командир — страшное дело. Показал запас настоек и мазей, спрятавшихся в трех корзинах. Хильда была очень запаслива. Стоял и ждал, пока подписывала. Научил укрощать печь.

— Все Люба, — вытер пот со лба. Веселье слетело наносной шелухой. — Корми и отпускаяй, в лазарете полно раненных... О, пирог кормилицы! — больше предложить было нечего.

Набросав примерный план поселения, Велдон вылетел пулей.

В чистых сапогах.

Засунула карту местности под резинку лифа на плече.

— Сейчас бы супчик...

Поменяла броский наряд на платье глубокого шоколадного цвета. Скрипя зубами, накинула на голову платок, повязав на манер косынки.

Найденная в углу погреба большая корзина щедро вместила мешочки круп, овощей и лекарственных сборов. Если Велдон и Хильда правы, то Джонатан не прижимистая свинья, а вполне такой заботливый капитан. Прокормить одного мужика — дело не легкое, прокормить ораву мужиков — целый подвиг. Можно и поделиться, если что, прикроюсь заботой о своем голодающем начальстве. Долго думала, как обращаться к Мюррею. Называть этот недовольный финик «хозяином» не поворачивался язык. «Начальник» — в самый раз.

Загнав панику перед неизвестным под мысленные плинтуса, резко толкнула дверь. Сердце взволнованно отсчитывало удары. Остановилась на пороге, вдыхая полной грудью с закрытыми глазами терпкий морской воздух, и решительно посеменила, старательно изображая из себя ишака.

Ветер, словно старый друг, приветливо потрепал по плечу, потерялся в подоле и резко взмыл вверх, от чего конец косынки затрепетал подобно флагу на флагштоке. За забором простирался новый неизведанный мир.

Дом Мюррея стоял чуть в отдалении на небольшом пригорке, находясь с краю поселения. Дальше только камни, земля и полоска синего океана, переходящая в небо. Напротив, чуть в отдалении высилась целая смотровая башня. После шли ровные ряды типовых домов в комплекте с небольшими хозяйственными постройками и крохотным придомовым участком, построенные четко по линии.

Слева в стороне темнели копотью общие складские постройки. Из рассказа Велдона дальше шла кухня, тренировочные площадки, конюшни и казармы. Где-то в середине поселения между домами располагалась местная центральная площадь. Слишком громкое

название для пяточка земли, расчищенной от камней.

Напротив первой башни по диагонали через все поселение располагались еще две смотровые, сохранившиеся лишь частично после нападения. Обжитую землю опоясывал не высокий забор из деревянных стволов, ныне сильно потрепанный тварями и огнем. После довольно широкой опушки начиналась кромка темнеющего леса.

Дом Джонатана стоял на подземном источнике, от которого проложили систему водоснабжения. Лекарь особо подчеркнул, что все коммуникации были возведены на личные деньги капитана.

Обозримое пространство пестрело ямами, обломками, остовами сгоревших зданий и унынием. Люди не собирались сдаваться под натиском обстоятельств, группами разбираясь с различными задачами. Кто-то убирал мусор и камни с дороги, некоторые искали среди сгоревших домов пригодные для использования вещи, другие помогали соседям паковать скраб. Серьезные и сосредоточенные женщины, мужчины и дети трудились каждый по мере своих сил. По удобнее перехватив ношу, пошла в нужном направлении.

Где-то рядом с обгоревшими складами путь перегородил незнакомец. Высокий крупный в простой одежде, местами запачканной грязью. Темные волосы щедро присыпаны серебром, сеточки морщин на не молодом лице, открытый любопытный взгляд карих глаз.

— Кто вы?

— Люба, — брякнула и похолодела, стискивая ручку корзины.

Паника накрыла мои берега огромным цунами. Чертов Мюррей не сказал, как меня зовут!!! Карие глаза внимательно следили за бурей эмоций, отображающихся на лице. Запоздало выдала утвержденную легенду, не ожидая ничего хорошего.

— Пройдемте к капитану для выяснения обстоятельств. Позвольте, — мягко забрал тяжелую ношу.

Нас провожали любопытные взгляды мужчин и острые как бритва женщин. А все платье мамыши Мюррея, не могла попроще тряпки оставить? Ну и косынка, вместо, чтоб его, чепца.

В молчании дошли до небольшого дома, не указанного на самопальной карте Велдона. Ага, место начальства он выдавать не собирался. Кивнув караульному на входе, провожатый провел в глубь. Постучал по двери, дождался разрешения и открыл, пропустив вперед кивком головы. Внутри обнаружили четверо мужчин и хмурый Мюррей, стоявшие кругом возле стола, на котором была расстелена большая карта.

— Капитан, — кивнул конвоир. — Привел... находку, направлялась на кухню.

— Спасибо, Ирган.

Недовольную рожу созерцать не хотелось, посему решила оглядеться. Просторное помещение, резной стол, с одной стороны стола мягкое кресло с высокой спинкой и два стула для посетителей напротив. Диван в углу рядом с широким стеллажом, доверху набитым книгами. Массивный сундук с навесным замком. Большой секретер со множеством квадратных ячеек в верхней половине и выдвигаемыми полками в нижней.

— Наша гостя..., - начал было Джонатан.

— Люба, — вставила, пока он не придумал нового имени.

— ... Люба, — повторил взбешенный капитан. — Близкая родственница Хильды. Приехала, когда напали твари. Провожающих сожрали, вещи сгорели, жива стараниями Велдона.

Солдаты кивнули и представились. Я их не запомнила. Капитан отпустил помощников, дождался, когда стихнут шаги и только потом уперся фирменным взглядом:

— Что непонятного в фразе: сиди дома? — проорал... начальник, подойдя очень близко.

Сходила к порогу и бухнула корзину перед ним, откидывая тряпицу сверху.

— Велдон сказал, часть провизии сгорела. В вашем доме полная кладовая. Проявила инициативу, принесла немного... Джонатан, — попыталась донести свою мысль, — понимаю, что у вас много дел, но я могу быть полезной, — посмотрела на злющего мужика.

— Откуда знала куда идти?

Достала карту из стратегического места и отдала ему в руки. Он вернул, ознакомившись с содержимым.

— Быстро и по существу, — рявкнул на меня.

— Хочу на кухню, — спокойный тон. — Буду полезной. Все.

Джонатан подумал несколько минут и кивнул. Открыл дверь, позвав давешнего конвоира.

— Свобода перемещения и деятельности, под ответственность Олафа. Пусть наслаждается головной болью. Предупреди, что инициативная, если ненароком покалечится, ее проблемы. Свободны.

Вот так. Маленькими шажками вперед к цели. Не такой уж он и козел. Наверное. Орет только много. Поживем увидим...

На Земле Ирган имел бы успех на поприще курьера. Принял — оценил посылку — молниеносно доставил — сгрузил у порога — кратко отчитался, не дав никому вставить и слова — убежал.

Тощий высокий жердь с прищуренными глазами под куцыми рыжими бровями уже имел в карме плюс один — на кухне было чисто. Под скрещенными руками с остро торчащими локтями, того и гляди прорвутся на свободу из рукавов, висел огромный агрегат, от которого никак не могла отвести взгляд, как ни старалась. Пауза затягивалась, пришлось поднять взгляд выше, обещая себе непременно вернуться к этой прелести.

— Я — Олаф, главный повар, — нейтрально выдал мужчина, хмурясь на улыбку от уха до уха в ответ на его слова.

— А я — Люба... Люблю жаркие объятия, — подмигнула ему, широко разведя руки.

— Я женат, — уточнил Олаф, делая шаг назад.

— И это прекрасно! Давай меняться? — мужик молчал. — Я тебе провизию, — пнула ногой корзину, — а ты мне вот эту прекрасную штучку! — показала пальцем чуть ниже его пояса.

Медленно склонив голову вниз, он хмыкнул и посмотрел уже более дружелюбно на меня:

— Нет.

— А знаешь, где достать еще?

— Да.

— Тогда договоримся, — протянула ему боком открытую ладонь для пожатия.

Олаф сохранял дистанцию и настороженность. Подошла сама, стиснула его руку, потрясла хорошенько, будто выжимала сок из старого апельсина.

— Ну все, Олаф. Ты попал. Будешь стонать от усталости в конце дня.

— Да я уж понял, — процедил, плохо сдерживая улыбку.

И понеслась душа в рай. Есть конечно и другое сравнение, но оно более... некультурное.

Следующий час орали так, что, если бы кухня была деревянной непременно бы полыхала от жарких споров.

Попивая взвар, блаженно жмурилась, облокотившись на стул с высокой мягкой спинкой. Травмированная задняя стенка горла размягчалась от поступающей горячей жидкости. Олаф улыбался. Помощники, загруженные задачами, убежали в разные стороны.

— Хорошо с тобой, Люба, — почесал рыже-коричневую щетину мужчина. — Я рад, что мы теперь вместе.

Ответить ему не успела. С порога раздалось натуральное рычание:

— Ненадолго!!!

Закрывая свет, в проеме стояла высокая крупная женщина, набычившись и сжимая кулаки. Мощная челюсть была выдвинута вперед, глаза почти спрятались под грозно сведенными бровями.

— Это моя жена — Анна! — хмыкнул Олаф. — А это — Люба... Она любит жаркие объятия! — подмигнул нахал.

Зззараза.

Никакие слова не доходили до взбешенной женщины, решившей своими руками упокоить конкурентку. Благо, у нее был плохой бросок и прицел, иначе ходить мне битой и дырявой.

— Да *** он мне не нужен, клянусь!!! — воскликнула в сердцах.

Надо головой вспыхнуло, я резко присела на корточки, инстинктивно прикрывшись руками. Хаотичное движение на кухне прекратилось — магия приняла клятву, подтвердив чистоту помыслов. Олаф пояснил шепотом.

Идиоты.

Анна, словно дорогая кукла со звуками, перешла в другой режим. Мы и договорились, и помирились, и она, наконец, свалила обратно.

— Ты должен мне нож, копия твоего. Компенсация за моральный ущерб. В кратчайшие сроки, — бурчала, пока умывалась холодной водой.

Вспотела как свинья от этих скачек. Время неумолимо ползло к обеду. Стали возвращаться помощники, наполняя кладовую чужой провизией. Предложение изъять запасы, сложить в одну кучу и выделить норму на человека — было принято со второго раза и после письменного уведомления капитана. Гневные лица успокаивать ему, надо хоть объяснить причину. Авторство идеи приписали Олафу. Мюррей похвалил в ответной записке.

Обед был приготовлен в срок, люди накормлены.

Повар рассказал, что часть людей, лишившихся всего, временно поселились в казармах. Места хватило всем. За столько лет у каждого служащего был свой отдельный дом, отчего солдатские метры пустовали. Там же развернули самопальный госпиталь, куда отправились травы, которые принесла с утра.

До самого вечера мы, словно два гнома, горбатились над кучей золота, расставляя и сортируя припасы. Ужин прошел как в тумане. Олаф выпер меня из кухни, снабдив сопровождающим и приказом выспаться.

Сил хватило только на принятие душа. Доползла до кровати и вырубилась. До планирования жизни на ближайшее будущее не дошло.

Люба

Внутренний будильник не подвел — встала рано. Спасибо выработанной привычке с Земли провожать Василия на работу... На секунду застыла, сжав кулаки и покатила дальше. Потом погрущу, ибо... начальник не кормлен! Ему еще орать целый день, силы то нужны.

Ворвалась в кладовую, искрясь воодушевлением не хуже новогодней елки. Да, большую часть я отдала. Да, надо быть рачительней и экономней. Но! Сегодня хотелось вкусенького.

Жизнь может оборваться в любой момент, мне ли не знать. Лучше придумаю, как достать еще, чем буду ужиматься.

Пританцовывая, подцепила шмат готового мяса, буквально вырванный вчера из цепких рук Олафа, кадку с творогом, мешочек с мукой, два яйца и горсть ароматных трав. Соль с медом хранились на кухне в маленьких баночках и были уже на исходе. Открыв тетрадь для записей, внесла заметки: соль, сладкое.

Курлыкая под нос и чуть подергиваясь в такт, замесила тесто для сырников, заварила травок вместо чая и спокойно выбросила первую партию, сторевшую к чертям собачьим в этой сраной печи!

Сбегала за красивыми тарелками и праздничной скатертью, накрыв на террасе с задней стороны дома. Мешающее рукоделие Хильды, оставленное на небольшом столике в углу, было убрано до лучших времен. Пришлось попытеть, перетаскивая тяжелый стол, но результат того стоил.

Когда злющий голодный Мюррей приперся на веранду, окончив мои поиски, я широко улыбнулась ему:

— Доброго дня! Завтрак будет проходить здесь, пока не похолодает. Вы не против? — еще одна улыбка.

Бабушка часто говорила: «Улыбайся, Люба! Улыбайся так, будто напротив самый любимый, самый нужный человек, важнее которого нет на всем белом свете. Если не поможет, так собьет с толку.»

Капитан молча пошел двигать стулья. Скептический взгляд тяжело прошелся по скатерти, посуде и еде.

— У нас праздник? — едко осведомился... начальник.

— Нет.

— Тогда какого рожна вы, Люба, так бездарно тратите столь ценные продукты? Вместо того, чтобы расходовать экономно и долго?! Что это? — поднял двумя пальцами сырник, потрясая в воздухе будто благоверная, нашедшая чужие красные стринги в кармане мужа.

Понимающе ему улыбнулась, чтобы скрыть набегающие слезы. Это все ветер надул. Обхватив обоими руками пузатую чашку, спряталась за ней и тихо ответила, рассматривая с выгодного ракурса величественную синеву:

— Потому, что завтра может не наступить.

А потом перевела на него решительный взгляд. Я не собираюсь сдаваться и буду делать так, как посчитаю нужным. Даже если его разобьет паралич от бешенства. Расправила плечи и выпрямила спину.

— Приятного аппетита, — нарочито вежливо произнесла и приступила к еде. — В моем... В том мире все были условно равны и могли есть за одним столом. Не подумала. Прощу простить за нарушение правил, впредь этого не повторится, — произнесла ровным голосом.

Хорошее настроение сменилось тоской по дому. Козел задумчиво сожрал свою порцию, посидел и произнес:

— Принимать пищу здесь — прекрасная идея. Спасибо за вкусный завтрак и ваше общество... Приношу свои извинения за неподобающее поведение, — выдавил из себя, как гной из дюже болючего прыща. Пауза. — Действительно, было вкусно, но впредь прошу быть экономнее... Пожалуйста. Впереди зима, — перевел взгляд вдаль. — Через неделю, две приедет моя мать. Возможно, с невестами... Она же привезет необходимое. Сильно рассчитывать не имеет смысла. Столица горела, им самим будет мало, — откинулся на спинку стула, устало вздохнув. — Даже при тратах из своего кармана, может не хватить... Где бы все взять, — прошептал задумчиво и встрепенулся. — В любом случае, это не ваша забота.

Встал, попрощался и ушел. Наверное, надо было встать, этикет и все такое, но я осталась сидеть, придавленная грузом тяжелых мыслей. После наведения порядка и смены запачканной одежды на чистую, ноги понесли туда, куда совершенно не собиралась. Ибо даже на Земле не посещала это место, а тут вдруг захотелось...

Пустота и темнота рука об руку встречали с порога и провожали до самых стен, шагов пятнадцать. Стены обработанных деревянных досок бежали ввысь к куполообразной крыше, соединяясь в центральной точке будто огромные пальцы. Решительно треснула по закрытым ставням, распухшим от редкого использования, от чего они с глухим треском шваркнулись об наружную поверхность стен.

Подвал превратился в зал. Свет хлынул мощным потоком, опережая свежий воздух. По периметру круга скромно расположились деревянные статуэтки разной величины, покрытые роскошным плащом ручной работы авторства паука и пыли. На входе валялась одна кривая свеча.

Пожала плечами, смахнула грязь, кучно устроив всех около центрального окна, выставив назад две большие фигуры и чуть впереди них остальные статуэтки поменьше. Деревянные раскрашенные глаза внимательно следили за мной. По коже поползли мурашки.

Передернулась, похлопав себя по щекам. Запалила свечу перед группой богов, добавив один бутерброд с мясом из корзинки, прихваченной с собой после завтрака. Закрыла глаза, стиснув кулаки, и мысленно обратилась.

Ничего не изменилось. Свеча горела, бутерброд призывно источал аромат. Развернулась и вышла, припрет же на старости лет заниматься ерундой. На улице встречали, как знаменитость, толпой фан клуба. Жаль, не моего. Расправила плечи, улыбнулась.

— Доброго дня, уважаемые. Я там окошки открыла, надеюсь, не запрещено, — спокойный голос.

Как стояла на пороге, так и осталась. Группа из пяти женщин встала полукругом, практически на расстоянии вытянутой руки. Я не отступала, но улыбку с лица сняла, покрепче стиснув корзинку.

— Слушай сюда, — вперед вышла злющая женщина с толстыми косами, спускающимися из-под чепца.

Красивая, хорошо одетая поместным меркам, высокомерная, хорошо так за тридцать. Остальные выглядели не такими уверенными, но стояли, как шавки за главной сукой.

— Собрала вещи и съехала в казармы сегодня же! Поняла? — угрожающий оскал.

— В чем проблема? — спокойно уточнила.

— В тебе! Приперлась не знамо откуда, традиции не соблюдаешь, — кивок на косынку, — разговариваешь, как мужчина. Думаешь, одела чужие тряпки, аристократкой стала? — скривилась женщина. — Джонатан — мой! Уясни! Нечего ему глазки строить!! Он на такую не позарится!! — коричневые глаза наливались кровью.

Прихлебалы одобрительно загудели, презрительно сплевывая себе под ноги. Спасибо, не на меня.

— Хорошо, он твой, — кивнула ей, идя вперед, внутренне ведя отсчет.

Когда уже почти вышла из кольца, заводила больно дернула за косу назад, проорав:

— Девки, бей..

Громкий хруст сломавшегося носа прервал речь. Второй кулак пришелся в солнечное сплетение, от чего красавица охнула и присела. Корзинка сломалась об третью голову. Кого-то, слишком близкого, я укусила за щеку.

В драке главное — настрой, помимо физических и численных данных. После двух тварей пять дурных баб — тьфу и растереть. Стоял отборный мат. Мой. И визг. Чужой. Бабищи разбежались, бросив красавицу одну. Нагнулась, поднимая тряпицу, вылетевшую из корзинки. Посмотрела, ага, утренние бутерброды были на месте, не испачкались. Подошла к уже поднявшейся на ноги противнице.

— Ты могла просто спросить, а я просто ответить.

— Лживая тварь! Прикинулась добренькой, а сама, как змея, лезешь в местечко потеплее! По мелочи не берешь, самого лучшего подавай! — ощерилась дура. — Да только я выведу тебя...

— Подойдешь еще раз, ни один целитель не поможет. Поняла? — спокойно спросила побледневшую женщину. — Мне терять нечего.

Олаф присвистнул, когда ввалилась на кухню, тяжело дыша.

— Холодненького дай, пожалуйста, — криво усмехнулась одним уголком рта.

Ибо вторая половина лица горела адски, как и все тело. Мне тоже навалили. Блаженно растеклась лужей, приложив пузатый кувшин к лицу. Коротко рассказала произошедшее.

— На столе для Мюррея. Отнеси потом, только не говори, что от меня. Потом, когда проорется.

Оказалось, заводилу звали Камила — молодая вдова, давно греющая постель капитану и лелеющая надежду однажды стать полноправной хозяйкой его дома. Да только Мюррей никого не пускал к себе, тайные встречи проходили на ее территории. Все знали, все молчали.

— Я тут подарок принес, — Олаф неуверенно стискивал тесак в руках. — Да только неуместно теперь...

— Красивый, — счастливо улыбнулась и охнула, не зная держаться за ребра или за щеку.

— Все вон! — рявкнул с порога бешеный Мюррей. — Кроме нее!

Помощники вышли, Олаф остался, широко расставив ноги, скрестив руки и сжав челюсть на хмуром лице. Капитан отправил дверь в полет, захлопнув ее с треском, и встал рядом, гневно сверля взглядом. Светить разукрашенной стороной не хотелось, оттого продолжала изображать статую «Люба и кувшин».

— Рассказывай, — рявкнул Мюррей.

— Мы прояснили спорный вопрос, пришли к консенсусу, предварительно высказав полярные мнения. Вам не о чем переживать. По пути я упала. Сама.

На повара напал приступ кашля. Джонатан, пылая бешенством, вырвал кувшин из моих рук. Да так и остался стоять, словно обнаженные камни, с которых схлынула яростная волна. Укоризненно посмотрела на него, покачала головой и отобрала обратно.

— Сколько их было?

Пожала плечами, жаловаться, а тем более искать справедливости у него не имело смысла. Итак мешаю, тут еще грелку поцарапала. Одни неприятности.

— Собралась в большой мир, не плохо бы выучить азы правил, — спокойно начал Мюррей, сев на перевернутый спинкой стул. — Дам книги, будешь пересказывать каждый вечер. Я несу за тебя ответственность... Моя вина — не представил перед людьми, не показал, под чьей опекой... Приходи на обед в общую залу. Раз Олаф так радеет, пусть учит этикету с этого дня по ускоренной программе, — хлопнул себя по коленям, вставая. — Жалование назначу, составь список необходимых вещей на первое время, раздобудем. Велдон скоро придет. Работайте.

Камилла

Трудно дышать. Скорее, скорее убраться с людских глаз. Забиться к себе, пережить позор, обдумать план мести. Чтобы какая-то деревенская бабища взяла да заняла мое место? Не для этого таскалась за Джонатаном, унижаясь и выпрашивая ласку.

Сжала кулаки. Что она ему может дать? Ничего! Простушка без гроша и угла. А я какая-никакая партия. Да в нашем захолустье лучше меня никого нет!

Джонатан принял рассказ за чистую монету, хорошо его накрутила. Велдон подправил только нос, и на том спасибо! Мне теперь нужна вся красота, все терпение, чтобы отвадить от прищлой. Я бы, может, тоже не отказалась от шикарных нарядом аристократов. Паршивка придумала умно — прикопать в канавке или сжечь барахло. Капитан мужик добрый, свое все погорело, вот и дал, что было.

На месте не сиделось, внутри все зудело и ныло. Чашка с водой выпала из трясущихся рук и разбилась, остро блестя осколками. На счастье!!!

Надо успокоиться. Есть только одно место. Выдохнула только зайдя под сень листвы, вдыхая пряный аромат леса. Привалилась к стволу, смежив веки. Постою немножко и тесто пойду месить. Пирожки испеку Джонатану, его любимые. Задобрю.

Ну вот, полегче. Открыла глаза и... провалилась в бездонный омут напротив. Хотела вскрикнуть, да голос отказал. Ватные ноги подкосились, упала, ничего не чувствуя ...

Джонатан

Устал. Откинулся на спинку, запрокинув голову с закрытыми глазами. Перед глазами встала полоса препятствий — личная больная фантазия, отражающая суть происходящего.

Узкий перешеек «проверка местности» был пройден. Раскачивающиеся мешки «вода», «паек», «люди» остались позади. Пострадавшие в тепле с крышей над головой. Весной начнем строить дома. Среди личного состава есть холостые. На крайний случай дадим пособие и отпустим в город, если женщины изъявят желание. Лабиринт «заготовки», «постройка укрепления», «пострадавшие» в стадии прохождения.

В мою картину мира добавились «зыбучие пески» в лице Любы. Кто бы знал, что одна женщина может принести столько проблем? Это еще не приехала мать с курицами...

Хлопнул от души по столу. Ненавижу чувствовать себя дерьмом, но именно это прекрасное чувство иглами впилося под кожу, никак не желая пропадать. И ведь старается, но все равно не вписывается. Ей бы в Ганзу, пришлось бы к месту...

Камилу в отставку. Слишком возомнила о себе. Еще и драться полезла. Свидетелей произошедшего нашлось не мало. Пять на одного не достойно даже для мужчин. А раз они, подданные военного королевства, коллективно получили от одного противника, значит пора вспомнить тренировки.

Камила, Камила, ты же не успокоишься ни после напоминания условий договора, ни после дорогих подарков. Значит, уедешь. На горизонте женитьба, надо соблюсти хотя бы видимость приличий... Если не срастется, отправлю в столицу с матерью. Там и лекари лучше, и комфорта больше. И от меня подальше.

Решено. Сегодня же поговорю. Под предлогом помощи соседям и закупки необходимого отправлю с группой солдат, а те посадят на корабль. Есть у меня один вдовец, как раз в ее вкусе. Надо написать ему, пусть готовится к свадьбе.

Короткий стук, моментальное открытие двери и бесцеремонный посетитель плюхается на мой диван, мечтательно уставившись на шкаф, будто это не кусок дерева, а прекрасная нимфа с выдающимися формами. Руперт старше меня лет на тридцать, но такой же упертый и неугодный короне — заместитель, правая рука и просто хороший человек.

— Джонатан, как мужчина мужчине, что у тебя к новенькой? — свирепое выражение лица.

— К Любе? — переспросил в неверии, подавшись вперед.

— Да, — расплылся в идиотской улыбке темноволосый великан, — к Лююююбе, — просмаковал имя, словно дорогое вино.

— Ничего.

— Отлично! Тогда я женюсь! — подскочил и победно протанцевал до моего стола, будто неожиданно получил богатое наследство от дальнего почившего родственника. — Готовься к роли брата божьего, раз уж его так нехстати сожрали. У тебя не будет взаймы кольца? Я как-то даже не думал, что со мной такое может случиться, — обескураженно признался... идиот. — Все верну. У матушки твоей позаимствуем платье...

— Стоп.

В голове не укладывалось, что этот прожженный любитель женщин вдруг решил жениться. Кто угодно, но только не он. Никогда. Не в этой жизни. И на ком?

— Что? — прорычал друг, раздражаясь.

— Ты у нее спросил?

— Зачееем? — искренне недоумевал Руперт. — Хорош собой, — указал обеими ладонями на себя, — умен, богат, добр. Или ты сомневаешься в моем обаянии?! — брови взлетели вверх к густой темной шевелюре.

— Она немного ... отличается от наших женщин, — попытался подобрать рациональное объяснение. Не говорить же, что она иномирная, спасающая жизнь Хильде, которую я обязан оберегать? — В общем так. Если согласится, кольцо можешь не возвращать, будет подарком. Но только добровольное желание.

— Почему? — прищурились глаза напротив.

— Родственница Хильды.

— Готовь священные клятвы, — самодовольно произнес Руперт. — Я пошел на таран! Такую женщину нельзя упускать, — довольно причмокнул, обрисовывая силуэт в воздухе. —

Как она дралась, до сих пор перед глазами! — восхищался влюбленный болван.

Ну хоть одна хорошая новость! Пристрою в надёжные руки и выдохну. А там женюсь. Идеально!

Люба

Душевные муки о собственном поведении прервал заскочивший Велдон. Держа в одной руке шмат мяса, второй направляя поток силы, тщательно прожевал кусочек и приободрил:

— Люба, перестань. Первое: Камилла долго добивалась капитана. Дело не в тебе просто она не отдаст его никому без боя. Это все знают, — еще откусил, прожевал, подлечил. Широко раздувая ноздри, принюхался и расплылся в улыбке, глядя на булькающий котел. — Второе и не менее важное: сегодня все как с цепи посрывались, — пожал плечами. — Аномалия наша шалит. Наверное... Раньше такого не было. Все, я пошел, у меня там... пациенты, — стал серьезным.

Не глядя взял тряпицу с едой, что протянул ему Олаф на выходе, махнул рукой и был таков. Повар гонял помощников, периодически вздыхая и кидая странные взгляды, что заставляли чувствовать себя нерадивой внучкой у бабушки на каникулах. Жутко болела голова.

Обед проходил шумно. Люди пытались подбадривать друг друга, делились успехами в областях своих задач, предлагали и принимали помощь, обсуждали и строили планы. Пару раз услышала «пойти в лес», запомнила и решила спросить разрешения.

Казармы, пустовавшие до недавнего времени, условно зонировали. Первую половину длинного здания разделили на квадраты, возведя подобие стен, сильно не достающих до высоких потолочных балок, и расположили погорельцев. Лучше уж так, чем одна общая комната на всех. Там же организовали сбор и выдачу необходимых для выживания вещей. В дальней части, наиболее приближенной к кухне, огородили общую трапезную зону для посменного принятия пищи. Готовая древесина была нужна везде.

В полной тишине Мюррей громко и жестко объявил о своем покровительстве, положив тяжелую руку на плечо. Из меня нельзя было сварить суп или построить дом, посему большинство просто приняло к сведению и вернулось к прерванным разговорам. Были и недовольные лица, конечно, женские.

Напряжение от публичного представления сошло на нет благодаря обаятельному рослому мужчине, что сидел по правую руку. Слева во главе стола ел капитан. Было непривычно чувствовать себя хрустальной вазой на фоне внушительных габаритов соседа вкупе с его обходительностью и харизмой. Он так ловко болтал обо всем и ни о чем, занимая все свободное пространство, что я смогла расслабиться, внутренне благодаря. Все же страх и настороженность при таком скоплении незнакомцев был вполне оправдан.

— Честно признаться, — продолжал ворковать Руперт, так звали соседа, — я был поражен в самое сердце... вашим хуком, — хохотнул здоровяк. — Как увидел сердитые лица наших женщин, окруживших кого-то, так и побежал, полюбопытствовать, так сказать, да не успел. Неприятель был побежден прекрасной дамой и без храброго защитника, — хитро улыбался, вгоняя меня в краску. — Между прочим, я нахожу это чертовски... привлекательным, — покивал головой, играя бровями.

Ответила на его улыбку, прикрывая глаза. Жаль, что душу, как грязную комнату, нельзя походя очистить тряпкой от прошлых чувств. Они как пригоревшее масло, намертво прилипли к стенкам. Понадобится не мало времени, чтобы справиться с этой задачей. Ведь

просто выбросить свое сердце, как отслужившую утварь, к сожалению, не получится.

Несуразная косынка была явно неуместна среди голов, покрытых чепцами. Женская половина ощущалась скромными ученицами, знающими свое место и правила, тем разительнее контраст Камиллы с прихлебалами. Действительно, вдовушка уже чувствовала себя главной. Слова о моем вызывающем поведении стали понятны.

У всех были нормированные порции. Дети сидели отдельно, кидая тоскливые взгляды на взрослых. Им явно хотелось «чего-нибудь еще», но правила, хорошо вбитые с детства, не позволяли открыто заявлять об этом.

— Люба, поведайте, куда вас увели мысленные тропы? — спросил Руперт, поняв, что дифирамбы канули в пустоту.

Мужчина сильно напоминал... Василия на заре отношений, оттого все попытки заранее были обречены на провал. Не внешне, а на внутреннем уровне... и это было... грустно. Я будто наблюдала за шикарным букетом цветов, стоя по другую сторону стекла. Да, красивые, и знаю, что запах просто мед.

Но у меня аллергия.

— Так, не важно, — вяло улыбнулась.

— Для меня важно все, что связано с вами, — тихий уверенный голос и пронзительный взгляд.

Незачем все эти глупости. Океан внутри хочет успокоиться после прошлой бури, гавани для кораблей закрыты.

— Всем свойственно ошибаться, переоценивая значимость другого человека, — отрицательно покачала головой. — Благодарю за приятную компанию, работа не ждет.

Перед выходом поставила на детский стол свой ломоть хлеба и фрукт. Надо придумать, где достать еды.

— Садись давай, — буркнул Олаф, осев мешком на шумно выдвинутый стул. — На вот, — передал тесак рукоятью вперед. — Люба, Люба, — покачал головой, закатив глаза. — Треснул бы подзатыльник, да права не имею... Скажи-ка, — прищурился повар, — как называется твоя деревня?... Я тебе скажу: ты не знаешь! — не стал ждать ответа. — А почему? Глупая, потому что!!! — сердито рявкнул Олаф, стукнув по столу, от чего железная миска, стоящая на углу, упала в низ, громко дребезжа. — Послали же Боги... Баба ты хорошая, трудолюбивая, добрая, теплая, как светило с небес, только головой не всегда думаешь, — раздраженно цокнул. — На кой Руперта отшила на подлете? — свел брови к переносице. — Ты аристократка? Магиня? Воительница? — нависал над столом, все больше подаваясь вперед. — Нет! Ты — деревенская простушка из глухомани!!! Такие не используют «полярность» и «консенсус». Да, кулаками машут, это можно, деревенским можно, и хапают обеими руками жирную рыбу, которая с дуру прыгнула в их ведро, а не выбрасывают вместе с тарой, потому что костлявая и вонючая!!! — поджал губы и махнул рукой, расслабляясь. Вздохнул. — Поняла хоть? — спросил, как умалишенную.

— Да, Олаф, я все поняла, — улыбнулась, цепляя тесак на пояс. Встала и подошла, приобняв со спины. — Спасибо за заботу и участие. Ты самый настоящий друг, хоть и знакомы всего ничего.

— Чего уж там, — похлопал ладонью поверх моих рук. — Завтра же нацепишь чепец и улыбаешься Руперту, глазки в пол. Потом, через тую, две, три... Чего скажешь?... Другой люб скажешь. Укажешь на женатого, вроде как семью разбивать не хочешь, вздыхаешь в

стороне. Влюбленным дурочкам закон не писан, они в своих мечтах витают, не замечая ничего. Книжки капитана читай, учись, и я немного расскажу, что помню... Не твое это место, Люба... мало оно для тебя, — тихо произнес Олаф, оборачиваясь. — Уезжай в Ганзу.

Мой первый якорь — мой первый друг.

Занудным голосом, продолжил, что женщина — хрупкий цветок. Ее задачи: сиять, вдохновлять и слушаться старшего — мужа, отца, брата или иную особь мужского пола, что несет за нее ответственность. Там уж мужчины, если не договорятся, могут и кулаками выразить свои претензии. В городке Амран есть специальное для этого место. Все строго по регламенту.

Если уж женщине не повезло родиться умной, надо сделать так, чтоб ее блестящие идеи пришли в голову супруга, вроде как сам додумался. И все счастливы. Намек был ясен.

— Кажется, Велдона не было на обеде, — нахмурилась.

— Верно, — всплеснул руками Олаф, — надо ему отнести! — подскочил и засуетился, собирая в корзинку снеди.

— Так и быть, я выполню твою просьбу, — хитро улыбаясь, подмигнула ему.

— Да, примерно так, — тихо рассмеялся.

Стоя на пороге импровизированного лазарета, было грустно: вонь, безнадега и тоска. Каменные стены, на много ниже, чем в другой казарме, полукругом нависали сверху, мешая дышать. Крохи света, проникающие сквозь узкие крохотные оконца под потолком, скупо освещали изможденные лица. На кроватях, сколоченных из грубых местами кривых досок, тяжелые случаи близко соседствовали с пустяковыми. Каменный пол пестрел мусором. Между бледными и серыми лицами сновали женщины, оказывающие уход.

Мужчины, женщины, дети... Пришлось посторониться, пропуская двоих с носилками, покрытыми старой тканью, с которых предательски свисала сбоку безжизненная рука. Их провожали обреченные взгляды, даже шепотки стихли.

Заметила Камиллу, змеей нашептывающей слова утешения. Судя по лицу бедолаги, от них хотелось повеситься. Многие сиделки смотрели на живых как на покойников, сочувствуя и вгоняя в уныние нытьем.

Грустно, как же это грустно.

Велдон так устал, что не смог сопротивляться насильному выходу на улицу. Пришлось дожидаться, пока закончит вытаскивать практически с того света безнадежный случай. И не факт, что пациент задержится с нами на долго. Не пришел в сознание...

— Кушай, — вложила в его руки котелок и ложку, пристроившись рядом на чурбачке.

Дышать на улице было гораздо приятнее. Медленно орудуя ложкой, лекарь просветил интересующие моменты.

Это здание — самое первое, построенное наспех, оттого такие габариты и минимальные удобства. Надо было хоть где-то спать. Вторую казарму уже строили с умом. Здесь меньше места, поэтому лазарет — погорельцы бы не поместились.

Отвары закончились, мази тоже, коих было катастрофически мало. Народ расслабился иметь под боком лекаря, привыкнув к волшебному исцелению редких болячек. Знахарка съедена, Хильда, разбирающаяся в травах, уехала. Новые порции варили, но как-то бессистемно и мало.

Если можешь помочь — делай, тем более, когда искренне хочется самому. Второй шанс должен быть у всех. Может, не зря я сюда попала...

— Велдон, тут капитан кое-что передал, — главное самой верить в ложь, тогда

убедительнее. — Отсортировать пациентов по степени серьезности и приготовиться к их переезду в другое место. Найти женщин, которые хоть немного разбираются в травах, снарядить их тарой, отправить на поиски сегодня же. С сиделками провести беседу о недопустимости причитаний. Они должны вселять уверенность в выздоровлении, заставлять верить и бороться, а не готовить к погребению еще живых.

Сонливость мгновенно слетела с лица парня, уступив место растерянности.

— Давай, по-быстрому всех поставь на уши. Я к капитану, узнать, куда кого распределять, он должен был решить.

Олаф показал большой палец на инициативу сбора и самостоятельной варки сборщиками простейших настоев. Подумал и предложил собрать на улице еще пару очагов для этих целей, чтоб были под присмотром. На кухне разобрали сломанную вторую печь, начали закладку новой, попутно латая дыры в здании. Камня было в достатке.

Пошла сдаваться Джонатану о его поручениях, мысленно надеясь на хорошее настроение. Сытый мужчина — спокойный мужчина. Возле его кабинета чаяния рассыпались песком на ветру: Мюррей орал так, что закладывало уши. Кажется, они нашли какую-то недостачу. Потом спрошу, если останусь жива после своих новостей.

Вспомнилась Аглая Ивановна, но уже как нечто... очень далекое. Решила проанализировать позже.

— Джонатан! — громко прервал поток бранных слов Руперт, увидев меня в дверях.

Кивнула благодарно, поздоровалась, попутно отметив еще одного, ранее не виденного молодого мужчину. Потом вспомнила науку Олафа — глазки в пол, ручки в замок на животик. Показное смирение не помешает.

— Говори, — отрывисто скомандовал Джонатан, раздраженно отхлебнув воды из стакана на столе.

Надежда поговорить вдвоем пошла ко дну. Пришлось тщательно подбирать слова, приписывая авторство инноваций ему, а я вроде как пришла отчитаться о проделанной работе и получить уточнения к оставшейся части. Украдкой взглянула на капитана. Он невидяще смотрел в одну точку, хмуро откинувшись на спинку кресла. Пальцы левой руки барабанили по столу в абсолютной тишине. Хорошо, что не отрицает. Перевела дух.

— Напомни, — резко и сухо.

Чувствуя, как иду по тонкому льду, тихо вывалила вторую порцию фантазий.

— Да.

Руперт и второй обалдело уронили челюсти. Из коридора послышался изумленный вздох. В моем личном восприятии людей стрелка Джонатана Мюррея взлетела вверх из ямы глубокой неприязни... сравнившись с плинтусом. Смотрела, оценивая по-новому. Как только согласился? Ведь покусилась на святое!

— Можно в лес? — осторожный вопрос.

— Да, — все также сухо.

— А книгу?

Задумчиво провел указательным пальцем по корешкам, повернувшись ко всем спиной, резко вытащил книгу и, стремительно подойдя, впихнул в руки.

— Двадцать страниц. Расскажешь вечером. Свободна.

Сел и закопался — полнейший игнор. Улыбнулась, внутренне благодаря. Попрощалась и ушла. Караульный в коридоре выпучил глаза. Показала ему язык и в приподнятом настроении пошла вершить великие дела.

В кабинете после ухода

Руперт проверил, ушла ли неугомонная женщина, закрыл дверь с внутренней стороны и погрозил кулаком секретарю. Парень демонстративно провел ребром ладони по горлу — нем, как могила, но горящие глаза выдавали ворох вопросов, роившиеся не только в его голове.

— Это ее идеи, — констатировал Руперт, пристально сверля друга. — И узнал ты о них только сейчас.

Джонатан притворно вздохнул, всем видом показывая, как сильно отвлекают от важных дел пустяковыми вопросами, сдвинул бумаги в сторону.

— Да, — скрестил руки на груди.

— Почему..., - взъерошил волосы вопрошающий. — Нет, не так... О чем еще мне нужно знать? — прищурился Руперт.

— Через тую приедет мама. С невестами. Я женюсь, — поморщился Джонатан.

Отошедший было от шока секретарь упал на стул, машинально глотнув воды из стакана начальства. Здоровяк прикрыл глаза.

— Будет война: леди, Люба и Камилла. И твоя мать... Ты с ума сошел! — искренне хохотал Руперт, утирая выступившие слезы.

— Не скажиинии, наоборот. Все будут заняты, — Джонатан встал и начал ходить, загибая пальцы. — Леди будут бегать за мной, я от них. В конце концов придется выбрать одну, жениться, зачать наследника. Надо уложиться в сжатые сроки. В это время ты бегаешь за Любой, она от тебя и голова на отсечение — будет лезть везде, куда только сможет. Сегодня — это только начало. Так что, не подведи! Окольцуй, да побыстрее. Всем будет легче дышаться, поверь, — секретарь икнул и повторно осквернил стакан начальства. — Примерно в это же время приедет Хильда. Они с матерью будут... громко конфликтовать.

— А Камилла?

— Уедет еще до приезда балагана. На ближайшей ярмарке. Сядет на корабль и поплывет к счастливому жениху рожать кучу детей... Если быстро управлюсь с задачей, то мать и уже жена счастливо уедут в столицу — рожать лучше там. Но самое главное, что с обозом приедет то, в чем мы остро нуждаемся: еда, материалы, возможно специалисты.

— Филипп? — наигранно-удивленно поднял брови Руперт.

— Скорее сдохнет, чем расщедрится... Мое. Люди не должны голодать и умирать. Хватит нашествия.

— Я в доле, — отрезал здоровяк, разом потеряв игривость. — Ох и весело у нас будет...

— Боюсь представить на сколько..., - задумчиво согласился капитан.

Жизнь такая сложная штука, порой переворачивающая все с ног на голову...

Люба

Велдон посмотрел на меня как на заговоривший ночной горшок или вроде того, когда поведала место будущего расселения тяжелых пациентов. Рядом со старой казармой нарастал гомон: приходили сборщики и вышли на разговор сиделки. Лекарь коротко и жестко, совершенно при этом преобразившись, в двух словах устроил головомойку, не забыв озвучить требования. Ко всеобщему недоумению, да так, что у самой чуть не полопались глаза от удивления, громко объявил меня своим заместителем.

Народ организовывался, исполнял поручения, а я пыталась выбрать, куда сесть из двух

стульев. Душа разрывалась между исследованием леса и обустройством раненных. Крутила головой туда-сюда, как флюгер на ветру. Так хотелось на природу... Пробежаться по мягкой травке, касаясь низких крон, вдохнуть насыщенный, чуть прелый воздух, послушать трели... и найти много съедобного и полезного.

Последние два пункта больше всего.

Вместо этого развернулась, вспомнила бабушку, ее командирский голос и пошла песочить народ, официально имея на это полное право. Управились часа за три. Отдельно настояла на водных процедурах для всех, особо отметив необходимость чистоты во всех аспектах жизни. Велдон уточнил, не училась ли на лекаря, мол там есть такая теория.

Не обошлось без крика. Прибежали жены пострадавших, вопя, что угробим быстрее, чем перенесем. Возмущение и страх заставили их таки открыть рты. А я спряталась за спины мужчин. Раз принято решать им, пусть и отдуваются, пока это удобно.

Велдон принес свои вещи, чтобы вести круглосуточное наблюдение. Крепкие парни вкупе с сиделками перестелили свежее белье и освежили нуждающихся, на сколько было возможно. Легкие же случаи переехали во вторую казарму, а место склада запасов на освободившуюся территорию. Надобность в уходе за большей частью народа свелась к минимуму, жирным плюсом шел душевный подъем — вокруг кипела жизнь, хотелось поскорее встать и влиться в это море.

Рокировка принесла не мало плюсов, уже к вечеру все громко восторгались капитаном за ум и сообразительность. Ну, еще и за щедрость, широту души и всякое такое, уверовав в него, как в лидера, еще больше.

Безнадёжные случаи переехали в его шикарный двухэтажный дом.

— Как я устала... Пять минуток, — прилегла на скрещенные руки.

Кто-то легонько тряс за плечо. Болела грудная клетка. Просыпаться было очень тяжело.

— Люба... Люба, — звал тихий голос. — Идите к себе в комнату... Люба, да проснитесь же! Иначе придется нести вас на руках! — в сердцах воскликнул... Джонатан Мюррей.

— Ни за что! — мгновенно проснулась, подскочив. Протерла глаза, осознала, что и кому ляпнула. — Сначала накормить! — слабая попытка исправиться. — Сейчас, — не стала ничего слушать и умчалась на кухню, потирая зону декольте. Как же болит...

Уснула как школьница за партой. Хихикнула и тут же поджала губы, вспомнив бледное лицо начальства с обескровленными губами. Собрала еды на поднос, добавив взвар с восстанавливающими травками, подготовленный заранее.

Мюррей тер переносицу с закрытыми глазами, развалившись на стуле. Первым делом поставила миску с теплой водой и чистое полотенце.

— Что это? — нахмурился мужчина.

— У вас руки...грязные.

Он поднял конечности на уровень глаз, повернув ладони внутренней частью к себе и растопырив пальцы в стороны. Кивнул, ополоснул, тщательно вытер. Пока ел, кратко рассказала итоги долгого дня.

Улов собирателей был скромным — не стали углубляться в лес перед надвигающимися сумерками. Кроме трав принесли все, что смогли найти, отодрать, отломить или просто валялось под ногами — распоряжение Велдона.

Пока я пеклась о народе, женская часть осознала открывшиеся перспективы и рванула

на запретную территорию. Они лезли во все щели, трогали, восхищались, млели и ... делали попытки пролезть куда не надо. Восторг преобладал над голосом разума, меня нагло игнорировали. Даже с командирским голосом. Поднялся гвалт, словно в портовом рынке. Больные стонали.

Было и смешно, и досадно. В отсутствии Хильды за дом отвечала я, который того и гляди, вот-вот раскатают по бревнышку на память. Помощь пришла неожиданно — на огонек заглянул Руперт, посланный Джонатаном, проследить все ли в порядке. Увидев творившуюся вакханалию, здоровяк понимающе усмехнулся, и попросил испечь сырники, которые недавно ел капитан.

— Уж очень хвалил, — хитро улыбнулся спаситель, явно отсылая подальше.

Не знаю, как он их собрал в кучку, что такого волшебного сказал, но, когда вышла через пол часа сообщить о готовности еды, в комнатах царили тишина и порядок. Лишние уши... почти все.

— Тут добровольцы, — Руперт указал на группу девушек в сторонке, — очень хотят помочь... в этом доме. Найдешь, чем занять или отправить на нужды городка?

— Дааа, — радостно закивала. — Найдуу....

И столько предвкушения было в моем голосе, что бабоньки засомневались в своем искреннем желании, но выразить протест не успели — здоровяк объявил меня начальством на две туи над всеми в этом доме, кроме Велдона, как и пара крепких солдат, оставленных для пригляда и помощи со сложными работами. Тех, кто слушается как сегодня, ждал перевод на самые грязные работы.

— Теперь корми, хозяйюшка, — с нетерпением попросил Руперт, мгновенно стушевался, поняв, что ляпнул, откашлялся. — В смысле...

— Да пошли...те уже, — рассмеялась. — Помогите остальным пожалуйста, скоро вернусь, — обратилась к женщинам.

Руперт ушел, сытый и довольный. А для остальных все только началось... Шальные мысли, бродившие в голове, получили возможность воплотиться в жизнь. «Мне бы только суметь!» — говорил Вовка из мультфильма из тридевятого царства, и я была с ним солидарна.

Два дня капитан приходил, когда на небе во всю расцветали созвездия, прямой наводкой валился в кровать и вырубался, не имея сил поесть. За это время потеряли двоих несмотря на то, что все шли на поправку каким-то чудесным образом. Велдон пообещал разобраться, но после выздоровления всех пациентов, а до этого работал на износ, черпая себя до дна.

Была одна закавыка: всякий раз, когда пациент уходил за грань, Камилла была рядом. Это казалось подозрительным только мне. Выгнать из-за личного отношения было нельзя, спрашивала. Посему приходилось варить настои и еду молча, сцепив зубы, чтобы не ляпнуть чего. Нервничала, оттого периодически собирала углы, резалась, царапалась, что-то роняла.

Женская бригада, как прозвала помощниц, работала без продыху, периодически меняясь с сиделками. Камиллу не вовлекали. Люди думали — привилегия от капитана, правда была проста — меня от нее воротило. Пришлось даже присесть, подумать, но точно не ревность. Впрочем, женщина была только в выигрыше, имея время заниматься своими делами.

На третий день, выяснив, что хотела, и основательно подготовившись, пошла к начальству как гора к Магомеду, вооружившись ужином для отвода глаз. Постучала, вошла после дозволения. Внутри работала неизменная тройца. Молодой парень оказался личным

секретарем Мюррея.

— Доброго вечера, господя, — глазки в пол.

Стою, жду, когда разрешат подать голос. Олаф вдолбил: аристократы — важные птицы, коим и являлся капитан. Всякая шушара безродная, вроде меня, не имеет права болтать, пока не дали высочайшую отмашку.

— Что случилось, Люба? — встревоженно спросил капитан, оторвавшись от бумаг.

— Ужин принесла, — ответила, как бы между делом потрясая зажатой в руке тетрадью.

— Началось, — пробухтел Джонатан, вставая с места.

Какой сообразительный. Сам закрыл дверь, попросив охрану в коридоре пойти подышать и никого не пускать, отобрал корзинку и поставил на стол.

— Можешь спокойно говорить, свои... Под клятвой! — прорычал начальник. — Люба или излагай, или катись отсюда!

— Сначала это, — поставила миску рядом с креслом, отнеся порции и остальным, подготовленных Олафом. — Вы два дня не ужинали, — свела брови к переносице, как только он открыл рот возражать.

Мужчина сел, демонстративно отправил ложку в рот. Кивнула и раскрыла перед ним мысли, обличенные в буквы и цифры на страницах бумаги.

Давай! Хвали уже меня!

Внутри бурлил коктейль эмоций из предвкушения, ожидания и радости, ведь идеи были просты и шикарны. Очень хотелось признания, похвалы, высшей оценки умственных способностей! Хотя, кого я обманываю, простого: «Молодец, Люба! Не ожидал!» — было бы достаточно. Даже просто «молодец».

Черт, да скажи уже что-нибудь, сухарь!!!

Капитан читал, его лицо каменело. Странная реакция. Не по плану.

— Сколько? — выдавил из себя Джонатан.

— Чего сколько? — не поняла.

— Сколько надо золота?

— Мне откуда знать? — искренне спросила его в ответ. — С меня идея, с вас реализация. Не знаю, сколько придется потратить, но вот смотрите, тут можно сэкономить, если..., - наклонилась показать, но одернула указательный палец обратно. Хлопнул форзац.

— Люба, сколько денег ты за это хочешь? — капитан придавил ладонью закрытую тетрадь, как дракон лапой сундук с алмазами.

Внутренности обдало кипятком. Выпрямилась и отшатнулась назад. Стало обидно... очень обидно. То есть вот так? Да? Меркантильная Люба?

Почувствовала, как собираются слезы. Нахмурилась, чтоб сдержаться. Поджала губы, блокируя поток брани. Я к нему со всей душой! Придумала, продумала, рассчитала, принесла. Летела, окрыленная... вдохновением.

А он? Циничная скотина... Заплесневелый в своем средневековье козел...

— Посуду принесете... сами, — еле произнесла, не зная, чего хочу больше: разрыдаться или разбить об его лицо вонючий горшок нечистот!

Развернулась и полетела на выход. Руперт подскочил, хватая за кисть и открывая рот. Мгновенно треснула свободной рукой и зло глянула, выдергивая конечность. Нечего трогать!!! Забылась и от души хлопнула дверью.

Я обиделась.

В кабинете

— Ты идиот, — резюмировал Руперт, выпустив гнев на спинку дивана. Перед глазами стояло потерянное лицо женщины.

— Простите, капитан, — тихо отозвался секретарь, опустив взгляд. — Но я с ним согласен... Простите еще раз, — зажмурившись вжал голову в плечи, отчаянно желая стать незаметным за свою дерзость.

Молодой парень думал о пагубном влиянии отдельно взятой женщины на всех, кому не повезло оказаться рядом. Вот взять, к примеру его самого. Никогда он не позволял себе таких вольностей. А все она виновата! Уууу, все проблемы от баб!

Джонатан Мюррей явственно чуял запах свежего дерьма, в которое только что влетел с размаху лицом. Порой он забывал, что Люба мыслит по-другому. Обиделась и на что? Предложил ей заплатить!!! Хотя мог присвоить, украсть, обвести вокруг пальца. Абсолютно не логичная женщина. Еще и обиделась...

— Идиот.

— Повторяешься.

— Что поделать? — философски изрек Руперт, разведя руки в стороны. — Согласись, это лучше, чем набить тебе морду.

— Соглашаюсь, — кивнул капитан.

Три головы склонились над открытой тетрадь: пронумерованные идеи, столбцы необходимых вводных, схемы реализации, стрелочки, сноски с объяснениями или вопросами на полях, приблизительное расчетное время, возможные итоги.

— Джонатан, а Люба у нас кто? — задумчиво протянул Руперт. — И давай уже честно... Друг, — предупреждающий взгляд.

Капитан скривился. Рано или поздно, этот вопрос бы всплыл. Лучше бы поздно... Секретарь подскочил, изъявив острое желание погулять, и вылетел за дверь. Не его ума дело, не по чину. Спокойный сон, он как-то дороже. Плотно прикрыл дверь.

— Сначала клятва... Друг, — Мюррей раздумывал, какую часть правды рассказать.

— Не вопрос.

Капитан настоял на особой клятве, формулировка возникла в голове, будто по чужой указке. Руперт был связан по рукам, ногам, мыслям и высказываниям, что только разожгло интерес, а простое желание взять очередную высоту растворилось, уступив место ранее не изведанным чувствам. И вот он, великовозрастный шалопай, был на пороге чего-то нового, более глубокого и прекрасного...

Через двадцать минут три руки строчили письма, секретаря вернули. Мужчины спешно вспоминали старые связи и заказывали необходимое, перекидываясь короткими фразами, попутно вычеркивая строчки из списка необходимого.

Люба

В пути накрутила себя мама не горюй, хотелось успокоиться в одиночестве. На автопилоте оказалась в храме. Распахнула окна, рыдая и злясь. Надо убраться. Размазывая слезы по лицу, мстительно собрала в кучу фигурки богов — кто-то снова их расставил по кругу. Семья? Семья! Вот и пусть стоят вместе.

Эмоции неистовствовали, старое дерево не выдержало натиска скрюченных пальцев и треснуло, впившись в ладони. По лицу Ютарии потекла кровь. Боль отрезвила.

— Извините, — буркнула, пытаюсь оттереть.

Вот я глупая гусыня. Тяжко вздохнула. Ну предложил денег, так надо было взять и обрадоваться, а не ждать... Чего ждать? Что незнакомый, по-другому воспитанный взрослый мужик будет ласково поглаживать по голове, нахваливая за смекалку, как... моя бабушка. Даже имея настрой и хорошие условия, тяжело было отпустить то привычное состояние, где меня все любили и хвалили, выстроив защитный купол...

Вырезанные глаза напротив сочувствовали. Хорошо хоть краска не сошла.

— Подумаешь, по плечу не похлопал, так ведь я могу сама. Верно? — спросила у Богини- Матери. — И вообще, пойду, мстительно съем что-нибудь вкусное, а ему не дам, — улыбнулась, вытирая остатки слез.

Три глубоких вдоха и выдоха. Покусала губы. Василий уже не вызывал никаких эмоций, незаметно исчезнув из памяти. Еще там отпустила, на Земле. Родители давно провалились за горизонт воспоминаний, лишь размытые картинки с участием бабушки еще пытались не раствориться в серой хмари непонятной дымки.

— Я не хочу забывать, — шепотом обратилась неизвестно к кому. — Это часть меня...

Покачала головой и нервно рассмеялась. Первые же трудности подкосили...

Никто никому ничего не должен.

Если ничего не ждать, в ответ на свои действия, вообще станет легче жить... А золото возьму. Еще и поторгуюсь, выбивая процент, не фиксированную единоразовую выплату. Вот так вот. Уперла руки в бока.

— Давай, Люба, подъем!

Отряхнулась и ушла, снова обретя душевное равновесие. В доме все шло по плану, кухня ждала волшебства. Порадую себя, заодно и остальных.

Частички дефицитной муки кружились белыми снежинками в воздухе, то поднимаясь, то опадая от ветра порывистых движений. Масло холодило кончики пальцев. Привычные монотонные движения были сродни медитации.

Это я. Мое любимое дело. Я это умею. И не только это. Все получится.

Проткнула тесто по периметру. Треск ломающейся яичной скорлупы звучал услугой для ноющей души, даря маленькие оранжевые солнца. Потратила все запасы загустевших сливок. Ну и ладно. Заливка получилась красивой — насыщенно-теплый желтый цвет. Пирог ушел в печь. Эх, ванилина бы сюда... Обмотать руку тряпицей сообразила только после того, как сварила порцию травяного отвара. Пришлось подтирать то тут, то там, бурые разводы после себя. К Велдону с такой ерундой идти не собиралась.

Пирог быстро испекся, даже не подгорел, успев чуть остыть в холоде, от чего куски выходили ровными и красивыми. С таким-то тесаком. Тесто получилось нежное, воздушное, в меру эластичное, не крошившееся сухой крошкой при нарезке.

Аромат стоял божественный!

Собирающиеся по домам труженицы невольно задерживались, приносиваясь к большому блюду, что вынесла на всеобщее обозрение. Поставила на стол и приглашающе махнула рукой:

— Угощайтесь... Вы все молодцы. Спасибо за помощь, — ну не меня, так я похвалю кого-нибудь. Всяко приятно.

Камилла с великим одолжением взяла кусок, завернула и быстро ушла. На ее лице читалось плохо скрываемое отвращение. Двое последовали примеру. Остальные с удовольствием съели, попросив рецепт. Обещала рассказать позже. Олафу и Велдону отнесли по кусочку.

Капитану достался огромный... шиш с маслом.

Очень по-детски, но поделаться с собой ничего не могла.

4

Джонатан Мюррей

Поразительное состояние: еще не женился, а домой уже не хочется. Оттягивал неприятный разговор как мог, переделав все, даже самое не любимое. На днях выезд в ближайший портовый город, под предлогом мелких закупок проверю дорогу. Скоро приедет мать. Должно быть безопасно.

Устало потер лицо, задала Люба задачку. Где достать твой «секретный ингредиент»? И почему я сам не придумал это? Может потому, что невозможно успеть везде? Городок растет, а вместе с ним нужды, и тренировки никто не отменял.

Неужели... старею?

Тьфу, это все мама. Еще не приехала, а ее голос уже в голове. Вот, Руперт прохлаждается, получит повышение. Еще...

Робкий стук.

— Входи.

Камилла показательно изображала смирение и покорность. Выглядела... без бывшего лоска.

— Садись. Ты здорова?

— Благодарю, все хорошо, мой господин, — грациозно присела на стул, продолжая смотреть в пол.

— Камилла, давай не будем усложнять, — поморщился, сцепив руки в замок. — Был договор — ты согласилась... Встреч больше не будет.

— Прошу, дай второй шанс! — умоляющее произнесла женщина с глазами полными слез.

Между нами никогда не было чувств, только выгода. У каждого своя.

— Скоро приедет мать с невестами. Я женюсь, Камилла. Сама понимаешь, тебе надо уехать... Не останешься ни с чем. У меня есть друг, вдовец с приличным состоянием, землями, положением при дворе, готовый жениться. Не старик. Наследники есть. Ты не будешь нуждаться.

— Так, значит, — горько прошептала Камилла. — Как надоевшую кобылу новому хозяину? — обогнула стол, упала на колени и с силой обняла ноги. — Прошу, Джонатан, прошу не отсылай! — не сумел поднять, намертво вцепилась. — Не хочу никуда! Здесь мой дом, моя жизнь... Ради того, что было! Клянусь молчать, ни словом, ни взглядом, не выдавая секрета, не претендуя ни на что! — слабо сверкнуло. Магия приняла клятву. — Не гони, дай жить свободно, самой решать, а не плясать под дудку незнакомого мужчины, страшись следующего дня и его настроения... Сама пришла к тебе, потому что нравился, Джонатан, хоть в это и не веришь... Я все сделаю, что прикажешь, но не отсылай, — разрыдалась, сворачиваясь в комок у щиколоток.

Дерьмо, а не день! Хотелось поскорее все это прекратить. Было стыдно...

— До первого замечания, — слова дались тяжело. — Пикнуть не успеешь, посадят на корабль к жениху. Выбирай место, раз хочешь сама, но не тяни. Холода будешь встречать уже не здесь.

— Да, да! Спасибо! Спасибо!!!

— Не унижайся... Уходи, — хотелось не видеть этого...

— Да, конечно! — угодливо закивала женщина.

Вскочила, тут же упала, запутавшись в подоле, встала и, не переставая благодарить, быстро скрылась, оставив после себя горечь разочарования...

Вспомнилась иномирянка и ее упрямые глаза. Человек на новом месте, все незнакомо, так не сдается. Работу нашла, на мужчин даже не смотрит. Хотя уже есть желающие и без Руперта. Добрая... Глупая, конечно, но добрая... Придумала, написала. Погладил тетрадь. Надо идти, мириться... Гадость какая. Шумно выдохнул через нос.

И это я еще не женат!

Камилла

Обида жгла изнутри. Как же так, Джонатан? Я же тебе всю себя отдала! Всю, без остатка... Слезы вереницей падали вниз на землю. Темнеет, меньше позора. Поглубже нахлобучила чепец, опустив голову к земле. Не хочу, не покажу, как больно.

Джонатан, я же любила тебя! А ты? Как не нужную тряпку в ведро...

Тело бьет крупная дрожь, сильно болит голова. Путь домой не отложился в памяти, только отводящие сочувствующий взгляд соседи. Упала на пол посреди горницы и завывала, катаясь и выплескивая боль... А потом стало так пусто внутри, так холодно, будто сломалось все внутри.

— До холодов, значит, до холодов, Джонатан, — прошептала в пустоту.

Только и та, что разлучила, тоже уйдет... На тот свет.

Люба

Обожаю ходить по лесу. Природа щедро делится энергией, подпитывая изнутри, наполняя силами и желанием жить. Запрокинув голову, касаюсь ладонью шероховатых коричневых тел огромных исполинов, что устремляются далеко ввысь, к самому небу. Чувствую тепло и благоговение. Обхватив руками, прижимаюсь лбом к теплему стражу леса, закрываю глаза. Ветер поет особенные песни, ему вторит скрип качающихся стволов, шелест листвы, щебет птиц.

Чтобы понять, чем богат край и выбрать путь дальнейшего развития, нужно увидеть самой. Пощупать, попробовать на зуб, присмотреться. Нет цели истощить ресурсы, лишь бережно взять, приумножив для собственных нужд.

Шум разговоров и смеха стихает, люди, прощаясь, расходятся. В городе спешно отстраивают хозяйственные постройки — нужно заготовить сена и прочего. Слышала, как обсуждали птичники, загоны для коней, скотины. Вот уж куда не лезла, так в ту степь.

Улыбаюсь, вспоминая вытянувшееся лицо капитана, когда огорошила новостью, что хочу процент и составление маг договора. Все любят число семь, приписывают удачу и мистические силы, его выбрала и я. Десять — многовато, пять — категорически мало. Ровно столько отчислений будет капать на счет, который капитан откроет на мое имя, он же озадачился изготовлением документов.

Пришлось немного подумать о будущем. На личное производство нужны золотые, которые, вот досада, не валяются под ногами. Осталось придумать. Это собственное дело. Немного попозже.

Уши накрыла невидимая вата, отрезая от посторонних звуков. Иду, внимательно оглядываясь на все триста шестьдесят, в голове жернова неторопливо перемалывают зерна мыслей. Поднимаю шишку из-под ног. Хорошая, большая и пустая. Чуть погода находим

заросли малины. Ягоды крупные, сочные, так и просятся в рот. Листья крупные, широкие, ароматные. Медленно делаю глубокие вдохи, еле слышно шепчу:

— Еще...

К середине дня с непривычки болят ноги, но я счастлива — корзина полна лесных богатств. Наскоро перекусываем, старший группы принимает решение возвращаться — люди загружены до предела. Гуськом тянется ниточка со звеньями людей. Изумрудная зелень неспешно покачивается, будто прощаясь до следующего раза.

Своеобразное медитативное состояние рассеивается, возвращается копошение в голове. Пытаюсь анализировать.

Чувствую, как мир незаметно меняет. Не знаю, хорошо или плохо, знаю, что непривычно, тяжело и часто страшно. Скажи кто еще лет пять назад, что я буду планировать индивидуальное предпринимательство — рассмеялась бы в лицо. А сейчас это залог свободного существования. При этом очень хочется опоры, своего человека. Олаф — хороший друг, но не семья, а мне хочется корней.

Порой удивляюсь, как они вообще прислушиваются к моим советам? Почему? Простая домохозяйка, без опыта общения с живыми людьми. Волнами накатывает страх разоблачения иномирного происхождения. Сжимаю кулаки и дышу на счет, чтобы унять внутреннюю дрожь. Дорога заканчивается незаметно. Вот уже видны кучи неровно сложенных камней, пополняющиеся быстрее, чем убывающие. Капитан твердо решил построить добротную стену, опоясывающую поселение, а я за время копания в земле и себе приняла ультимативное решение — Камиллу распределят в другое место. Вчера умер идущий на поправку. Если бы Велдон не перепил зелий, для поднятия сил и людей с кроватей, то не свалился бы с истощением, имея возможность заметить бегающие глазки змеи, что на пару с подругой готовила тело к погребению.

Мои нервы дороже, а теперь и положение выше — помогаю в процветании города. Вот и воспользуюсь блатом.

Камилла

Спина была мокрая от страха, внутри все дрожало, но приходилось держать лицо, сцепив зубы. Казалось, все вокруг знают о тайне, подглядывают и следят, только делая вид, что заняты сбором. А все она, Люба! Щерится в мою сторону, как чувствует. Ушла с самой дальней группой, уйти от старшего не составило труда — своя ешь своя.

Сердце бухало в груди, норовя выпрыгнуть. Как пить дать, получу нагоняй. Поспешила, сама знала, но ничего не могла поделать. Аккуратно отводя ветви, лезла в самую чащу. Замерла, ощутив острие возле горла. За спиной стояла опасность.

— Хвоста нет, проверяла.

Черные глаза оказались напротив, злобно буравя. Дрожащей рукой полезла за пазуху, доставая противный мешочек. Мерзко, как же мерзко, но без жертв никак. Прикрыла глаза, чтобы не видеть.

— Люба что-то подозревает, усилила надзор. Это, возможно, последний. Пока смогла, принесла. Джонатан чуть не выгнал...

Упала на колени, закусив рукав от боли. Из глаз текли слезы. Чужая рука больно сдавила голову, с трудом просматривая воспоминания. В голову будто втыкали раскаленные прутья. Из носа хлынула кровь.

Уходила, еле переставляя ноги.

Любаша

Остаток дня пролетел незаметно в хлопотах за больными, обработкой богатств и сортировкой что куда. Из кривых крепких веток соорудили подставки, на которых развесили просушиваться пучки трав. Не обошлось без мелких склок, все устали. Бабы ушли, я сидела на ступеньках, гипнотизируя дверь. Вдруг, вспомнила, что Хильда оставила письмо, побежала его искать.

Коротка записка с корявыми буквами гласила: «Верь в себя, деточка, не сдавайся. Я в тебя верю». В раскрытую ладонь упали золотые украшения. Цепочка с кулоном, серьги гвоздики и обручальное кольцо. Хорошо, что она все сняла. У деревенской простушки не может быть таких украшений. Да и первое время не знала бы, как ими распорядиться.

Начальника встречала неизменно на террасе позади дома с накрытым столом. Обсудили поход в лес. Капитан предупредил, что скоро выезд в большой город, предложил место в обозе и попросил еще раз подумать о списке необходимых вещей. Вовремя я нашла свое «приданное», можно будет выгодно обменять, но с этим нужна помощь. Однако, сначала насущное. В конце концов, женщина я или где? Попробую бескровно, хитростью:

— Джонатан, — расслабила сжатые плечи, — я прошу вас перевести Камиллу на более легкую работу. Она или чем-то болеет, или переживает сильные эмоции. Откровенно говоря, выглядит паршиво и сил почти нет, хотя работает наравне со всеми, не жалея сил. Не хочется лечить потом еще и ее.

— Я вас понял, Люба, — постучал по столу пальцами. Задумался. — Хорошо. Отправлю ее под присмотр к Олафу.

Очень старалась не улыбнуться от облегчения, но было еще кое-что. Аккуратно положила перед ним золотое кольцо, наблюдая за реакцией. Его глаза загорелись ярче тусклого пламени одинокой свечи, стоящей на столе. Ноздри расширились, тело окаменело, но не шелохнулось. Капитан молчал.

— Это вам, — облизала пересохшие губы.

Брови капитана поползли вверх, лицо вытянулось. Постаралась объяснить:

— Благодарность за ваше покровительство, помощь, дом и вещи. За что, что не сдали никуда... что дали работу..., - произнесла уже совсем тихо, вжимая голову в плечи.

Бодрый настрой испарился под наливающимся яростью взглядом собеседника. Шумно дыша, красный как рак, начальник порывисто вскочил, нависая надо мной через весь стол, и заорал:

— Люба, вашу мать!!! Я — мужчина! Я — добытчик! Я должен заботиться о тех, кто попал в беду, тем более о слабых женщинах! И мне не надо за это платить или подсовывать подачки! Это мужчина дарит женщине украшения, а не наоборот! — с силой грохнул кулаками об стол и вылетел, чуть не снеся дверь с петель.

Прикрыла ладонью глаза, не зная, расхохотаться или расплакаться. Вот и поговорили. Он меня с утра выселит или еще потерпит?

Джонатан Мюррей

— Та, та, та! Щас! — поднял ладонь Руперт, когда я влетел в кабинет рано утром. Торопливо налил в бокал, развалился на диване и вальяжно кивнул мне. — Давай!

Закатил глаза. Открыл первое попавшееся письмо. Даже не завтракал сегодня. Видеть

не могу эту невозможную женщину! Сон не шел, промучился до утра. Первые лучи встретил, проходя полосу препятствий. После пятого раза в голове прояснилось, стало комфортно.

— П-простите, — тихо подал голос секретарь, взволнованно теребя рукав, — у вас текст вверх тормашками, — опустил глаза в пол и затих.

— Давай уже, — веселился Руперт, — что сделала Люба?

— Почему сразу она? — положил подбородок на башню из кулаков.

— Пф, — отмахнулся от слабой попытки, — мать твоя еще в пути, больше некому.

К концу краткого пересказа Руперт был мокрым и вонял, похрюкивая на полу. Пустой стакан валялся рядом с ним, содержимое пролилось, когда друг ржал как конь.

— Уверен, она и не подумала, что глубоко оскорбила тебя как аристократа, капитана и управляющего городком в одном лице своей признательностью. Даже не знаю, с чем сравнить ... Только если с продажной бабой, Джонатан! — загоготал идиот. — Какого это, когда платят тебе, а не наоборот?

— Заткнись, — смял бумагу в комок и швырнул ему в лицо. — Объявляй сбор. Пойдешь первым на полосу. Бесишь!!!

Люба

Ярмарка — волшебное слово, аналог «шопинга» для местных, особенно женщин. Посему, дабы избавить себя от психологических мучений, капитан взял с собой отряд мужчин, меня и Анну. Грозная жена повара Олафа наводила страх не только на меня, но и на местных торговцев, частенько уступающих в цене под тяжелым взглядом мощной горы в юбке, чем беззастенчиво пользовался Мюррей. По обыкновению дополняющим элементом выступала Камилла со своей хитростью и уговорами, но в этот раз она сказала больно и осталась в городе. Первый раз за все время.

Волшебства не случилось. Смирная кобыла и я не договорились о сотрудничестве, хотя обе честно старались, под тяжелым взглядом недовольного и отвратительно бодрого для столь раннего часа начальства. Мюррей раздраженно гаркнул лезть на телегу, куда отправили для полноты картины и недоумевающую Анну, ссадив уже с оседланной лошади.

— Дамы поедут с удобством, — ехидно выдал официальную картину Мюррей собравшимся мужчинам, очередной раз виртуозно прикрыв мою бесполезность. — Смотри в оба, — шепнул капитан, тихо подкравшись со спины, от чего вздрогнула всем телом. — На вот, — достал из-за пазухи миниатюрный нож, — мало ли в дороге, или на рынке... Пока отцепишь свой тесак может быть поздно. Спрячь под платьем, чтоб быстро достать в случае чего. Все, не зли меня, Люба, — проворчал и впихнул в руки.

Анна задумчиво проводила удаляющуюся спину, потом встряхнулась, как собака, пожалала плечами и открыла сумку, углубившись в подсчеты личных денег прекрасной половины и составленный список запросов. Жена Олафа выполняла важную миссию — приобретала чисто женские товары, которые не принято было просить у мужчин.

Оба светила еще спали в своих облачных постелях, когда из Амрана выехал обоз. Три новые телеги бодро скрипели по утренней прохладе, докладывая низко стелящемуся дымчатому туману количество камней, ямок и ухабов на пыльном пути.

Нервозность капитана передалась всем. Люди ехали молча и настороженно, глядя в придорожные кусты. Мудро рассудив, что помощи от меня ноль, просто легла спать. Проснулась, когда объявили привал. Трапезничать прихваченной едой на природе дешевле, чем посещать трактиры. Еще раз обсудив план покупок и действий, капитан

подошел к нам.

— Анна, отвечаешь за Любу. Руперт и пара ребят будут следовать за вами... Люба, пожалуйста, — выделил интонацией Джонатан, — постарайся вести себя нормально. Я тебя прошу, побереги мой душевный покой, — прислонил ладонь к своему сердцу.

— Да, капитан! — бодро отозвалась Анна, сжав массивную челюсть.

— Постараюсь, — кисло ответила на вопросительный взгляд.

— Сильно сомневаюсь, но буду надеяться, — проворчал мужчина и ушел.

Город встречал высокой стеной из толстых деревянных стволов, двумя сторожевыми башнями и стражниками бандитского вида около центральных ворот. Заплатив полагающуюся пошлину, беспрепятственно проникли внутрь. По пути после перекуса вынужденная соседка рассказала, что кроме нашего городка в разной степени удаленности располагается по меньшей мере с десятков поселений, исправно поставляющих свои товары.

Широкая центральная дорога привела напрямик на портовый рынок, расположившийся недалеко от доков, огороженных все той же деревянной стеной под неусыпным контролем стражников с дозорной башни. Город мог похвастаться двухэтажными домами из камня и дерева, постоянными дворами, тавернами и узкими петляющими дорогами между ними. Одного взгляда на которые хватало, чтобы начисто отбить желание пройтись, чему способствовала грязь, нечистоты, мусор и валяющиеся люди.

— Да, — заметила Анна, — наш Амран хоть и меньше, да куда чище и лучше.

На берегу ближе к воде природа щедро отсыпала валунов, из которых предприимчивый градоначальник вытесал аккуратный небольшой круглый замок на два этажа и три узкие башни. Сие строение было видно из любой точки города. Руперт разливался соловьем, не забывая посвящать в местные реалии и отпихивать локтем чересчур приближающихся людей. Так я узнала, что здесь есть большой каменный храм, школа для местных малочисленных аристократов, несколько крупных лавок, даже одна ресторация, которую мы непременно посетим позже, здания суда, стражей и даже, барабанная дробь, большая каменная статуя градоначальника.

Крупную фигуру Анны людской поток обтекал сам по себе, чисто инстинктивно. Мне было интересно другое, посему передала и я список необходимых вещей, развернувшись в другую сторону. Так, с помощью неугомонного Руперта мы добрались до малочисленных рядов со знахарками и травницами, наперебой расхваливающими свой товар. Я хотела присмотреться, поэтому шла неторопливо, осматриваясь. Руперт что-то увидел и отошел, обещая быстро вернуться, оставив со мной трех воинов, что было очень кстати. От его непрерывной болтовни голова начала гудеть.

В самом конце стояла седая старушка, продающая товар прямо на куцем плаще, пестревшего заплатками. Гордая, она молчала и, казалось, ушла в себя, однако зорко следила за травками и ягодами, успевая загодя шлепать длинным гибким прутиком по грязным ручонкам детей, пытающихся спереть хоть что-нибудь. Старое, но свежее платье, опрятный внешний вид, чистые руки и ровно сложенный товар, в то время как у многих все было свалено в кучу. Местные кумушки кидали презрительные взгляды, но отчего-то побаивались оскорблять открыто, предпочитая обсуждать со своих мест.

— Отчего не зазываете? — спросила, остановившись напротив.

— Кому надо, тот знает, — пожала плечами старушка.

Я улыбнулась, боевая.

— Люба, пошли, — шепнул один из сопровождающих, тронув за плечо.

— Подожди, — отмахнулась от него, аккуратно снимая чужую конечность.

— Шли бы от нее, госпожа! — крикнула торговка напротив. — Да вот хоть бы и ко мне, — приглашающий жест рукой. А там одно поверх другого, свежее вперемешку с пожухлым. Черные полосы грязи под неровно обломанными ногтями. Мое платье и охрана ввели ее в заблуждение. — Колдунья она, все знают, — громко распаялась базарная баба, привлекая внимание остальных. — Отчаявшиеся только ползут, кто чует дыхание Безликой. Уважаемые господа обходят стороной! А как если травки того, заговорены? Чтобы люди значится и шли к ней!

— На три монеты дороже, — скучающе произнесла бабка. — Каждая травка, которую будешь закупать у меня в следующий раз.

— Что ты мелешь, окаянная?! — вызверилась торговка то краснея, то бледнея. — Чтобы я, да у тебя?!

— На пять.

— Люди добрые, чего это делается? — набрала побольше воздуха склочница.

— Разберемся, — жестко гаркнул знакомый голос за спиной. — Люба, ну почему? — уже тише мне.

— Я покупаю травы. Между прочим, самые лучшие в этой дыре, — перебирала листья. — И ягоды, смотри какие крупные.

— Пошли отсюда, — процедил мужчина, кидая косые взгляды по бокам. — Не делай капитану проблем.

От урчащего звука голодного живота у бабули заалели щеки. Скандал за спиной набирал обороты.

— Хорошо, — покладисто согласилась. — Я обещала обед этой уважаемой женщине. Она сделала скидку, за то, что купила у нее все.

Острый недоверчивый взгляд прошелся с ног до головы. Бабуля оглянулась и просто собрала плащ в мешок, собрав за концы, бормоча под нос ругательства. Приняла покаянный вид и побрела за нами, склонив голову.

— Так ей и надо, господин! Правильно! Уж вы не жалеете плетей! — торжествовала обиженная торговка, потрясая кулаком.

Все вокруг были недовольны. Руперт громко пыхтел из-за моей маленькой лжи об обеде, который был чистой воды экспромтом. Солдаты, что послушались их главного, так вовремя вернувшегося обратно. Травница раздраженно поглядывала исподлобья, ведь пришлось согласиться с моим грабительским предложением, дабы избежать худшей участи. Характер старушки бежал далеко впереди владелицы, рождая вопрос: как она исхитрилась дожить до седины?

Стучали ложки, работали челюсти, я смотрела на колоритное многокомпонентное засохшее пятно посередине стола, еле держа для вида щербатый бокал за ручку, чтобы не касаться липкой половины сосуды.

Задавая наводящие вопросы, сделала вывод: одинокая, неудобная и колючая, как шип вместо розы, но такая необходимая — умела найти редкие ингредиенты, могла поставить на ноги пять из десяти случаев, делала настои.

И я решила — надо брать.

На предложение ехать с нами получила категорический отказ с выпяченной нижней губой. Обалдевший Руперт облегченно выдохнул, резко засобиравшись, кинув монет, и

вытолкнул на улицу, не забыв прихватить так нервно доставшийся запас трав.

По пути встретили Анну. Мужчина сдал меня в тиски женщины, велел никуда не пускать, и ушел спустить пар. Ругаться не мог, ухаживает вроде как. Нервный. Это он еще не знает, что бабка наверняка поедет с нами, потому как деваться некуда, скандал вскрыл давний нарыв и теперь ее точно заключают.

Взяла под локоток свой якорь и потащила ее в ряды. У меня был собственный список необходимого и много монет начальника, взятых взаймы. Цену на соль сбить не удалось, зато мед удешевили в два раза, пообещав брать только у них и поделившись слегка помятыми ягодами, шибко целебными. Остальных специй не нашла, но разжилась посудой, отрезами ткани, удобными небольшими корзинками и готова была повернуть обратно, когда заметила странное: посреди пустого пятачка стояла группа людей с непонятными табличками в руках, обреченно склонивших головы. Среди них были дети. Лишь одна женщина пыталась что-то выпросить у прохожих, но те убегали, стыдливо отводя взгляд, едва она приближалась. После очередной попытки раздался хохот. Повернула голову и увидела двух стражей, охраняющих вход в непонятный закуток, в который шли только хорошо одетые люди, преимущественно мужчины.

— Люба, тебе туда нельзя, — Анна перегородила путь, скрестив руки.

— Что там? Бордель?

— Нет, — мотнула головой сопровождающая и замолчала.

Пожала плечами и направилась к людям с табличками.

— И туда бы не ходила, — придержала за руку, недовольно поджимая губы.

— Приказа не было, значит можно, — высвободилась и ускорила, пока жена Олафа не придумала причину.

На деревянных прямоугольниках были выбиты цифры, которые ни о чем мне не говорили, как и сопровождающие, демонстративно не слышащие вопроса.

— Размер долга, иначе — рабство, — пояснила невесть откуда вынырнувшая травница, сгорбившаяся под грузом огромной заплечной корзины, с двумя тюками в руках. Прямо медведь, а за спиной спряталась Машенька и пирожки.

Слово «рабство» острым болтом ввинтилось в голову, мешая вздохнуть. Анна раздраженно сплюнула под ноги и отвернулась. Я заново огляделась по сторонам, но не увидела никого в ошейниках, робе или на веревочке. Других предположений их облика не было.

— Так это, — присела бабка, пятясь от надвигающихся на нее солдат, — все же... знают, — неуверенно закончила.

— Она едет с нами, — схватила ее за руку, забирая один тюк.

Драться у всех на виду не полезут. Пока никто не очухался, силком потащила упирающуюся старушку, почувавшую неприятности.

— Ты эта... болезная какая или шальная. Давай муженька подождем, он и порешит, как быть? — увещевала сладким голоском.

— Поздно, — отрезала, не сбавляя скорости. В груди не хорошо жгло.

— Госпожа, — подскочила женщина с табличкой, бухаясь на колени, заискивающе цепляясь взглядом, — госпожа! — ползла на коленях, путаясь в мешающем подоле. — Выкупите! Погорели мы, не подумайте дурного! Здоровые, — показала свои зубы. — Грамоту разумею, деток обучу! А дочка все сделает, как прикажете! Муж цифрами, науками владеет, да только долг на нем большой... Госпожа, выкупите нас! Прошууу, — завывала,

обливаясь слезами.

Картинка перед глазами поплыла. Ушлая травница больно ущипнула, подсовывая под нос какую-то пахучую гадость.

— Фууу, — отшатнулась, отворачивая голову.

— Зато в себя пришла, — авторитетно заявила, впихивая в руки. — На вот, сама держи. Не сподручно мне. Не молодуха уже и добро тащить, и тебя вытаскивать. Точно болезная, на всю голову, как пить дать... Зря только связалась, — покачала головой, отбирая свой тюк обратно.

Наши солдаты грубо оттащили стенающую женщину, протягивающую руки. Раздался глумливый хохот. Схватила за руку травницу и вытрясла подробности. Твари появились и здесь, но подоспевшие маги, коих здесь больше, успели расправиться с мелкими сошками быстро. Сгорели бедняцкие хибары и три дома, находившиеся ближе всего. Под ноль. Маги не церемонились, зачищая периметр. Люди жили в долг, никто к себе не брал.

Учитель, чья жена отказала начальнику города. Торгаши и обычные работяги, впахивающие на купца, занимающегося скотоводством.

— Я послала за Рупертом, — недовольно уведомила Анна. — Ты же мужу моему нажалуешься, — пробурчала женщина. — Поругаемся из-за тебя... Пусть Руперт бодается, раз замуж собрался братъ.

Пока шла тяжелая артиллерия, успела подсчитать, сколько мне надо, чтобы выкупить всех. Про само наличие рабства старалась не думать. Потом. Поплачу, повою и все остальное. Денег сильно не хватало. Руперт начисто отказался потворствовать капризам, переведя стрелки на капитана.

— Пойми, — взял за руки, повернув к себе лицом, — такое решение может принимать только капитан. У них с управляющим свои договоренности, нас просто не выпустят из города...

Пришлось крепко сжать зубы, чтобы унять жар, рвущийся изнутри. Высвободилась и отвернулась, подняв лицо к небу, чтобы не расплакаться. Отставить слезы. Нужен капитан? Значит я его достану.

— На, — шепнули, встав в притирку, бок к боку. В руки вложили мешочек. — Вернешь все до медяшки, болезная! — яростно прошептала травница.

Лысый толстяк, выскочивший из охраняемой подворотни, пересчитал деньги угодливо улыбаясь, и выдал расписку. Забрать «живой товар» могла только с капитаном, подтверждающим свое разрешение на покупку. Меня сразу предупредили, что в случае его отказа, деньги не вернут.

— Люба, — попытался объяснить Руперт, поняв, как сильно упал в моих глазах.

— Не надо, — покачала головой искренне расстроившемуся мужчине.

Капитан был занят — обедал с начальником города в дорогой ресторации, к которой пришли и мы. Дорого одетый лакей склонил голову и открыл дверь перед злым до чертиков Рупертом, бросив презрительный взгляд в мою сторону. К самым столам не пошли, дожидаясь начальство на балкончике. Остальные ждали на улице.

Сжимая перилла, лихорадочно накидывала в голове аргументов. В принципе, если совсем никак, можно скинуть долю с семи до пяти процентов — хорошее предложение. Даже до трех. Теперь надо много, очень много денег — я стану постоянным покупателем... «живого товара».

— Поговорим вдвоем, — раздался усталый голос капитана.

Мужчина встал рядом, оглядывая пейзаж.

— У них был только один приказ: не пускать к рабам. Не справились.

— Почему же, туда меня не пустили, — пожалала плечами.

— Однако, — усмехнулся Мюррей, — ты нашла, куда вляпаться. Дважды, — строгий голос.

— Спасибо, что не орете, капитан, — поежилась.

— Бессмысленно. Давай, кратко и по существу. У меня обед с градоначальником и важные переговоры.

Объяснила свои мысли, выдала аргументы и затихла.

— Помощь Велдону — хорошая мысль. Сумеешь взять с нее клятву, поедет. Люба, Люба... Вот что с тобой делать? — риторический вопрос.

— Я — полезная, — выдавила, сжимая кулаки. — Просто так ничего не прошу, честный обмен.

— Лучше бы ты коллекционировала побрякушки. Не успокоишься же...

— Это да? — взволнованно повернулась, порывисто вцепившись обеими руками за его сюртук.

— Весьма занятно.

Привалившись к стене, стоял неизвестный мужчина, скрестив руки. На его груди висел золотой ключ на массивной цепи. Руперт молча вырывался, скрученный тремя стражниками. Запоздало склонилась, но градоначальник успел заметить злой взгляд.

— Чья это женщина, Джонатан? — обманчиво мягкий голос.

Их гляделки подсмотреть не удалось. В согнутом состоянии это немного проблематично. Вставать никто не разрешал. Пауза затягивалась.

— Моя, — твердый ответ.

— Ты же жениться собрался? А я вот холостой.

— Нет. Вставай, Люба.

— Знаете, Люба, что я люблю больше всего?

— Деньги.

— Верно. И очень не люблю их терять. За один день вы успели украсть из моего кармана, — улыбка, не касающаяся холодных глаз, — несколько десятков золотых. Я чувствую...хм... Раздражение?

— Тогда я компенсирую ваши убытки.

Мюррей придвинулся ближе, намекая на свою защиту.

— Оставьте свои монеты... Но вы можете, к примеру, — ехидно улыбаясь начал мужчина.

Понятно, чего там я могла, но не молчать, ибо не хороший человек собирался поставить капитана в неудобное положение непристойным намеком. Из-за меня.

— Могу сберечь ваш капитал, — перебила его. — Как часто умирают невольники? А горожане? Все они пополняют казну так или иначе. Если заставлять соблюдать чистоту: мыться каждый день, есть из чистой посуды не гнилое и чистыми руками — смертей будет меньше. Если держать в чистом теплом помещении — еще меньше. Велдон сказал, что у лекарей есть такая теория. Предложение не голословно.

— У нас подают чудесные блюда. Прошу, угощайтесь.

Оказалось, я вцепилась в руку капитана, а он героически молчал.

— Иди уже, Люба. Ты сделала все, что могла, — усмехнулся Мюррей, подталкивая в

спину. — Заканчивай представление и отпусти Руперта.

— Ты лишаешь меня веселья, — поморщился градоправитель.

Дальше не слышала, предпочитая идти, куда послали. Иногда лучше молчать. Жаль, что понимаю это слишком редко.

Руперт

Это не мой свет.

Я сошел с дистанции еще там, на площади, когда не добавил монет... Когда отказал в опоре, по сути, в защите, которой так кичатся мужчины перед женщинами, полагая это своим первоочередным долгом. Она взяла и довела дело до конца, используя все свои возможности. Я просто сдался, посчитав невозможным, а должен был сказать «да» и костыми лечь, но сделать.

Не захотел прилагать усилия. Потому, что так не принято. Потому что привык получать, а не отдавать.

Думал сберечь, предлагая колпак от ветра, на деле пытался накрыть темным платком, чтобы сияло только для меня.

Я хотел, но не подумал, чего хочет она. Знал, что шаблоны не подойдут, что надо меняться, а это так сложно... Знал и просрал гонку на старте.

Градоправитель Белд — та еще сволочь, но любую сволочь можно купить. В этом их прелесть.

А может испугался?... Быть зависимым, чувствовать по-настоящему? Так боялся возможности потерять, что решил и вовсе не начинать...

Лучше попробовать и проиграть, чем всю жизнь жалеть об упущенных возможностях.

Люба

Капитан меня игнорировал, заворачивая на подлете в обратную сторону по любому вопросу. Обратная дорога прошла вся на нервах. Чудом освободившиеся семьи сразу принесли личную клятву Мюррею, старуха лишь общие формулировки и отчего-то личную мне. Травница сказала просто:

— Ты меня подобрала, с тобой и мучаться, болезная. Дело свое буду делать на совесть.

Начальника устроило. Соображения по новым жителям Мюррею, переданным через Руперта, не принесли обратной связи. С чего вообще взяла, что имею хоть какой-то вес?

Вообще, мужчина стал подавленным, молчаливым и угрюмым, а еще работающим. И это было странно. Он как будто взвалил на плечи кусок монолита, что в одиночку пер Джонатан. Ну, у каждого свои тараканы. Главное, не заразиться чужими.

Травница поначалу мотала всем нервы, доводя едкими замечаниями.

— Боги в моем лице дали тебе второй шанс. Не упусти, — вкрадчиво нашептала, отведя в сторонку, не зная, как еще повлиять.

Простые шутовские слова возымели невиданный эффект — уровень желчи упал до минимума.

Вечером Мюррей сам предложил посидеть на веранде. Шла как на плаху. Выпили взвар, посидели в тишине.

— Люба, вы молодая, чересчур энергичная, привлекательная, очень неудобная, деятельная добрая женщина. В каких-то областях знаний много, в нужных частенько пусто. Глубочайше благодарен за все, что делаете и сделаете для городка... Но вам надо

повзрослеть. Вы как ребенок лезете во все дурно пахнущее, пытаясь попробовать на зуб, совершенно не заботясь о последствиях. Сначала делаете, потом думаете. Надо наоборот. Вы могли послать записку с просьбой выкупить людей. Я бы выдал это за свой каприз, нашел бы причину... А теперь Белд, градоначальник и успешный работорговец, заинтересован вами. Лично. Да так, что предлагал триста золотых, даже готов подождать, пока наиграюсь. Пришлось назвать вас своей любовницей, теперь вам не выйти выгодно замуж, слухи расходятся быстро и далеко. Белд постарается... Я не вечен, меня могут подстрелить, отравить, утопить, мало ли. Найдите себе, пожалуйста, мужа. И пусть уже его голова болит за вас. Я устал.

Он тихо встал и ушел, а я улыбалась. Вот такая защитная реакция, чтобы собеседник не понял, как сильно плохо. Слезам дала волю только в своей комнате. Робкая радость от «привлекательная» сплющилась в кашу под ударом отповеди мужчины. Если таким образом собирается надавить на замужество за Руперта — кукиш ему. Я вот сейчас погорюю, выпью чудесной настоечки от нервов и еще погорюю.

Все равно останусь неудобной и деятельной.... но начну думать. Наверное, он прав.

Мысли облепили и кололись, как теплый шерстяной свитер. Ни избавиться, ни успокоиться. Так и уснула, придавленная их грузом. Утро не принесло облегчения. Каша сгорела дважды, все валилось из рук, настроение ниже плинтуса.

— Люба, — укоризненно произнес Велдон, — отдохни. Давай, иди, прогуляйся, съешь вкусного, поболтай с Олафом... Отыщи свое внутреннее равновесие.

В смятении пошла на кухню, да поздно поняла, что зря. Главный повар, дирижировавший кипящим вокруг хаосом приготовлений, точным броском корпуса перекрыл путь отступления. Не стесняясь в выражениях, цветасто прокомментировал нашу поездку, в частности мое идиотское поведение, негодуяще потрясая в воздухе полотенцем, зажатым в руках. Вытерев пот с лица, устало плюхнулся на чурбачок рядом.

— Работать! — гаркнул притихшим, что решили погреть уши. И уже более тихо, — Люба, ты давай, думать начинай. Капитана в могилу раньше времени не сведи, матушку еще вытерпеть, а тут ты. Не сдюжит... За посуду спасибо. И за мед... Анна ворчала, еле уgomонилась. Решила привязать к себе в следующий раз, чтобы поспокойнее было. Только я думаю не поможет. Ты когда геройствовать полезешь, жену мою отцепи, ага? — беззлобно щелкнул по носу и ушел, закинув полотенце на плечо.

Всех послушать, так каждому поперек горла, хоть в океане топись. Есть одно верное средство. Под спор вслух с самой собой, перебрала на кухне ягод и фруктов, что прикупили на ярмарке.

Ну, может он и прав. Немного... Ну, не прям как ребенок, но похоже. Наверное.

Раньше не нужно было об этом задумываться, все было проще. Хочешь — делай, отдавай, помогай. Тут люди придумали кучу условностей.

Тема рабов улеглась в голове блеклой краской на дальней стене. Вроде есть, пока не видела дышать не так тошно, но и не вот прямо легко. Бабушка говорила начинать с себя в любом деле, не оглядываясь по сторонам.

Из маленьких шагов складывается длинный путь.

Тоскливо вздохнула. Внутри просыпалась «молодая» Люба, жаждущая подвигов и бунтарства. Невместно, только и успокоиться не получалось. Варенье булькало, источая приятный аромат. Во время кромсания фруктов окопалась в думах, как в тряпках, и

ненароком полоснула по пальцу от души. Кровищи натекло мрак. Пришлось сбегать к Велдону, помереть от заражения не хотелось.

Вернулась и остервенело плюхнула куски в кастрюлю, как есть. И тут не идет. А все он виноват! Застыдил, и все по делу! Толи в ямку зарыться, толи бежать доказывать. Аааа!!!!

Продукты начали кипеть. Добавила немного меда, чуть прикрыла крышкой и села пить взвар, уговорив всю пенку, собранную с двух кастрюль. Поплакала. Сделала пару кругов вокруг стола, ковыряясь под ногтем. Закрыла лицо и шумно выдохнула.

Все. Пострадала и хватит.

Додумать вдохновенную речь не удалось — нос заложило. Варенье из ягод приобрело отвратный цвет детской неожиданности. Воняло соответствующе. Быстро сняла с огня другую тару, мельком проверив, и побежала выносить смердящее варево, дабы вылить как можно дальше.

Велдон долго смеялся, утирая слезы. По незнанию схватила ягоды, не терпящие термической обработки. Кивнула и, пылая злым энтузиазмом, пошла зубрить сборник трав. До самого вечера, пока оба светила не ушли за горизонт, я писала, читала и запоминала. Освоила тригонометрию — осилю и это. Голодный Мюррей появился неожиданно, принесла еду, прихватив плоску фруктового варенья.

— М, вот это вкусно, — тронул указательным пальцем бочок посуды. — Что за рецепт? А цвет какой... теплый, будто кусочек светила.

— Не знаю. Должно быть снова что-то не то смешала.

Покаялась о промахе. Джонатан мельком поджал губы, мол, что и требовалось доказать, еще раз похвалил и ушел. А на следующий день случилась беда.

Не было предчувствия, знаков, падающих звезд или плохих примет. Обычный день. Джонатан с утра прихватил немного варенья — поднимает настроение, успокаивает. Конечно, они ж сладкое едят не часто, с эндорфинами беда. Угостила Велдона, передала Олафу, отложила чуток и, окопавшись на кухне, пальцами выскребла остатки. Да, не этично. Никто не видел, значит не было.

Олаф моментально прислал ответ — сварить еще. Ни вторая, ни третья попытка не дали результата — серобурмалиновый цвет отказывался превращаться в солнечный оттенок. Плюнула и отложила.

Отчаяние подкралось незаметно, опустили руки, глухая безнадега накрыла пуховым платком так, что не продохнуть. Тихонько всхлипывая, пошла грабить склад готовых настоек. По пути встретила вернувшегося Мюррея в коридоре. Приподнятое настроение которого было видно за версту, словно мощный прожектор в глухую ночь сияло радостью его лицо.

Мюррей улыбаясь шел к целителю с бумагами.

Это было так не привычно, что поскорее прошла дальше, испытывая смущение. Юркнув в темную комнату, сунула пару пузырьков. Подумала, покачала головой, переминаясь с ноги на ногу, и хряпнула пару глотков из третьей. Время обхода пациентов, пойду помогать.

Утробное рычание прокатилось волной по дому, оседая внутри липким страхом. Женский визг взлетел и оборвался на высокой ноте. Глухие удары, топот ног, крики. Паника. Протиснуться в дальние комнаты удалось не сразу — сиделки с обезумевшим взглядом бежали на выход, как травоядные с водопоя.

На деревянных стенах аллели свежие брызги, чуть подтекая вниз. В потолок смотрели

остекленевшие глаза не приходившего в себя мужчины. Голова отдельно от тела. Облик приобрел звериные признаки. Заторможенно наклонилась — под ногами валялась мертвая сиделка с открытым от ужаса ртом, раскуроченная грудная клетка подробно демонстрировала внутреннее строение человека. Вздогнула от рвотного позыва. На полу дергался окровавленный Мюррей, борющийся с Велдоном. Поскользнулась в луже крови, шмякнулась, но доползла и упала на начальника, придавив всем телом. Спину обожгло болью, будто что-то воткнули.

На меня смотрели темные глаза с пульсирующим зрачком. Росчерк на лице начальника стремительно чернел.

Джонатан

Когда хочется затуманить разум, но нельзя пить, можно гладить пальцами гладкий бок бутылки, занимаясь самообманом.

— Как она?

— Спит.

— А ты?... Выглядишь не важно.

— Жить буду.

— А я?...

— Полагаю, тоже, — пожатие плечами.

— Но не уверен... Дерьмо.

— Согласен... И в себе не уверен... Но ее не задело. Гарантирую, — кулак на стол.

— Я...тогда...будто разделился на двое, — прикрыл глаза левой рукой, вспоминая ощущения. Дернулась правая щека. Пальцы правой продолжали невесомо наглаживать, словно искали брешь, дабы высосать сквозь стенки и отрубиться. — Убить хотел... Растерзать. Всех. И тебя... Злость. Ненависть. Голод... Боги, как я мечтал вспороть ее горло! Боролся, как мог... Сместил удар на спину. Здорово, да?...Защитничек, — нервный смешок. — Так что это было? Он же лежал бревном не первый день! Как такое могло произойти? Были знаки, нестабильность состояния, бред, судороги? Хоть что-нибудь?

— Ничего. Иначе бы ты знал, а он был в другом месте, — устало ответил Велдон, потирая пальцами виски. — Сугубо мое предположение: при прорыве его могли укусить или заразить, «это» вызревало в теле, как в коконе или личинке, достигнув определенного уровня, захватило контроль и пошло... жрать. Что случилось с сиделкой и охранником, ты видел.

— Тогда и мы с тобой...?

— Я не знаю! — вызверился друг, ударяя кулаками об стол. — Не знаю, — уже тихо. — «Оно» ощущалось как, — прищурился, будто рассматривая ответ на потолке, — как разумная болезнь. Не смотри на меня так, Джонатан, — раздраженно отмахнулся, роняя голову на скрещенные руки. — Это идиотское объяснение и ...

— Я верю тебе.

— Серьезно? — резко поднял изумленное лицо. Увидев мой кивок, приободрился, садясь ровнее. — Я почувствовал, как тебя оплетает сетью и не придумал ничего умнее, как рвануть ее пополам... забирая себе.

— Зачем?

— Мы же друзья?... — неуверенное пожатие плечами.

— Семья, Велдон. Мы — семья... Как думаешь, остальные тоже заражены?

— Нет. Уже проверил... У нее, у болезни, есть зов... Шепот в голове.

— Да, слышал... Спасибо, что помог. Я должен...

— Заткнись, Мюррей, — вскочил Велдон, закатывая глаза. — Ты мне ничего не должен... Сложно теперь назвать красавчиком. Уж прости... Не хватило сил... Пойду, пройдуся.

Хлопнула дверь. Неторопливо вытащил маленькое зеркальце из верхнего ящика. Покрутил туда, сюда, рассматривая получше.

— Ну и ладно. На любовь никто не рассчитывал. Жене главное что? Родить наследника... Не придется уговаривать уехать, сама сбежит.

Рваный шрам на лице был отвратительно черным.

Люба

Вонь в коридоре была повсюду. Она лезла в нос, атаковала уши, пыталась вьестся под кожу. Старуха травница улыбалась первый раз за недолгое знакомство, широко, от всей души, ярко, с детским восторгом...

— Яйца болотной жмыхи... Ту-у-у-ухлые, — прошептала вредная бабка с глубочайшим удовлетворением, сложив на груди морщинистые руки.

Это должно было объяснить, но не случилось. Хорошо, что в кабинете было не так печально. Послышался надрывный кашель, знакомая брань, топот ног. Дверь резко открылась и закрылась. Глухой стук опущенного засова, поставленного день назад, стремительные шаги, скрип кожи. Выдохнув, потихоньку встала с четверенок за диваном, расправила платье и пошла к гостевому стулу.

— Люба, — с квадратными глазами выдохнул капитан, — вы... что делаете?

Хмурая складка на мужском лице, резкий взгляд на дверь, на меня и вот уже картина произошедшей диверсии сложена в голове. Лицо начальника приобрело выражение кирпича. Он откинулся на спинку и скрестил руки, отгораживаясь от неприятного разговора.

— Лихо вы придумали.

— На самом деле все придумала она, видя, как вы бегаєте от меня, словно жених от обманутой невесты. Я проспала сутки, еще два дня старуха отпаивала редкостной дрянью, не выпуская по вашей просьбе. Вы и Велдон стали... скрытные и очень занятые. Как только появляюсь, вырастает стена дел, людей, чего угодно, максимально увеличивая расстояние. Пришлось обратиться за помощью к единственному человеку, не связанного с вами личной клятвой... Что происходит, Мюррей?

Капитан склонил голову на бок, поджал губы, кивнул неизвестно чему и вытащил из верхнего ящика небольшое зеркальце вместе с неприметным пузырьком.

— Я чувствую вину, Люба... Глубокую, разъедающую внутренности вину, — покрутил пузырек в руках и громко шмякнул об стол. — Прости меня, — горько прошептал начальник. — Я не сумел сдержать... тогда и боюсь снова причинить боль.

Он остервенело растер лицо, показывая секрет: уродливый росчерк черного цвета, словно что-то глубоко постыдное.

— И все?

Мюррей страдальчески вздохнул и рассказал о своих ощущениях в день нападения, их умозаключения с целителем и прогнозы.

— Он начал чесаться и воспалился с нижнего края. Мазь — короткая отсрочка.

— Ничего не помогает?

— Мы перепробовали все.

— Ясно.

— Когда вы уезжаете? — подавленно спросил Мюррей, потянувшись к бумагам. — Я подготовлю...

— Джонатан, и не мечтайте, — встала, уперевшись обеими руками об стол. — За вашу скрытность придется терпеть мои эксперименты на вашем лице. Может травница что-то придумает, может я...

— Люба...

— Не Любкайте! — строго отрезала. — Где я найду еще такого нормального начальника? — подмигнула и ушла.

Кажется, он немного воспрял духом. Уже хорошо.

5

Люба

Удобно подперев руками обе щеки, как хомяк из мультфильма, сосредоточенно предавалась унынию, сидя на скалистом берегу. Там, внизу грохотали волны, шумя и неистовствуя, даруя немного успокоения, старательно закидывая навверх капли водной взвеси, долетавшие редкими подарками на лицо и одежду.

Ничего не помогало Мюррею. Старуха беспомощно разводила руками, начальник терпел, шрам гноился. Мазь перестала справляться, Джонатан плюнул и ходил как есть. Мужчина стал раздражительнее, резче, противоречивее. Народ боялся, сторонился и молчал. Число дыхательниц сократилось. Камилла отравляла жизнь Олафу. Каменную стену из крепких булыжников возвели быстрее небоскреба в центре столицы. Мюррей искал причины придраться и спустить злость, народ старался их ликвидировать.

Больные разлетелись из гнезда: часть вылечилась полностью, пятерых вынесли вперед ногами, остальные перешли в разряд легких случаев и переселились в казармы. Велдон съехал еще раньше. Моя задумка встала без основных вводных, труженицы потихоньку забыли путь в огород начальника. Дом опустел.

Все ждали бурю — матушку Джонатана. И она пришла. Вереница карет, подвод, телег и людей наполнила Амран, изменив привычный ход жизни, повысив уровень шума и накал страстей.

Помимо всех несомненно необходимых и нужных вещей как то дерево, продовольствие, скотина, птицы, орудия труда, металл, предметы быта и прочего, она привезла невест и людей из столицы, привыкших к другой жизни, взирающих на местных с высокой колокольни собственного высокомерия, а также правила и, пожалуй, самое трудное, неудобное, мешающее больше всех — себя.

Словно долго отсутствующая директриса, женщина влезала везде и к каждому, грозясь невидимой плетью, поднимая приличия с субординацией на нужный уровень и не важно, что от этого могло пострадать качество или человек. Сию одиозную личность звали Марджери Мюррей. Высокая, подтянутая, красивая и невыносимая.

Пять невест, несметное количество сундуков и сопровождающих выстроилось около показавшегося вдруг очень маленьким двухэтажного особняка. У радушного хозяина, встречающего процессию на крыльце, стала дергаться щека. Заведенные за спину руки сжимались в кулаки и разжимались.

— Мальчик мой! — патетично воскликнула Марджери, раскинув руки... и началось.

Возможно, при старых обстоятельствах музыка звучала бы привычными аккордами, но

не в этот раз. Бешенство капитана взорвалось феерией звуков и эпитетов, жестов и посылов. Пять невест, немного скраба, мать, одна горничная на всех и я, все остальное летело, спотыкалось, выносилось и исчезало с немыслимой скоростью. Нутром почуяв неладное, Марджери переждала бурю, убрав бревно тарана в нагрудный кармашек, достав взамен капли слез и духи обаяния. Тасуя их, словно заправский шулер, она добилась от сына послаблений и ушла, крепко зажав свой выигрыш — две горничные на всех, обещание все объяснить, дозволение делать что захочется и примерное расписание свиданий.

При всех минусах был огромный тощий плюс: приехал мой секретноингредиентный ингредиент — парень, владеющий даром растительности. Редкое и очень ценное умение. Жизнь заиграла новыми красками.

Бригада баб была выдернута из нового витка починки города. Словно дорвавшиеся до экспериментов дети, тащили из леса все, что могли, а потом собирались кружком вокруг чахлых кустиков и, затаив дыхание, жадно следили за потугами парня засадить плешь заднего двора Мюррея новыми волосами.

Джонатан соврал матери и бегал от нее, как мог. Демонстративное игнорирование моей персоны не могло длиться вечно, как и осмотр с обживанием на новом месте, сбор сплетней, раскладывание нарядов и прихорашивания. Через два дня тихой осады Марджери Мюррей пошла в наступление.

Когда утром третьего дня я пришла на кухню, хозяйка этого дома при полном параде во всю совала нос в каждую емкость, до которой могла дотянуться. Там, где она не могла, ей помогал приставленный сыном охранник, и проверка продолжалась.

— Доброго дня, — поклонилась ее спине.

— Госпожа! — едко заметила дама, не удосужившись повернуться. — Еще раз! — хлесткий приказ, словно щелчок плети.

— Доброго дня, госпожа, — бесцветно повторила за ней, давая шанс мирно разойтись.

— «Доброго дня, госпожа!» с должным уважением в голосе! — рывкнула мегера, развернувшись ко мне. Надо же, заметила ничтожную вошь. — Где? — строго нахмурила брови, поджав губы.

— Что?

— Госпожа!!

— Какая из? — прикинулась поленом. Обращение «госпожа» царапало язык не хуже щетки из острых гвоздей.

— Я научу тебя!! — вызверилась Марджери, потрясая указательным пальцем в воздухе. — Научу манерам и почтению, наглая деревенская подстилка!!!

— Так что вы ищете, госпожа?

Это как сказать «доброго дня!» с интонацией «чтоб на тебя голуби нагадили!». Собеседница все поняла, сузив глаза, окинула нечитаемым взглядом и притворно вздохнула, убирая встопорщенные стальные перья, влезая в шкуру овечки не по размеру:

— Принеси мои капли! — плаксиво попросила охранника, бессильно опадая на ближайший стул. — Воды, — уже мне.

Парнишка метнулся на выход. Я поставила кружку.

— Ты уволена, — мгновенная смена маски. — Вещи собраны, сумки на улице, естественно за вычетом аренды моих платьев, которые ты нагло выклянчила у моего доброго сына. Катись, откуда выползла. Пшла вон! — небрежно махнула рукой на выход.

Закрыла дверь изнутри и села напротив.

— Не вы меня нанимали, это раз. У нас с ним магический договор, это два. Мы с вами одинаково хотим помочь капитану, это три. Пожалуйста, верните все туда же, где лежало. Если хоть что-то пропадет, буду жаловаться и просить неустойку. А так, будем считать, что познакомились, не могу сказать, что приятно. А что вы искали?

Она медленно встала, сдерживая клокочущую ярость.

— Приворотное зелье, конечно. Не мог мой сын по собственной воле пригреть на груди... такое! — вздернула нос. — Сама уйдешь, — прошипела и резко выплеснула жидкость мне в лицо.

— Не дождетесь, — весело усмехнулась в ответ, оттирая влагу рукавом.

— Ваши капли, госпожа! — вернулся охранник.

— Здесь омерзительно смердит, — поплыла на выход мадам.

Джонатан Мюррей

Приезд матери был огромной ошибкой, как и потакания со смехотворными смотринами, ухаживаниями. Взрослые люди, все знают, кому что нужно. Но нет, приличия же. Сжал зубы. Тошнит от них всех. Разряженные напыщенные куклы, заводящиеся с пол оборота от будущих перспектив. Брачное предложение стало выгоднее в десятки раз: нелюбимый супруг сдохнет раньше, чем наследник научится говорить. Какая радость!

Хорошо, что их пять. Пока первые будут убежать, не в силах перебороть отвращение или страх, словно злобный колдун успею сцапать хоть одну замешкавшуюся.

— В пекло, — раздраженно выдохнул, одним движением смахнув все со стола.

Жалобно тренькнул новенький сервиз, оповещая о своей скоротечной кончине. Листы первосортной бумаги, как белые птицы, полукругом медленно опускались вниз, падали в мокрый плен на полу, темнели, потихоньку напитываясь, и безнадежно умирали.

— Что, так можно было?! — обиженно воскликнул Руперт, подбегая и с наслаждением отправляя ненавистную посуду в полет. — Если что, это все ты! Она ведь так старалась, так старалась оставить свой след в твоём кабинете. Тащила из такой дали, можно сказать на своем хребте! Забота, цени!

Секретарь не решился на широкий жест, лишь аккуратно отодвинул расписные чаши, щедро усыпанные нелепыми огромными желтыми, красными и фиолетовыми цветами, несколько взглядов на которые мгновенно обеспечивали мигрень.

— Возможно, это модно нынче в столице... Но терпение не безгранично. Да... Может подеремся? — сам себе удивился друг. — Обоим полегчает. Что скажешь?

— Если бы это помогало, мы бы не вылезали из круга, — усмехнулся. Ему все же удалось отвлечь от бешенства. Даже чуть расслабился.

— Тогда, — облокотился об стол, — нужна баба! — авторитетно припечатал Руперт. — Навестим Белда? Там столько прекрасных созданий, уж одна да поможет скрасить время, — широкая улыбка. Только фальшивая, плохо маскирующая беспокойство.

— Я еще не при смерти... В доме теперь столько женщин, обосраться от радости. Так скрасят время... не унесешь.

Присел на пол, собирая то, что выжило после маленькой вспышки. Друг и секретарь помогли. Они ушли на обед, захватив приглашение на разговор. Дверь без стука распахнулась. Внутри обожгло от злости. Сжал кулаки. Спокойно.

— Ну наконец-то, дорогой! Еще день, два и девочки начнут паковать багаж! Что скажет

общество, как отреагирует столица? Да меня не пустят дальше порога ни в одном приличном доме! Не всем нравится прозябать в нищей глуши, а я еще жить хочу!!!... Неслыханная наглость: избегать приглашенных невест, в нашем-то положении! Бедняжки перенесли тяготы пути, лишения и неудобства! Ради че...

— Присядь, — самый мягкий тон, на который только был способен, хотя в горле пульсировало желание оторвать к бездне эту голосящую голову, чтобы снова ощутить сладость блаженной тишины.

Я ее люблю. Я ее люблю... Надо только вспомнить об этом... Я ее люблю. Родной запах... Шумно втянул воздух. Да, вот так... Контроль.

На миг она застыла, прерванная на скаку, внимательно осмотрела, подмечая детали и, тихо пройдя, аккуратно обняла, давая в любой момент освободиться.

— Прости, сынок, — поцеловала в макушку, ласково приглаживая волосы. — Я переживаю, а ты молчишь... Ты же знаешь меня... Расскажи пожалуйста...

Про отца говорить не стал. Возможно позже?... Коротко обрисовал перспективы с учетом новых условий. С самого приезда не касались этой темы.

— Так что заканчивай гнобить мою кухарку, наводи свои порядки в городе и поубавь количество сброда, что привезла из столицы. Мне не нужны бастарды и разбитые сердца, если не хуже. Мужья умерли, им хочется поддержки. Твои прыщи способны лишь обрюхатить и сбежать.

— Дорогой, — снисходительный тон, — это, между прочим, высокородные и благовоспитанные сыны состоятельных семей! Они не станут пятнать себя... этим. Если честно, их семьи щедро заплатили за... прогулку. Проникнуться, осознать перспективы неповиновения и перестать оспаривать решения старших. Представляешь, — задумчиво произнесла мать, — тобой пугают юнцов. Какая нелепость... Было бы упущением не поиметь с них денег за это, — хитро подмигнула, звонко облюнявив мою щеку и сразу вытерев, чтоб не ворчал. — Не переживай, скоро сбегут сами, устав от скуки. Нет борделей, игорных домов, восторженных девиц, лишь вода, лес, да одичавшие хмурые люди в солдатской форме... Я тут подумала, раз такое дело, может ты...

— Я не буду унижаться перед Филиппом!!! — обнял в ответ. — И больше не будем об этом. Бешенство... разрушает, начинаю терять... контроль. Других чувств король не вызывает.

— Капитан!!! — влетел потрёпанный секретарь, бешено вращая глазами. — Люба!... Она!... Ее!... Вы нужны там!

Любаша

Новый день — новые возможности.

Порой, настрой решает все, склоняя чашу весов выбора в определенную сторону. Словно цветные очки, синий исправно будет красить, исключая из общей картины белый цвет. Так и Мюррей, упрямый осел, вбил в голову, что умирает, теперь ответственно готовится кануть в небытие, предварительно закончив все дела.

Дернула край ненавистно чепца, поглубже нахлобучивая сползающую деталь гардероба. Взаимная нелюбовь. Здоровалась, кивала, с удовольствием подмечая расцветающие цветы надежды на лицах местных. Чуть остановилась, оглядевшись. Стучали молотки, звонко перекрикивались рабочие, возводившие новые постройки, сновала вездесущая ребятня, гордо помогающая взрослым, поднося то одно, то другое. Запах свежей древесины пьянил.

Сегодня я решила не сдаваться. Утро нашло меня колена преклонной в храме рядом с изображением Ютарии. Хранительница очага помогает женщинам, но я просила за Мюррея, ведь он был чем-то похож — оберегал множество семей. Чего уж там, всплакнула немного. Жалко мужика, пропадает. Подношение оставила и ушла. Когда выхода не видно, надо пробовать каждую дверь.

Среди налаженного производства особо ярко выделялись сморчки из столицы. Холеные лица, высоко задранные носы, недвусмысленные взгляды, шарящие по местным. Парни примеривались к невспаханному полю женских сердец, дамы, сбившись стайками, хихикали и притворно прикрывали рты аккуратными пальчиками, рассматривая объекты будущих приключений или тренировок женских чар перед крупными играми на королевской доске. Даже слуги умудрялись считать себя людьми лучшего сорта.

Столица не подойдет. Я так не умею и не хочу. Лучше и дальше буду приносить пользу в глуши. Целых два куста диких ягод расправили пышные ветви на нашем огороде после упорной борьбы. Маленькая победа.

Не зная, как еще помочь, направилась к Олафу пытаться счастья общими усилиями с вареньем. Может двойное упрямство возьмет верх и мы сумеем получить то маленькое волшебство в баночке? Мюррею будет очень кстати порция радости.

— Красавица! Погоди! — раздался голос сбоку.

Отрадно, что степень выдержки моего «вина» уже не назвать молодым. Усмехнулась, но вынужденно остановилась — плечо грубо сжала сильная рука, заставляя развернуться к говорившему.

— Не хорошо, красавица, — высокопарно начал молодой аристократ, источая притворно-сладкие интонации, но осекся.

Жиденькая поросль на его лице встопорщилась от возмущения. Маска дружелюбия свернулась, явив отвращение.

— Тьфу, старая!!! — возмущенно дергались коричневые кудряшки.

— Пф, — передернулся второй подошедший, изящно поиграв рыжими бровями. — У тебя глаза не поднимались выше жопы, Густав! Красавица, точно красавица! — морщась, карикатурно передразнил первого, раскидывая руки. — Пошли, — демонстративно одернул вниз рукав пышной рубашки, старательно смахивая несуществующие пылинки.

Третий прошелся внимательным взглядом темных глаз. Чего уж там, откровенно было противно. Не доставлять проблем. Я стараюсь, Мюррей... Видят боги, как хочется услышать хруст ломающихся конечностей!

Боль в плече отрезвила. Гаденыш продолжал сжимать, применяя силу. Что-то не так. Попыталась проанализировать настроение.

— Отпусти уже, — рыжий рубанул ребром ладони по руке первого, вынуждая отступить. — Вспомнил, — нехотя пояснил звереющему шатену, — кухарка она. Мюррея, — смачно сплюнул на землю.

Третий соображал быстро, скрутил руку задиры, развернул и дал направление. Второй замкнул клещи, присоединяясь к коллективной работе.

— Угомонись, — спокойный голос здоровяка сопровождался хорошей встряской. — Не привлекай внимания.

— Я — наследник старейшего рода, уношу ноги от чьей-то кухарки?! Ты издеваешься?! Да что она делает?! Фартуком задушит? — искреннее недоумение переросло в злой вопль.

Ответа не услышала, расстояние увеличилось. Не стану рассказывать капитану. Потерла

плечо... Гаденьши.

Внимание привлек запах, проходившей мимо женщины, показавшийся до боли знакомым. Оглянулась, незнакомка в бесформенном платье, просеменила уже далеко. Возвращаться не стала, опасаясь нежеланной встречи.

В голове стучали молоточки, требуя идентифицировать аромат. Казалось, это важно. Не получалось. Злость облизывала мелкими волнами, незаметно накачивая сильнее. Стало трудно дышать. Внезапно захотелось рычать и буйствовать. Пришлось крепко смять подол, дабы унять трясущиеся руки. Кожи коснулся холодок металла. Стало понятно, что все не спроста, да было поздно.

— Это магия.... Магия, не я, — пальцы сопротивлялись решению мозга, но спустя минуту, показавшуюся вечностью, еле отцепили тесак с пояса, несколько раз порезавшись, и кинули куда подальше.

Упала на колени, обхватывая себя руками, раскачиваясь в разные стороны. Реальность подернулась дымкой, окрашиваясь в красные цвета. Внутри полыхало от желания... проливать кровь.

— Не я, — твердила из последних сил. — Не я...

Тяжело ворочая картинку в голове, словно булыжники, воскрешала приятные моменты, цепляясь из последних сил.

Я люблю этот мир.

Из закрытых глаз катились слезы. С огромным трудом ярость сдавала позиции, царапая изнутри до крови. Судорожный вздох полной грудью сменился отчаянным воплем — голова полетела в сторону от мощного удара, но дернулась обратно — за волосы грубо схватили, выдыхая амбре немытого рта прямо в лицо.

— Думала обошлось? — каштановые глаза, оказавшиеся очень близко, полыхали безумием. — А я передумал! — кривой оскал.

Одежду резали и торопливо срывали подоспевшие дружки.

— Помогите! — вопль оказался последним, оплеуха разбила губы, а вторая нос.

Кусаясь, лягаясь, метая мелки камни, попавшиеся под руку, не сдавалась и безуспешно проигрывала в неравной борьбе. Щеку оцарапали моим же тесаком и приставили к горлу, больно уперев кончик. Шатен торопился, стаскивая портки.

Жаль, у нет магии... И пусть, что невеняемы... Оттянула голову подальше, чтобы по сильнее напороться на острие металла... Лучше смерть.

После принятия решения внутри взорвался вулкан, выплевывая огненную лаву, брызнувшую во все стороны, опалая каждую клеточку тела. Стало невыносимо жарко...

— ААААА!!!!!! — из горла вырвался вопль, выгибая тело дугой.

— ААААА!!!! — вторили три голоса рядом.

Я была рыбкой, которую окунули в дюже адский кипяток, а потом бросили на лед и стали наблюдать: сдохла или нет?

Глаза закрылись. Открылись. Сельский пейзаж местности потерялся на фоне колыхающейся толпы. Голова — литой колокол, по которому неведомый шутник бил каждый раз, когда картинка пыталась приобрести четкость. Все болело. Все ломило. Зверски хотелось Жрать с большой буквы. Кожа на саднящих губах треснула, как только открыла рот.

— Олаф, — отключилась лежа на земле, очнулась в надежном кольце рук друга.

— Молчи, бедовая, — тоскливо протянул повар. — Ты спокойно жить умеешь?... А, не

отвечай, бесполезно! Щас капитан придет, люлей всем раздаст... Как бы сам не огреб потом, — расстроено пробубнил под нос.

С разбегу плюхнувшийся рядом запыхавшийся Велдон поднял облачко пыли. Легкая волна прохлады выборочно заструилась по телу. Вздурораженный и дезориентированный, оказал первую помощь, щедро смазав поврежденные участки кожи и насильно влив штук шесть зелий разной степени гадости. Также молча развернулся, поскользываясь и падая, в три прыжка оказался возле голосящих нападавших.

Кратко пересказала ощущения, обстоятельства и итоги, попутно заставляя помочь встать.

— Разберемся, — оскалился Олаф. — Не лезь, зашибет не заметит. Все я пошел. Анна, — молчаливо попросил жену и кинулся наперерез бешенному Мюррею, за которым бежала Марджери. Очень бодро для своего возраста. Народ расступился в стороны, образуя живой коридор.

Анна скривилась от почетной должности, но цепко схватила. Повар ласточкой отлетел в сторону после удара об капитана, так и не сумев изменить траекторию его локомотива, собирающегося убивать без объяснений.

— Беги, — шепнула ей, глядя как она разрывается между желанием побежать к любимому и долгом стеречь никому не нужную идиотку.

Женщина взяла резвый старт. С громким стоном я начала оседать вниз. Естественно, очень медленно, чтоб до Мюррея дошло и он успел подхватить. Тело сплошной синяк, добавлять новых гематом не хотелось. Возможности Велдона ограничены.

Капитан не сплеховал, лихо заложив опасный вираж. Подхватил на руки и тихо спросил одним словом все, что имел ввиду, окаменев в ожидании ответа:

— Люба?... — безумный блеск черных глаз, почти потерявших контроль.

— Нет, — мотнула головой. Не успели. Не совершили. Не произошло.

Судорожный хриплый вздох пациента, сумевшего сделать глоток воздуха при пневмотраксе благодаря вставленной трубке между ребер. Веки опустились и похоже, собирался бросать на пол, чтобы пойти вершить возмездие. Вцепилась в его шею.

— Я почувствовала, — лихорадочно зашептала по второму кругу. — ... Это было воздействие. Женщина могла быть участницей. Это мог быть Белд, ты... вы сами говорили. А еще...

На мужчину стало страшно смотреть, он потемнел лицом. В прямом смысле. Подбежавшая было возмущенная Марджери пронзительно вскрикнула и отпрянула, зажав обеими руками рот. Люди стали оборачиваться, замолкать и бледнеть. Некто особо истеричный издал вопль и побежал. Цепной реакцией смело добрую часть людей.

Шрам на лице капитана пульсировал, как живой, раскинув сеть щупалец по абрису лица. Твердая решимость залегла под тенями и морщинками глаз.

— Мюррей... Джонатан! Разберись, пожалуйста! Не дури!

— Я... не дури?! — по-звериному прорычал, брызгая слюной.

— Что, снова воткнешь когти? — прошептала, роняя слезы.

Голова дернулась, как от пощечины. Уголки губ опустились, передавая скорбь и сожаление. Да, очень подло напоминать.

— Хотел бы «никогда», — зажмурившись прошептал, — но скажу: не в этот раз.

Резко поставил на ноги и метнулся к троице, уже стоящей на ногах. Рыжий и шатен трусливо жались за спиной третьего темноволосого здоровяка, сохранявшего ледяное

спокойствие.

— Имело место вмешательство, клянусь, — успел поднять руку до того, как кулак Мюррея встретился с его лицом. Ярko полыхнуло.

Некрасиво вереща, шатен полетел на свидание с дорожной пылью. Рыжий торопливо излагал, Марджери висела на сыне вместе с подоспевшим Рупертом.

— А мне то что? — вытянул вперед голову Джонатан, как гусь. Шея готова была разорваться под напором вздувшихся вен.

— Этот... инцидент будет рассмотрен королем! — взвизгнул шатен. — Я!

— Заткнись, — оборвал темноволосый здоровяк, не разрывая зрительный контакт с угрозой. — Публичные извинения, — пнул ногой взорвавшегося от возмущения «наследника», — земли... золото... титул? — напряженный подбор кода от замка капитана.

— Кровь! — безумная улыбка.

— Джонатан, хватит!!! — рывкнула отошедшая Марджери. — О боги, столько шума из-за какой-то девки!!! Да они ее даже не тронули! — развернула сына за шиворот. — Охолонься!!

— Все сказала? — убийственное спокойствие вечной мерзлоты. — Это мой город. Круг, — обернулся к здоровяку. — Сейчас. Очередность не важна.

Губы потрясенной Марджери тряслись, не в силах принять поступок сына она взвыла и упала, сотрясаясь от рыданий.

— Джонатан, — тихонько подошла к мужчине.

— Нет!!! — заорал, развернувшись, отталкивая протянутые руки. — Я, бездна пожри, снова не справился со сраной защитой!!! Какой из меня мужчина, если не в силах сберечь одну женщину?! Отвечай!!! — навис со всей высоты своего роста. — Любая могла оказаться на твоём месте!... Только ты выбрала, и они выбрали, — громкий крик. — Ты боролась, а они сдались!!!! Убирайся отсюда!

Круг очертили прямо на земле. Темноволосый здоровяк с разрешения Мюррея нацарапал прощальное письмо, передал Руперту, нашел меня глазами, низко поклонился и первым уверенно шагнул на плаху. Прозвучал отвратительный чавкающий звук, повторившийся еще дважды под аккомпанемент рыданий Марджери.

— Ты, ты, бездушная скотина! Хочешь бросить меня, как твой отец!!! Я останусь совсем одна!! — некрасиво раскачивалась в стороны, размазывая сопли.

— Не тревожьтесь, матушка. У вас будет наследник. Начну трудиться в самое ближайшее время, — холодно бросил капитан, медленно вытирая алую кровь с лица. Запрокинул голову к небу, будто ища ответы, и, чеканя шаг, ушел домой.

— Ненавижу, — прорычала матушка ... мне.

Кто бы сомневался.

Джонатан Мюррей

В груди пульсировало, не останавливаясь. Требовалось уедить, дабы не натворить дел. Зудела стягивающая лицо корка чужой крови, быстро подсыхающая на ветру.

Простые вопросы — простые ответы. Имел право? Да. Отдавал себе отчет? Более чем. Жалею о содеянном? Ни капли. Будут ли последствия? Да..

Порой, когда паршивей некуда, хочется нажать на паузу, но жизнь продолжает бешено бежать, совершенно не обращая внимания на горе или боль. Ты можешь упасть, сломаться, погрязнуть в унынии, вокруг все также будут петь птицы, наслаждаясь бескрайним синим

небом и свободой, скалы продолжат незыблемо стоять, океан нашептывать секреты, кто-то будет радоваться и смеяться от счастья, как бы кощунственно не было по отношению к твоему горю.

Когда конец близок, истинные желания острыми пиками прорываются наружу, далеко отбрасывая «надо» и «так принято».

Я был в своем праве, как высший судья на своей земле, хотя должен был отправить виновных в столицу под конвоем. Лег лицом вниз на каменистую землю, ставшую родной за эти годы. Волны шумели, неистовствуя и грозно ярясь. Порывистый ветер трепал одежду.

Громко вереща, по дороге к дому обогнала одна из невест. По выкрикам один из смертников был ее братом. Связи нет, закрою город на выезд, сдеру клятвы молчания, потом свадьба, туя на наследника и все, полоса жизненных препятствий закончится.

— Знал, что сбежишь сюда.

Велдон, Руперт и секретарь принесли сменную одежду, таз с водой и чистую ткань. Передышка закончилась... Соскреб тело с камней, рывком содрал одежду, не заботясь о целостности и с наслаждением умылся. Походя передал поручения, двое побежали исполнять.

— Ты... как? — тихо спросил Велдон. — В себе?

— Помутнения в этот раз не было. Физическая сила возросла на короткое время. Успокоился — прошло. Из ощущений... Дрянь эта чешется и болит, — указал на лицо. — Скажи, как я ...

— Внешне?... Уже лучше. Черных линий стало больше.

— Велдон, — истеричный визг, — пройдишь подышать! — рывкнула незаметно подошедшая мама. Лекарь втянул голову в плечи, кинул виноватый взгляд и был таков. — Ты!!! — идеально выщипанные брови словно коршуны нависли над глазами полными негодования. — Как! Ты! Мог! Сотворить! Такое!!!! — годы невольных тренировок спасли мои уши. — Твой отец, чтоб ему икалось в небесных чертогах, — процедила сквозь зубы, — бросил меня одну с тобой на руках! Думаешь, было легко?! Полагаешь не пытались повторно выдать замуж?! Хоть раз задумался, что было бы с тобой? — женский кулачок впечатался в грудь. — Нищенская халупа в глуши где-нибудь на границе! И скоропостижная смерть, уж это бы обеспечили! Я защищала нас!!! Вырвала зубами право быть вместе, сын!!! Почему ты решил бросить меня?! — отчаянно вцепилась обеими руками за рубаху и трясла, требуя ответа. — Почемууу?!

— Я не мог иначе, мама, — обнял ее, тут же промочившую рубашку от рыданий. — Ты сама научила не оставлять врагов за спиной.

— Так мама виновата во всем? — откинула голову назад, возмущенно задыхаясь.

— Нет, — улыбнулся, прижав обратно, ставя подбородок на макушку. — Они виновны, и все это знают. Ты не исключение. Король бы их отпустил, немного пожурил и пополнил казну.

— Кстати, Филипп...

— Не перебивай. Мне не долго осталось, защищать младенца придется тебе. Лучше выглядеть жертвой в глазах общества, чуть не пострадавшей от руки собственного спятившего сына, чем всю жизнь жить, как ты выразилась в халупе на краю мира, опасаясь мести опозоренного рода. Трех родов.

— Оставим это, так и морщины новые появятся от волнений! — привычно отгородилась маской. — Итак, невест осталось всего четыре, дорогой. Четыре! Сократим программу до

четырёх свиданий и трех ужинов. Я все распишу!

— Одна прогулка на каждую. И хватит с нас. Сегодня... дадим им отдохнуть. Завтра во второй половине дня я совершенно свободен.

Матушка некрасиво уронила челюсть, да так и осталась стоять с выпученными глазами, прекрасно поняв — шутки закончились.

Любаша

Пока мысленно жалела Мюррея, съела на кухне все, что могла, ошалела от количества и из последних сил доползла до кровати, тут же уснув богатырским сном. Одним словом — стресс.

Проснулась, когда на небе раскинулось бархатное платье ночи, украшенное сияющим светиллом. Легкая прохлада заставила поежиться и накинуть плед на плечи, предусмотрено захваченный из комнаты. Укутавшись так, что остался торчать только нос, мелкими шажками просеменила до кресла и удовлетворенно плюхнулась — подумать.

Жалко. Всех было жалко. Себя, малолетних индюков, капитана, невест и даже Марджери. Странные мысли иголочками впивались в мягкое место, встала, перекуталась и бесцельно пошла обходить дом по кругу. Домашние мягкие туфли быстро промокли и противно липли, позволяя щупальцам холода ползти все выше и выше. Остановилась. Возвращаться или пройтись еще?

Послышался приглушенный всхлип. Задрав голову, увидела колышущуюся ткань в открытом окне второго этажа. Мысленно прикинула расположение и поняла, кого слышу. Всхлип, судорожный вдох, провальная попытка тихо высморкнуться. Скрип половиц.

Поджала губы, глядя на дорожку, заворачивающую за угол, развернулась и пошла на кухню. Через некоторое время, переодевшись, отогревшись и заварив свежих трав для успокоения и крепкого сна, пошла наверх, коря себя за мягкотелость. Вот правду говорят: охота пуще неволи. Никто бы не узнал, что легла тихонько спать в кровати с чистой совестью, но нет...

Жаааалко!!!!

Меня бы кто пожалел! Беззвучно ворча, поскреблась в дверь. Сверчки за окном надрывались в тишине затаившегося полуночника. Поскреблась второй раз, чуть громче. В случае чего, всегда можно прикинуться дурочкой. Третий раз пришлось уже стукнуть, продемонстрировав твердость намерений и характера! Приперлася я, теперь не уйду.

— Че надо? — возмущенный взгляд еле протискивался сквозь узкие глаза, опухшие от слез, спотыкался об раздутый красный шнобель и на последнем издыхании катился за чуть приоткрытую дверь.

— Принесла, вот, — тихий-тихий шепот.

Репутация, она такая. Хранить надо... Мою уже поздно.

— Отравить решила? — губы сложились в возмущенную трубочку на выпятившемся подбородке.

— Конечно, — кивнула, — потом яд ваш сседить с хладного трупа и продавать полновесно за золото. Разбогатеееееею! — мечтательно прикрыла глаза.

— Хамка! — поднос вырвали из рук, чуть не опрокинув примочки с мазями и резко, но тихо прикрыли дверь.

— Достанется кому-то подарочек, — проворчала под нос, крепко держась за лестницу. — Удавиться легче, чем договориться. Хорошо, что не мне.

Очистила совесть, помыла руки и с чувством выполненного долга легла спать, умяв жесткий каравай, припасенный «на всякий случай».

А я ведь только похудела... Эх...

В кабинете капитана в это время

— Я подготовил останки для погребения, — издалека начал Велдон, не осознавая, почему не хочется об этом говорить. — Их ладони в волдырях, на открытых участках кожи ожоги, Джонатан. А это значит...

— Сгорел артефакт, — припечатал Мюррей, давя тяжелым взглядом. — Аномалия — такое бывает. Все сбоят. Готовь погребальный костер на рассвете.

— Что?? Нет! Это не артефакт, — вскинулся лекарь, раздраженно ведя плечом. — Я что, не знаю, как это выглядит? — оскорбился в лучших чувствах. Вскочил, меряя шагами комнату, в попытке подобрать нужные слова. — Нет, это именно ожог, причем температура предмета была колосса...

— Велдон, посмотри на меня, — тихо сказал хозяин кабинета. — Запомни: сломался артефакт. Всего остального никто не должен знать. Ты меня понял?... Это приказ.

Лекарь отшатнулся, расширив глаза: не часто друг пользовался своим «положением». Это болезненное чувство внутри — унижение. Дернулась светлая голова и снова задрался нос.

— Хорошо. Но сожжение? Их семьи...

— Получат красивые вазы, полные пепла, который ты заботливо соберешь, и смогут водрузить в родовые усыпальницы. Формально, погребение состоится.

— Ты уничтожаешь следы, — наконец дошло до Велдона.

— Да, — не стал отпираться капитан. Честность — она проще. Пока у него еще есть такая роскошь.

Оба услышали шаги и странные звуки в коридоре, переглянулись и кинулись проверять. Быстро потушив одинокую свечу, бесшумно приоткрыли дверь, всегда хорошо смазанную в любое время года, прокрались и, чуть высунув головы друг над другом из-за поворота, стали свидетелями поразительных вещей, попутно услышав пару матных слов, в сердцах отпущенных спускающейся вниз Любой.

— Жениться хочешь? — задумчиво спросил капитан, вернувшись в кабинет.

Лекарь поперхнулся, стрелка на шкале удивлений за этот вечер превысила все нормы и оторвалась, не выдержав нагрузки. Получилось только отрицательно помотать головой, слов не было. Такая жена, хуже ярма на шее.

— Освобожу от клятвы, — начал заманивать капитан. — Земли, дом, счет в банке.

— Нет!!!!

— Хорошо, нет так нет, — покладисто согласился Мюррей. — Если передумаешь...

— Не передумаю!!! Джонатан, ты мне жизнь спас и все такое... Но даже не проси. Я лучше сдохну за тебя, чем женюсь на ней, — выдал положа на сердце руку лекарь. — Найди другого, чтобы... эм... замять дело.

— Найду, — пообещал капитан.

Лекарь пристально посмотрел на друга, замечая упрямый блеск принятого решения и, пока боги на его стороне, поспешил убраться подальше, пока друг не додумался приказать.

Любаша

Большое светило вело второе в рассветном танце сквозь белые пушистые облака, одетые в розово-черничные отблески, как в дорогие наряды. Утренний ветер пришел поздороваться, быстро облетел храм, смахивая пыль с потолка на пол и улетел, обещая вернуться.

Бесхитростно стиснув деревянную фигурку Ютарии в объятиях, чтобы точно услышала значится, горячо шептала. Раз боги здесь есть, и магия, и чудеса, почему бы не попросить?

— Ведь он твоя копия! — старательно бубнила под нос. — Хранитель семейных очагов Амрана. Помоги ему, пожалуйста! Пусть вылечится от своей болячки, заделает матери внуков, чтобы она свалила довольная в столицу, не мешая спать по ночам честным людям!

Ибо когда темное небо только начало светлеть, на меня напала бессонница так, что требовалась вкусняшка для крепкого сна голодному животу и пузырек настойки. Я честно кралась по коридору обратно в комнату, прихватив каравай хлеба, шмат мяса и зелье, и позорно врезалась в такого же пробирающегося тайком Мюррея. Еда разлетелась, пузырек остался в руке. Щекам стало очень жарко. Признаваться, что жру как конь, было стыдно.

Тяжко вздыхая, подняла хлеб, готовясь получить нагоняй за расхищение барского имущества. Даже зажмурилась, чтобы отгородиться.

— Люба, несколько дней вам будет хотеться много есть. Пожалуйста, никому не говорите и не стесняйтесь себя, беря столько, сколько нужно.

— Что? — удивленно распахнула глаза, обалдело принимая мяско, отданное в руки, и расстроено ссутулилась, рассмотрев... капитана.

На опухшем лице уродливо гноился черный шрам, раскинув черную сетку прожилок. Красные белки глаз свидетельствовали о бессонной ночи. Хоть одежду сменил.

— Не надо меня жалеть, — тихо попросил мужчина. — Мне казалось, я всегда могу рассчитывать на вашу честность. Это все еще так?

— Угу..., - постаралась удержать слезы. Жалко человека... Вот так, гнить и...

— Помогите пожалуйста организовать сегодня четыре прогулки, составьте очередность, предупредите девушек, и отправьте человека с запиской. Все после обеда. С вас снимаются все обязанности по дому. Посыльный будет приносить с кухни. Если случится что-то странное, сразу ко мне, договорились? И та склочная старуха пусть пару дней всюду сопровождает вас. Мне так спокойнее.

— Чтобы люди боялись плевать в лицо обещанной служанке, опасаясь мстительности травницы? — некрасиво шмыгнула.

— Именно так, — тихо рассмеялся капитан.

— Хорошооо...

— Много есть и много спать. Уговор?

— Но я не беременна, — сообщила доверительным шепотом, делая большие глаза.

Капитан сдавленно хрюкнул и поспешил уйти. Станный он какой-то. Со стороны лестницы раздался тихий скрип. Вскинула голову, щуря глаза, но там было пусто. Постояв немного, пошла к себе, умяла и проспала аж несколько часов. Делать было нечего, вот и пошла в храм.

На выходе неожиданно наткнулась на сосредоточенного Руперта. Увидев букет в его руках, обреченно вздохнула. Вторая часть Мерлезонского балета.

— Люба, выходи за меня.

— Погоди, — попросил, подняв открытую ладонь, и присел на ступеньку. — Джонатан закрыл город пока не завершит дела... Самосуд — такое не прощают. Оправдывает лишь

близкая встреча с Безликой, — устало положил букет рядом и сцепил руки в замок, повесив голову. — Виновный будет найден, понимаешь? Не Марджери, что скроется за высокими стенами рода. Наказывать некого... Кроме тебя, — глухо закончил ликбез. — Из-под земли достанут, столько народу... Я — не особо важная птица, но кое-что могу. Помню, не люб, посему — фиктивный брак года на три, пока не уляжется. Потом — думай сама. Захочешь — останешься, нет — дам, что смогу и отпущу. Выбирать не густо, Люба, — желваки ходили на бледном лице. — Плаха, Белд или я. Определись до свадьбы капитана, потом выбора не будет.

Ушел не оборачиваясь, оставив груз реальности. Оставила букет возле богини. Фигурка Безликой, если бы могла, уронила бы челюсть от удивления.

Как быть дальше?

Растерянно посмотрела на поселение, раскинувшееся впереди. Вцепилась в подол руками как за якорь. Сделала глубокий вдох, выдох и пошла.

На самом деле, мы почти всегда делаем выбор в первые пять-десять секунд. Потом начинаются метания, поиск причин для отказа, оттягивание решения и прочие телодвижения.

Возможно, мое перемещение на Эдо имело подоплеку? Помочь капитану продолжить род? Подсказать с озеленением местности? Дать толчок к развитию и росту товарооборота на данной территории?

Дернула плечом, смахивая панику. В той жизни было много «надо», пусть в этот раз будет «хочется», даже если неправильно. Присела, погладила землю с камнями, улыбнулась:

— Успеем сделать побольше, да? Раз долго и счастливо отменяется, надо печь плюшки каждый день, чтобы мука не испортилась, — дохлый оптимизм — лучше, чем ничего.

По-детски, чуть подпрыгивая на каждом шагу, направилась в дом. От переживаний снова захотелось есть... Просто ужасный ужас.

Джонатан Мюррей

— Сегодня, — кинул свеженаписанный свиток сонному секретарю, переступившему порог кабинета. Кинувшись на пол, успел подхватить в последний момент. — Плохо, — прокомментировал реакцию. — Сядь, — быстро плюхнулся, чуть не упав вместе со стулом. — Какие планы на будущее? Лицо надо держать в любой ситуации. Понятно? — кивок. — Сырость не разводи, отвечай.

— Я... не думал, — тихо выдавил, понурившись.

— Зато я подумал. Поедешь строить жизнь в Ганзу, — выдвинув ящик стола, достал пухлый конверт и кинул вперед. — Рекомендации, адреса, личное письмо, потом прочтешь его. Так. Выбери учебное заведение, на днях поедем в город, подадим заявку. Что еще... Посмотри планы ведущихся работ, сделай нагоняй, чтобы через тую все закончили. Свободен.

— Да, мой капитан, — низко склонил голову и побежал исполнять.

Заложив руки за спину, встал у окна. Надо магически заверить завещание, прописав доли матери, жены и ребенка, чтобы новые родственники даже не подумали хапнуть больше, чем положено. Оставить на содержание Хильде, Любе с ее патентами... О, патенты оформить. Быстро присел обратно, накидывая второй свиток. Нужен опекун... Вот секретарь и возьмет, сестрой. Вместе в Ганзу поедут, приглядит. Так...и ее в академию. Поставил пометку оплатить. Там и патенты оформят, да, есть знакомый крючкотвор. Напишу ему,

взбодрится на старости лет.

Столько дел и так мало времени...

— Доброго дня, — приветствовал вошедший Руперт, растирая кулаки. — Давай прижмем Белда что ли? Злость надо куда-то спустить.

— Опять к Любе ходил.

— Угу, — сердито пнул диван. — Не согласилась... даже фиктивно.

— Значит Олафа прихватишь в родовое имение, с женой и хламом.

— Чего это вдруг? — зло ощерился.

— Чтобы вас всех одним махом не прихлопнули!... А езжай-ка к родне в горы и не торопись обратно. Билет купим по поддельным документам. Отплываете сразу после свадьбы.

— Чего ж не сегодня? — набычился друг.

— Напиваться перед «праздником» я с кем буду? — улыбнулся ему.

Руперт вскочил, подошел и крепко пожал руку, второй ощутимо нахлопывая по моей спине.

— Со мной, — стукнулся лоб в лоб. — Все запасы выжрем, чтобы жаба твоя показалась принцессой.

— Обязательно. А пока нужна маска, чтобы невеста не сдохла от страха. Завтра в город.

Любаша

Все утро Марджери хмуро сканировала меня взглядом в перерывах между увещеваниями и грозными окриками на невест и служанку. Причины внимания были не ясны, лишний раз подходит самой не было желания. После пары ведер успокоительного в доме стало заметно тише.

Приходил Олаф, приносил завтрак, справляясь о самочувствии. В качестве подарка принес немного меда — подсластить жизнь. Незаметно отведя в сторонку, вручил крохотный мешочек.

— Надеюсь, не пригодится, но в случае чего даст пару минут. Дунуть, разлетится мигом. Заторможенность, потеря ориентации. Самой дышать через ткань, а лучше задержать дыхание. Хранить... Итак понятно где. Под, кхм, рукой. Давай, бедовая, не хандри, — потрепал по голове и ушел.

Не успела развернуться, травница юркнула под руку, сцапала мешочек, обследовала и вернула обратно, удовлетворительно кивая:

— Хорошая вещь, убойная. С десятков раз хватит. Никому не говори.

Угукнув, присели поесть. Наблюдая, как в меня влезает третья тарелка каши, она невозмутимо поинтересовалась:

— Давно аппетит проснулся?

— Стресс. После... Я, — провела ладонями по лицу, — жру, как не в себя, — глубоко выдохнула. — Не могу, понимаешь? Заедаю, — развела руки, признаваясь в бессилии. — Испугалась... Мысли разные теперь, — закусила губу. — А если повториться? Я ведь одна, понимаешь? Совсем одна... В этот раз повезло, сгорел артефакт...

— Выброси, — тут же резко ответила старушка, громко ставя кружку на стол, — из головы! — пронзительно посмотрела, прищурившись. — Ты все можешь, госпожа. Только еще не поняла, — выжидательно уставилась.

— Может пояснишь?

— Я? — рассмеялась старуха. — Мне почем знать? — искренне возмутилась. — Ешь, да делом каким займись, чтоб дурь в голове не плодить. Травок заварю... полезных, — закопошилась в своей сумке через плечо, оставленной на полу возле ног.

Попивая ароматный сбор, воодушевилась. Хотела печь? Вот и сделаю булочки с фруктовой начинкой, чтоб откусил теплый ароматный бочок, а изнутри вытекал сладкий сок. Уммм!

Воодушевившись, не сразу поняла, что загустителя у меня нет. Решила уварить фрукты, чтобы булочки изнутри смогли нормально пропечься. Поставили тесто, нарезали фруктов, поставили томиться в растопленную печь. Последняя доставляла жуткие неудобства, к которым я так и не привыкла. Мечты о нормальной плите стояли чуть ли в самом начале приоритетов.

Хотелось порадовать всех, подарить частичку радости, чтобы немного выдохнуть в это непростое время. Старуха витала в своих мыслях. Когда пришло время, осторожно перенесла котелок на стол, сняла крышку и ахнула:

— Но как?!

Травница пожимала плечами, хитро улыбаясь.

Варенье теплого солнечного цвета призывно источало аромат.

Ничуть не стесняясь, сразу присели и умяли по огромному ломтю хлеба, щедро полив его чудесной сладостью. Настроение ракетой взмыло вверх. Опять было не понятно, но чертовски приятно сделать эту вкуснятину. Аккуратно перелив в разные горшочки, уложили на мягкую тряпицу в плетеную корзину и поспешили к главному повару. Возможно, это самообман, но переживания о нападении отошло далеко-далеко и потеряло силу, будто прошел не один месяц.

Олаф станцевал победный танец и, предварительно продегустировав три ложки, понес на стол Мюррею. Тот как раз пришел на чай с первой претенденткой.

— Завтра в город. Поедешь? — спросил, вернувшись обратно.

Кивнула ему, повернулась к травнице и тихонько спросила, есть ли в городе умельцы, торгующие интересной запрещенкой, которая может помочь капитану. Поджав губы, она отрицательно помотала головой.

К вечеру от четырех невест осталось половина: тонкая душевная организация дала сбой, две еще держались, имея на шее обязанность улучшить финансовое состояние семей.

А я пошла спать раньше положенного. Ночью несколько раз просыпалась. В тишине отчетливо были слышны болезненные стоны капитана и чей-то плач.

6

Люба

Сине-голубое небо пестрело розовыми и фиолетовыми росчерками. Туман, словно тайный соглядатай, низко стелился по земле, крадясь сквозь кусты, подныривая под валяющиеся коряги, подозрительно выглядывая из-за деревьев, всюду касаясь своим мокрым плащом, от чего трава и листья пестрели переливающимися каплями росы в рассветных лучах. Свежий терпкий воздух дарил негу и блаженство, напитывая организм живительным кислородом. Сырость когтистыми пальцами искала бреши, дабы поближе просочиться к теплу тел, от чего люди ежились и плотнее кутались в дорожные плащи.

Пугливые птахи испуганно вскрикивали, вспархивая с насиженных мест, вероломно разбуженные скрипом колес деревянной телеги по накатанной дороге и глухим перестуком ретивых коней, несущих молчаливых седоков вдаль. Будто невидимая хмарь накрыла

путников бесформенным облаком уныния, заботливо растянув свое полотно на каждого участника и пила, пила, пила их надежду на лучшее, выскребая до самого доньшка.

Капитан оставался собой до конца. Глубокий капюшон свободного плаща надежно охранял подчиненных от жалости и тоски, возникающих при взгляде на начальство. Прожившие бок о бок столько лет, преодолевшие вместе не одну гряду невзгод, практически выросшие друг в друга, brave солдаты не могли скрыть растерянной опустошенности перед общим врагом, у которого они, сильные и решительные мужчины, при всем искреннем желании не могли выиграть — надвигающейся смерти. С чем я была категорически не согласна, представляя перед собой щит перед падающим забором коллективной капитуляции. Пока есть силы надо долбить монолит, а не уходить, так и не узнав, что был в трех ударах от чистейшего самородка величиной с кулак.

Спешившись во дворе гостиницы, приглядывающей за лошадьми и имуществом амранцев, капитан попросил Руперта и Анну подобрать подарок матери, девушкам и будущей невесте, отметив, чтоб не спускали с меня глаз. Обещался чуть позже найти нас сам.

Анна невозмутимо привязала крепкую витую веревку к моему поясу. Двойным узлом. Второй конец красноречиво зацепился за ее платье. Так и пошли, небольшой группой по важным делам. Если отрезки дорогих тканей еще как-то укладывались рулонами в голове, то с ювелирами мы не понравились друг другу сразу. С первого скользящего взгляда с витрины на наглую рожу, написавшую столько нулей. Деньги были чужие, а жалко было как свои. Во время прогулки люди яростно шептались и бросали косые взгляды на пуповину, соединяющую с Анной, больно натягивающуюся каждый раз, когда видела что-то интересное. Устав от этого, молча отцепила свой кожаный ремень и всучила жене Олафа. Когда с презентами было решено, выдала:

— Все купили, можно и в храм, — взяла ее под локоток и двинула в сторону приметного здания, сияющего добросовестно выкрашенной в белый цвет крышей.

Что любят боги? Подношения, внимание. Что любят женщины? Золото, украшения. диковинки. Грязный и холодный каменный пол, полумрак, редкие свечи и скудное убранство — ничто не могло остановить поезд ослиного упряма, потерявший тормоза. Преклонив колени, яростно уговаривала огромную каменную статую помочь, больше наседая, нежели прося. Служитель храма недовольно хмурился, от чего его лицо становилось похоже на покрытый плесенью урюк. Свисающие немые волосы куцыми прядями прилипали по контуру лица, делая сходство особенно ярким.

Подношения давно лежали в отведенных для этого местах, в том числе для Безликой. К ней обратилась первой, нагло попросив повременить, а лучше отложить дамоклов меч, зависший над Мюрреем.

— Отдаю все, что есть, — честно призналась богине, кладя в специальный ящик для подношений немислимое по местным меркам богатство — все золотые украшения с Земли. — Помоги ему пожалуйста! Или помоги мне, чтобы я могла помочь ему! — сложила руки в молитвенном жесте, поднося к подбородку. — В долгу не останусь, как только развернусь, в смысле разбогатею, такой храм построю — не чета местным загашникам. Стены, потолки, покрытые росписью, нормальные большие окна! Витражи! Если получится. Статую приличную, а главное чистую! Амранцев заставлю молиться дважды в день, даже, если придется им за это платить.

Израсходовав весь набор заманух, поправила одежду и расстроилась — мешочек в руках

был снова... не пуст. Глубоко вздохнув, осторожно заглянула внутрь и увидела все то, что минуту назад отдала.

Ютария так услышала, но не приняла подношения.

— Буду считать, что вам не понравилось, — раздувая ноздри от злости, спрятала мешочек в зону декольте.

Не зря говорят: на бога надейся, да сам не плошай — пока ходили по лавкам набрала целую корзину различных снадобий, трав и других компонентов. Охранники, которым повезло все это нести, тихонько вздыхали, пытаюсь незаметно морщить носы от разноголосья запахов.

Что там говорить... Расстроилась. Жутко, до жгучих слез. Порывисто смахнув набегающую влагу, встала и вихрем понеслась на улицу, на секунду задержавшись около входа, взять под контроль эмоции.

Обвела взглядом небольшую площадь. Попрошайки охали и причитали, не забывая твердой рукой водить из стороны в сторону в ожидании милостыни, кумушки обсуждали последние сплетни, зорко следя за своим имуществом, что не мешало мелким карманникам и воришкам честно заниматься своим делом. Птицы старательно ели крошки, не забывая гадить, оставляя позади замысловатые узоры на земле, достойные кисти начинающего абстракциониста.

Выдохнула. Напряженные плечи расслабились. У богов своих забот полно. Благодарно улыбнулась молча ожидающим Анне и Руперту и кивнула, спускаясь по ступенькам. Взгляд привлекли три старухи: старые, голодные и нищие, продающие всякий хлам, разложенный на рваных тряпках. Протянула каждой по горстке монет, отказываясь от предложенного товара.

— Не дармоедка, госпожа, — отрезала последняя бабулька, щурясь и оглядывая подслеповатыми глазами нашу группу. — Коли травки любите, возьмите и моих.

Гордый взгляд согнутой годами женщины горел решимостью. В мои руки перекочевала небольшая корзинка, переданная с устными инструкциями из чего варить да как.

Не успели дойти перекусить до трактира, пришел капитан и повел в местный банк. Открыл счет на мое имя, рассказал, как пользоваться, отдал документы. Немного подождали Мюррея, пока он закончит свои дела, и пешком дошли до конторы хитрого старика, волшебными движениями рук сделавший меня и секретаря родственниками на бумаге. Джонатан предварительно взял с парнишки устную клятву. Новоиспеченный родственник выглядел несчастнее последнего нищего, но молчал, позволяя себе только тихонько вздыхать.

— Потом, — вот и все объяснения.

Ресторация снова распахнула перед нами двери, капитан снял плащ в кабинке для особо важных гостей, и мы узрели, чем он занимался без нас — тончайшая металлическая маска бледно серого цвета скрывала половину лица, пряча шрам.

Джонатан Мюррей

Согнувшись в пол в глубочайшем поклоне, слуга учтиво пригласил на приватный разговор, обещая лучшие места и изысканное меню за счет заведения моему сопровождению. Предостерегающе глянул на Руперта, тот почесал ухо, соглашаясь глядеть в оба. Щедрость градоначальника всегда стоила в десять раз дороже даруемого. Обслуга

ресторации передвигалась исключительно на носочках, мимикрируя цветом бледных лиц под светлый интерьер — Белд в ярости.

— Сколько? — спросил хмурый хозяин кабинета, возвышаясь над массивным резным столом. Прямее палки, темнее урагана.

— Каждый миг последний, — развалился в удобнейшем кресле для гостей, никогда прежде не замеченном в этом помещении. — Почему?

— Уважение, — скользящий по маске тяжелый взгляд. — В соседней комнате мой лучший целитель. Позволишь?

— Бесполезно, — приглашающе развернул ладонь.

Зазвенел колокольчик, зашел парень с глазами старца. Силен. И балуется запрещенкой, отбирая силы у слабых. Пожалуй, напишу кому следует. Отложил маску на стол. Возбужденный блеск глаз, расширенные зрачки — целитель резко подался вперед, часто вдыхая раздувающимися ноздрями. Через два бокала лучшего вина из личных запасов визави все было кончено. Поджатые губы и холодное бешенство расписались в бессилии светила науки.

— Десяток подопытных, источник заражения и два дня. Если не избавиться, так замедлить.

— Тварь сгорела.

— Другие зараженные?

— Только я.

— При всем уважении, — окаменело лицо говорящего, в гробу выдавшего это самое уважение, — ложь.

— Все, — оборвал Белд.

— Клятва о сохранности, если человек вам дорог, — поклонился и с достоинством пошел на выход. Около двери обернулся. — Подумайте о тех, кому не повезет оказаться рядом. У них еще есть шанс, в отличии от вас. Для начала экспериментов хватит и вашей крови.

— Нет.

Фанатик. Разложит на составляющие, действительно найдет решение и начнет клепать из пипетки собственную армию, укокошив в процессе с десятков деревень, если не больше. Эдо хватило и прошлого нашествия. Дверь закрылась.

— Что я могу для тебя сделать? — Белд ненавидел проигрывать.

— Пообещай не трогать моих и Любу. Беспрепятственно покинуть земли и забыть о ней навсегда.

— Это всего лишь женщина, — закатил глаза собеседник. — Мы хорошо сработались, — медленно прикрыл глаза Белд, сцепляя пальцы в замок. — Я вел дела, ты тихо скупал товар через подставных лиц, освобождая где-то вдали. Иметь под боком самого неподкупного капитана королевства было чертовски выгодно — конкуренты закусили удила, — злорадный оскал. — Но! Я всегда чтил наш уговор — не торговать детьми, хотя это самая прибыльная ниша.

— Поэтому еще дышишь, — кивнул. Было такое. Не он, так другой. Этот хоть по приемлемым правилам.

Белд обнажил зубы, скручивая губы внутрь, будто проглотил крепкий алкоголь.

— Раз такое дело... Твоя мать очень просила придержать новость, опасаясь, что на радостях передумаешь жениться — Филипп сдох, — кажется, я оглох. Зажмурился, трясся

головой. — Его сын, Гилберт, принял корону. Политика полярна отцу — рабство отменили, — налил себе в бокал, пытаясь протолкнуть новости, вставшие в горле костью. — Пока официально. Там много чего интересного и не удобного. До нас докатится не скоро, им еще в столице наводить порядок. Так вот, спину Гилберта охраняет некая целительница — Розалинда Блэк, темная лошадка. Ходят слухи: поставила на ноги калечного принца Эддрика Брасетта и вышла замуж. Сам не видел... Рванешь? Корабль дам, магое задействуем. Если кто и сможет, только она. Глупо подыхать, когда в мире такие перемены.

В ушах стоял звон. Мама, мама.... Что у тебя в голове? Одел маску обратно.

— Закончу начатое. Я должен разобраться со своими женщинами, — встал. — Дадут боги время — увидимся, воспользуюсь щедростью. Нет — прощай, — протянул руку.

Белд с кислой рожей крепко сжал в ответ.

— Идиотом был, им и помрешь, Джонатан. Это ошибка.

— Я тоже был рад нашему сотрудничеству. Бывай, — кивнул головой и ушел.

По внутренним ощущениям времени осталось мало. Взял обязательства — доведи до конца. Каждый сам делает свой выбор — кем жить и кем умереть.

Люба

В пути Анна старалась не отставать в марафоне обжорства. Хмурые складки на лицах солдат разглаживались, натываясь на жену Олафа.

— Анна, — понизив голос, бочком придвинулась поближе, — у вас будет малыш? — радостно заглянула в ее глаза.

— У нас уже есть, — шепнула она в ответ, придвигаясь очень-очень близко, — да не два, а три, — недовольно буркнула и схватила меня за ухо. — Ты — третья! — прошипела рассерженной кошкой. — От капитана понесла? Или от Руперта?

Со стороны казалось, что мы обнимаемся и секретничаем.

— Отпусти, — вывернулась и отодвинулась, обиженно потирая пострадавшую часть тела. — Не беременная. Ем да сплю много. И все... Стресс так проходит.

— Погоди, — придвинулась обратно, — давно так? — маленькие глазки смотрели напряженно. — Странного не происходило? Такого, чего раньше не могла?

— Говорю же, после нападения, — отсаживаться дальше было некуда, телега была загружена. — Ну варенье это странное. Когда получается, когда нет.

— Не понимаешь, да? — внимательно уточнила женщина, ища признаки лукавства. Отрицательно помотала головой. — Магия просыпается. Раз капитан счел нужным скрыть, сама тоже помалкивай, — тяжело вздохнула. — Послали же боги, сплошное наказание...

Брови остановить смогла, а жалостливую улыбку нет. Какая магия у взрослой тетки из другого мира? Да, конечно, сто раз. Анна нахохлилась и отвернулась. Обиделась. Примирительно погладила ее по плечу. Старалась все-таки, по-своему оберегать, перетягивая внимание на себя... Приятно.

Сидя на кухне, попивала взвар. Быстро привыкаешь к хорошему! Мужчины споро разгрузили телегу, занеся все в дом. Старуха травница водила морщинистым пальцем по прутьям корзинки из города, сгорбившись и уплыв далеко в воспоминания.

— Откуда говоришь? — глухо спросила, подняв влажные от непролитых слез глаза.

На вопрос все ли в порядке, она только кивнула, продолжая вести себя странно. Рассказала, как было, спросив почему такая реакция.

— Подруга то моя, — грустно улыбнулась старушка. — Вместе мы... топтали лес...

Далече живет теперь, — усмехнулась. — Такие корзинки только она плетет. Гляди, плетет так, ежели одним боком — рисунок горы вверх, а коль перевернуть — то вниз.

По мне, так рисунка «горы» не было, в наличии имелась неровная выпуклость, напоминающая линию вверх или вниз, но согласилась.

— Она многому научила меня, — обняла корзинку старуха, растеряв свой колючий образ. — Скучаю, Любаша, по ней... Так скучаю...

— Съездим, — встала и обняла ее, испытывая слезливое влияние.

— Съездим, — тихим эхом отозвалась старушка.

Так и просидели, пока дверь неожиданно не треснула об стену, являя красную от злости Марджери.

— Расселись тут!!! Живо собрать хозяину на стол!!! Кухарка, тьфу! — сплюнула себе под ноги. — Что мужик не кормлен, даже носом не ведет! Уввооолю!! Как только смогу! — воинственно потрясла кулаком в воздухе. — Помяни мое слово!!

Вылетела, не закрыв дверь. Тут же поняла правдивость ее слов, засуетилась. Травница сбросила грусть и помогла, добавив в взвар пару листочков, привезенных из города.

— Ты ентова, госпожа, — вернулась к старой песне бабулька, — давай-ка, займись делом. Все по рецепту, пока в голове осталось, — взяла поднос и ушла, шаркая ногами.

Провозилась до самого вечера, погоняемая старухой. Вытирая пот со лба, принялась к получившейся мази. Пахнет свежестью. Растерла немного между пальцев — хорошо впитывается. Травница сварила котелок особого зелья.

— Уседова. Настоять в темном месте, к утру будет готово. Сама пей, да капитану молчком подливай. Мужики ж они такие, как дети малые — не любят лечиться, а ентот и упертый за десятерых.

Пару раз заглядывал наш маг растительности и каждый раз вылетал, огретый кухонным полотенцем надзирательницы. Марджери тоже не пустили. Чудеса.

Не смотря на ворчание, параллельно испекла пирог. Так и сказала:

— Руки чешутся, надо сделать!

Вот такого троянского коня в моем лице старуха и развернула на выход — с пирогом и мазью.

— Ты там, этого... Улыбнись? — предположила травница. — Делай что хошь, а не пусти по бороде наши потуги. Чтоб намазюкала его старательно! Давай, госпожа, — открыла дверь и вытолкнула.

Марджери была занята — порывивала на невест. Маска на лице мужчины принесла облегчение и виток новых капризов. Одна визжала, что немедленно уедет. Не дали.

Вот так, думая обо всем, но о не конечном пункте, дошла до двери, громко постучала и вошла. Капитан был окружен вниманием огромной кучи бумаг.

— Люба? — удивленно спросил. Спыхватился и запоздало нацепил маску. — Извини... Еще не привык... Я ужинал. Спасибо, не надо. Отдыхай.

Выглядел он паршиво. Посерел с лица. Красные глаза. Новая морщинка горькой складки вокруг рта. Сине-фиолетовые круги под упрямыми глазами. Стало горько. В груди защемило. Темнота за окном вытряхивала одеяло, рассыпая побольше сумрака.

— Это вам, — тепло улыбнулась, аккуратно отодвинула бумаги и поставила перед ним пирог, готовая в любой момент обратиться восвояси, если начнет орать.

Мюррей поднял брови, гипнотизируя заботу на тарелке. Задернула шторы. Придвинула два канделябра зажжённых свечей, не забыв запалить те, что на стенах.

— Глаза надо беречь, — буркнула под нос.

— Мне уже можно и не беречь, — отмер мужчина. — Что это?

— Радость, — нахально уселась на стул с другой стороны стола. — У вас сейчас только «надо», «должен», «успеть». О себе не думаете... И выглядите паршиво.

— А ты храбрая женщина, — хохотнул капитан. — Сказать вот так, в лицо. Давай, свою радость, — улыбнулся и взял ложку.

Внимательно рассматривая бумаги, не видела их содержания.

— У меня просыпается магия? — спросила еле слышно, надеясь на отрицательный ответ.

— Да, Люба... Кто просветил?

— Анна.

— Тогда не страшно. Изменения есть?

— Нет.

— Боишься? Не надо. Это не огонь, и не стихия. Иначе, уже бы проявилось. Ты... издали. Думаю, будет что-то... другое. Не переживай, за тобой... потом присмотрят... Когда меня не будет.

— Ну все, — взъелась на него. — Хватит хоронить себя раньше времени, сдувать пыль с капризной матери и ходить вокруг да около с истеричками этими! Я взрослая женщина и смогу позаботиться о себе сама, это раз!

Капитан откинулся на спинку стула и с полуулыбкой слушал спич. Меня несло.

— Мамаша ваша — эгоистичная клуша, простите великодушно! Только и может, что орать да возмущаться! Хоть раз бы подумала о вас! Вы — ее ребенок, а не она ваш! Внука ей подавай, — встала и вцепилась в стол, не зная куда деть руки. — А она тут жила с вами? А она о вас заботилась, когда из столицы выперли? Нет, она с комфортом грустила на пуховых подушках, вытирая слезы надушенным платочком! Тьфу! А сейчас, она спросила, устали ли вы? Больно ли вам? Есть ли силы? Девушки эти... Не любят они вас. И не полюбят. Им бы не балах юбками крутить, внимание получать и цацок побольше. Так возьмите и купите уже одну! Чтоб сил высасывало меньше! — волна возмущения взметнулась и опала. Стало стыдно. — Простите.... Это не мое дело...

Села обратно.

— Почему же, в наше время очень редко встретишь... честного человека, — доел последний кусь Мюррей, странно поглядывая. — Это все ваши умозаключения?

— Не все, — буркнула, отворачиваясь. — Но я промолчу, — тоскливо вздохнула и вспомнила, зачем пришла. Встрепенулась. — Снимайте маску, — обогнула стол, воинственно сжимая кулак.

— Зачем? — устало спросил Джонатан. — Мы уже все перепробовали. Хватит.

Упрямый осел! Что бы ляпнуть такого?

— Это Велдон прислал, — соврала, не моргнув глазом. — Сам он плохо выглядит. Велел позаботиться о вас. Давайте, день был длинный, я тоже устала. Уговаривать еще вас, — хорохорилась, а у самой дрожали руки. Щас как гаркнет. Внутренне собралась.

— Люба, это бесполезно. Признайте уже.

— Никогда, — упрямо посмотрела ему в глаза.

— Давайте, — сдавшись, протянул открытую ладонь. — Перед сном...

— Угу, бегу и спотыкаюсь. Мюррей, будете сопротивляться, не испеку завтра сладостей!

— Ну вот, а как же порция радости? — улыбался мужчина.

— Накажу, — улыбнулась в ответ.

— Какая вы грозная, — ехидно протянул, снимая маску.

Хорошее настроение испарилось. Подозреваю, изменилась в лице.

— Я же говорил, — раздраженно дернулся в сторону снятого предмета.

Треснула его по руке, удивившись своему порыву.

— Это как понимать? — возмущился работодатель.

— Она вредит, — угрюмо ответила, щедро зачерпывая мазь. — Помолчите, — начала осторожно растирать. Капитан закрыл открывшийся было рот. Медленно втирала, не зная, испытывает от касаний боль или нет. Не скажет ведь. Осел. Как есть осел с помесью барана. — Посмотрите, с внутренней стороны остались... подтеки, — сказала не отвлекаясь. — Это... прирастает к ней, а прошел всего день, — зло размазывала мазь.

— Осторожнее! — воскликнул Мюррей. Я вздрогнула. — Без глаза у меня точно не останется шанса купить жену, — попытался отшутиться.

Ладонь замерла на его щеке. Темные глаза завораживали. Посмотрела на его губы. Бросило в жар. Резко одернула руку, заводя за спину и отступая на шаг.

— Все, — тихо закончила, испытывая смущение.

— Спасибо, — так же ответил работодатель.

Собрала посуду и поспешно ушла, ругая себя последними словами. Чего творишь, Люба? Трясла головой, спускаясь по лестнице. Не надо усложнять...

— Где шляешься? — выскочила Марджери, уперев руки в боки. — Я ...!

— Вот и шли бы к сыну!!! — рывкнула от всей души, наступая. — Да обняли как мать, бесчувственная аристократка!!! — больно протаранила плечом, открывшую рот от возмущения женщину, и ушла, оставив одну.

Ух, Люба...

Надо успокоиться. Нервы ни к черту. Села на кухне и расплакалась, закрыв глаза руками. Травница тихонько обняла и стала гладить по голове.

— Все будет хорошо, — прошептала, целуя в волосы. — Я помогу.

Джонатан Мюррей

Обманчиво неказистая и простая, скрывающая тончайший алхимический сплав, прочнее любой брони, легче пера, чуть шероховатая изнутри из-за огромного количества еле заметных рун, смазанных различными зельями — маска в руках была похожа на серый кусок дешевого металла, являясь огромной ценностью, оценить которую способен далеко не каждый.

С размаху впечатал кулаки в стол, удовлетворенно разглядывая россыпь рубиновых капель на потревоженных костяшках. Порой физическая боль оказывает огромную услугу — заглушает душевную боль. Ее не намазать элексиром, не посыпать порошком, перетянув тряпицей.

Усмехнулся, разбивая стул об стену. Удовлетворенно проследил за брызнувшими в стороны щепками, словно за стаяй испуганных птиц. Глубоко вздохнул. Ваза, подаренная кем-то из какой-то там династии, оставила свой след — переливающиеся крошки в танцующем пламени свечей.

В груди разливалось мрачное удовлетворение.

Закрыв глаза. Представив себя скрипачом, играл руками вместо смычка, мелодию,

рвущуюся изнутри, льющуюся живительным потоком разрушения во внезапно опустылевшей жизни. Горечь благодарным зрителем благоговейно внимала каждой ноте.

Дернул щекой. Осколки застряли в лице. Какая теперь разница?

Осознать, что нашел то, что так долго искал.

Заставить себя принять, что это невозможно.

Воскрешал обрывки воспоминаний, рассматривая с разных сторон, словно придирчивый критик, и находил подтверждения. Ибо теперь знал, куда смотреть.

Облизнул кровоточащие губы. Солоновато. Подложил руки под голову, удобно устроившись посреди погрома. Символично лежать на осколках... своей жизни.

Глубоко вздохнул и улыбнулся. В воздухе еще витал тонкий, едва уловимый шлейф аромата. От этой штуки на лице есть и плюсы. Например, обострившиеся в разы обоняние.

На кого мы злимся чаще всех? На кого орем? Требуем? Заставляем быть лучше?

На близких. На тех, кто так или иначе дорог.

Другие, чужие, остаются серым фоном размытых лиц, не трогая ни одну струну души ни взлетом, ни падением. Ничем.

Мог понять еще тогда... А когда?... Так и не скажешь. Уж точно после щенков. Упустил.

Простая и недалекая, скрывающая богатый внутренний мир, благородство, сострадание, умение прийти на помощь, добрая, искренняя, заботливая...

Настоящая.

Отрицательно помотал головой самому себе. Под головой больно захрустело.

Так и останется... чужая.

Сжал кулаки. Принять как есть. Чистое и прекрасное, зарождающееся внутри, лучше боли и чувства потери. Эгоистично сорвать цветок, насладиться и выбросить через пару дней. Даже если они у меня есть. Эти пару дней.

Пусть живет.

Внутри взорвался вулкан злости: Моя!!!!

Покачал головой.

— Нет. Чужая... Так лучше... Так справедливее. Да, — кивнул себе, выстраивая барьер. — Чужая, — слово разъедало рот.

Оглушительный треск единственного уцелевшего предмета в комнате — двери, возвестил о приходе второго не законченного дела.

Ее запах... кричал о возмущении и бешенстве. Не знал, что это можно... унюхать.

— Здравствуй, мама.

Любаша

Помятый и опустошенный, капитан устало прислонился к косяку кухни, попросил заварить успокоительных травок для Марджери и распорядиться насчет ночной сиделки.

— Я сделаю, — кивнула старуха травница, вставая с места.

Мюррей кивнул и ушел.

— Ну, чаво встала, госпожа? — гаркнула старуха. — Глазенки вытерла, щечки я пощипаю, тадыть румянец выгянет. Усе, дуй за склянками и мазями, да пожрать возьми... Сама соберу, пока сообразишь, — ворчливо, но быстро нагрнула поднос. — Оно ведь как бывает? После хорошего скандала и поесть плотно надоть. Пиявка эта все соки высосала, даром, что мать, сама чисто обиженный ребенок. Да не стой столбом! На вот, — всунула поднос, развернула и толкнула. — Пошевеливайся. Хорошо, девки — дурынды, боятся.

Дверь за мной закрылась. Вот не уверена, что с господами так обращаются. Сделала пяток шагов. И чего попрусь? Как-то странно выглядит. Развернулась обратно. А раны? Даже маску свою одеть забыл. Расстроен. Снова развернулась и пошла за запасами.

Испытывая дичайшее смущение, постучала в дверь, готовая в любой момент сделать ноги. Вот сейчас досчитаю до десяти, оставлю на полу и ...

— Люба? — дверь резко открылась, являя мокрого и обеспокоенного Мюррея. В халате. Еле оторвала взгляд от голой мужской груди, пытаюсь найти глаза. — Что случилось? — уже веселее спросил работодатель.

Сглотнула. Подозреваю и покраснела тоже.

— Еда, — резко сунула поднос. Тяжелый, зараза. Наверное, поэтому трясутся руки. Жарко тоже поэтому, пока донесешь. — И... мази. От порезов. Помочь пришла в общем. Но если вам не надо, — голос взял высоту, — я пошла, — воодушевилась наметившимся путем отступления и развернулась, чтобы сбежать.

— Буду благодарен, — тихо ответил капитан. — В спине застрял кусочек, не могу достать.

Тут уж сама ввалилась, широко толкнув дверь и обалдевшего Мюррея. Поставила поднос и скомандовала:

— Раздевайтесь! — сообразив, что ляпнула, хлопнула себя по лбу. — В смысле спину давайте.

Взяла чистую тряпицу и приготовилась. Легко поставив стул, развернулся затылком и присел, сняв халат до пояса. Тут уж было не до разглядываний. Чертыхаясь под нос и обмирая, осторожно вытащила осколок — тонкий, острый. Спина пациента вздрогнула. Быстро приложила кусочек ткани, пропитанный кровоостанавливающим зельем, плотно припечатав обеими руками.

— Сейчас, края стянутся, наложим...

Мысль оборвалась где-то на пол пути. Тусклого света свечей оказалось достаточно, чтобы заметить, как мелкие порезы затягиваются на глазах, медленно, но гораздо быстрее положенного.

— Об этом никому нельзя знать, — мягко попросил капитан, повернув голову.

— Х-хорошо...

Тут уж взгляд, пользуясь замешательством хозяйки, вырвался на волю, блуждая по подтянутому телу, отмечая приятные неровности рельефа и общий эстетически — привлекательный вид. Зажмурилась. Ничего не видела. Послышался шорох одежды, удаляющиеся шаги.

Было очень смешно и немного стыдно. Взрослая тетка, а подглядываю за полуголым мужиком. Чужим мужиком.

— Прощу к столу, — раздалось через минуту чуть в стороне. — Один я это не осилю. Поможете? — смешинки в темных глазах манили.

Босой Мюррей в свободных брюках и распахнутой на груди рубашке выглядел таким... домашним, что шрам становился совсем незаметным. Повезет же какой-то...леди. Стало немного грустно...

Мысленно подобрала слюни. Чего уж там, и мне не чуждо чувство прекрасного. Ничего криминального — тихонько посидеть рядом. Кивнула и улыбнулась.

Черный провал каминного зева радовал танцем оранжево-красных языков пламени. Мерно гудели дрова. Изредка, с тихим треском вылетали искры, яркой полоской обозначая

путь, да так и растворялись, не долетая до пола. Ужин был съеден. Джонатан пересел на пол, оказавшись на расстоянии вытянутой руки. Скрестив руки и ноги, он задумчиво смотрел вперед.

— Что с Велдоном?

— Одна из претенденток весьма... впечатлительна. Ему пришлось заняться ее здоровьем, в том числе провести разъяснительную беседу. Девушка решила, что я... заразный.

— Ну и дура, — буркнула недовольно. — Простите.

— Отнюдь. Многие считают именно так, — положил подбородок на руки. — И в этом нет их вины.

— Ну конечно, — раздраженно присела рядом, отвязывая от пояса мешочек с мазью. — Хорошо, что напомнили. Поворачивайтесь, будем лечить вас.

— Зачем? — в вопросе чувствовался подтекст, но мне не хотелось анализировать и делать ничего не меняющие выводы.

— Потому, что жизнь прекрасна, — пожала плечами и зачерпнула жижи. Легонько провела полосу сверху вниз подушечками пальцев. — Потому, что сдаваться глупо, — зачерпнула еще. — И кажется, а может хочет казаться, что эта штука работает, — осторожно растерла влево и вправо. — Мне еще патенты оформлять, — попыталась отшутиться, — нужна ваша помощь.

— С этим помогут, не волнуйтесь, — мгновенный переход в рабочий режим. Серьезный и собранный. — Я дал четкие инструкции секретарю. В Ганзе есть один...

Приложила палец к его губам, покачав головой. Поняла, что сделала и медленно убрала вторую руку, сделав вид, что ничего не было. Мюррей молча сверлил потемневшим взглядом.

— Хватит пытаться всех облагодетельствовать. Подумайте и о себе. Если не можете, так в третьем лице. Ночью надо отдыхать, — господи, что я несусь. Пора уходить. Срочно. Шумно выдохнула. — Не смывать до утра. Доброй ночи, капитан.

— Доброй ночи, Люба, — мужчина держал дистанцию, хотя был виден и его... интерес. Ложась спать, так и не выбрала, хорошо это или плохо.

Утро в лесу

Камилла медленно продиралась через кусты — по дорожке опасно, заметят. Вопросы о том, когда все пошло не по плану и мысли о капитане канули в лету. Тут бы просто выжить. Прожить еще один день. Тяжко дыша, прислонилась к дереву, присесть — непозволительная роскошь, не хватает сил встать. Чуть погодя трясущимися руками достала баклажку и жадно присосалась к горлышку. Вот так. Перевела дух и заковыляла дальше.

Внешне молодуха — внутри старуха. Серые дорожки надежно скрывал чепец. Кожа на руках покрылась пигментными пятнами, морщинами. Под платье теперь заглядывал только ветер и свет. Они никому не расскажут.

Черные глаза вынырнули неожиданно. Как всегда.

— Хозяин, — затараторила Камила, бухаясь на колени, — пощади! Я все сделала! — молитвенно сложила ладони. — Никак не подохнет, сволочь, — слезы брызнули в стороны. — Шрам растет, он слабе...

Терпение имеет свойство заканчиваться.

Когти мягко вспороли горло. Жизненные силы, душа, плоть, кровь — все пошло на

восстановление. Мало. Тягучие капли медленно стекали с белых кльков, зло оскалившегося рта. Чтобы совершить нападение нужно еще. Есть одно место. Черные глаза брезгливо сощурились, глядя на останки информатора, отвернулись и скрылись с места казни.

Остекленевший взгляд женщины провожал облака.

Любаша

Бессонница подкралась неслышно, запрыгнула, обвив руками шею, да так и не ушла, проклятая. Свесив ноги на кровати, растерла грудь. Непокойно как-то. Немудрено. Угораздило же. Вот так, с размаху, по самое не могу. Да лучше бы в дерьмо, ей богу, чем... в капитана. Нервно хохотнула, не чувствуя веселья. Потрясла головой и решительно пошла умываться.

От дурных мыслей всегда помогает работа.

С самым воинственным видом жажнула котелок на стол. Вот и проверим, есть ли оно во мне — волшебство. Между делом расслабились напряженные плечи, выпрямилась спина, тяжелый груз лишних мыслей истаял, позволив свободно дышать.

Взяла подсохшую буханку, сделала надрезы, замакарила внутрь сырок, зеленюку, ароматных травок, ломти мяса и все это красивое отправила притомиться в печь. Аромат поплыл, драконя рецепторы.

Отмахнулась, Люба изволит магичить!

— Чегой с кислой рожей прямо с утречка, госпожа? — наклонив голову, заботливо спросила травница. — Та, потом ответишь, — приняхалась заинтересованно, потеряв руки. — Попервой надо столоваться, уж вкусно пахнет. Невесты разберут, даром жрать по зернышку положено.

Сполоснув руки, просеменила до печи, успев проинспектировать все, что лежит вокруг. Хапнув богатырскую порцию, важно поплевала на руки и вгрызлась в мякушку, блаженно мыча и закатывая глаза.

— Дверку-то прикрой, милая, пока жаба не приперлася, — дуя и обжигаясь, попросила травница. Я осталась сидеть, гипнотизируя котелок. — Та, неча тут изнывать. На старости капиталы будешь иметь, такова у нас никто не может. Вот жеж, — поморщилась.

— Хозяева от голода пухнут, а слуги на харчах жируют! — проорала с порога Марджери, скукоживаясь и трясясь. — Живо накрыла на стол! А не то...

— Ты бы шла, милая, — вздохнула травница, дуя на кусман, — не ровен час, перепутаю взвар с ядом, возьму грех на душу.

— Да как ты смеешь!!! — затопала ногами Марджери, переходя на визг.

Прибежал солдат с выпученными глазами и ножом на голо. Ошалело покрутил головой, выискивая неприятеля. Не найдя, смежил веки, поклонился и ушел восвояси.

— Я все расскажу Джонатану!!! — подскочила близко и зашипела змеей, сжимая кулаки. — Думаешь, постель согрела, важная стала? Отцовство еще доказать надо! — лицо перекосило в гримасе ярости. — Уж я позабочусь, найму лучшего мага. Нагуляла в подоле, а сыну в уши напела! Знала таких, и с тобой справлюсь!

Плюнув на пол, рассерженной кошкой выбежала в коридор.

— Тц, — щелкнула языком старуха. — Вы вчерась сошлись, а я не заметила? — искренне удивилась беспардонная травница.

— Нет, — поспешно ответила и отвернулась. — Я не знаю, с чего она это взяла.

— Чай старая, да не слепая. Кады понесешь, первой тебя узнаю. Опыт, — пожалала

плечами.

— Я не собираюсь замуж, — встала и начала вытаскивать посуду, ставя на стол.

— Доброго утречка, хозяйюшки! — широко улыбнулся неожиданный визитер, распахнув руки в стороны. — А чем так вкусно пахнет? — подмигнул Велдон, проходя и обнимая в приветствии. — Лютует? — шепнул на ухо. — Потерпи, немного осталось, скоро уедут, — выпрямился. — Можно я тут с вами, без реверансов? Дамы так напряжены... у тех кто рядом, тоже кусок в горло не лезет, — сделал большие глаза.

Травница не удачно встала, врезалась в лекаря и стала падать. Он успел поймать.

— Осторожнее, коллега, — шутливо пожурил.

— Уж я-то буду, — исподлобья ответила травница, отцепляя руку парня от своей. — И ты милоч... по сторонам смотри, — недобро прищурилась. — А за заботушку твою... сама накрою.

Пошла собирать еды. Велдон изобразил немую пантомиму из разряда: что происходит? Удивленно пожала плечами. Он сложил губы уточкой, встряхнул головой и плюхнулся рядом со мной.

— Негоже сидеть рядом с незамужней девицей молодому парню, — сварливо проскрипела травница, не поворачиваясь. — Али женихаться собрался? — издевательски протянула бабулька.

— Нет, нет, — поднял ладони вверх парень, усмехаясь.

На миг он ослабилась. Моргнула, взглядываясь. Да нет, показалось. Насвистывая веселый мотив, танцующей походкой продефилировал на другую сторону стола.

— О, — привстал, любопытно вытягивая шею, — у тебя получилось то варенье?!

— Ага...

— Научишь? — заговорщически прошептал. — Ох и вкусное было!! — причмокнул.

— Приятно аппетиту! — бухнула тарелку перед его носом травница. — Да было бы чегой делить. Сама, болезная, никак не вразумит, сколько чаво кинуть. Все запасы извела, окаянная. Так и сиди, голую морковку жуй таперича. Эх...

На улице раздался вой и плачь. Стенала и убивалась женщина, катаясь по земле. В лесу нашли мертвую Камиллу.

Капитан пришел аккурат к началу рассказа — оповестила стража, дежурившая на воротах. Стуча зубами об край чашки, принесенную старухой с кухни, подруга Камиллы квадратными глазами на выкате уставилась на пол, мыслями уйдя далеко.

Странности поведения Камиллы заметили все. Яркая птичка превратилась в бледную моль. Женщина подумала, что у подруги, наконец, появился ухажер и даже обрадовалась, прикрывая на рабочем месте. Время шло, Камилле стало хуже. На все вопросы отнекивалась, мол, капитану может не понравиться, пусть останется тайной.

— Бил он ее. Синяки прятала за длинными платьями да страхолюдными чепцами на пол лица. Осунулась. Разве ж это любовь?! — воскликнула. — Боялась она его до трясучки... Смекнула проследить, увидеть поганца, вам доложить... Не последний человек как-никак. В лес пошла за ней, заплутала малясь, пока хоронилась по кустам, из виду потеряла. Када нашла, — чашка выпала из ослабевших пальцев, расплескав остатки на платье, — от Камиллы осталось... то, что осталось, — закрыла руками лицо, трясясь от слез. — Что за человек мог такое сотворить, капитан? — подняла зарёванное лицо. — Вот так, дать зверью схарчить?

— Она точно шла к нему? — уточнила Марджери. — Может пошла искать чего?

— Точно, госпожа, — закивала женщина. — Вчерась попросила прикрыть на кухне.

После встреч хворая всегда была, отлеживалась.

— Разберемся, — тяжело поднялся Мюррей. — За ворота никому. Вооружиться.

Всем, — многозначительно посмотрел на мать и вышел, прихватив Велдона.

— Пойдем, милая, пойдем, — увела травница очевидицу.

Сходила на кухню, собрала сладостей и отнесла невестам, прихватив по пути четыре книги, спрятанных на вот такой непредвиденный случай. Марджери скупно поблагодарила за помощь и вытурила наружу.

Второго тела не нашли, из чего сделали вывод о насильственной смерти. Стража клялась, что никто из мужчин не покидал поселения, кроме двух групп сборщиков, ушедших засветло — все женщины. Отряды солдат прочесали окрестности и нашли почти всех. Не хватало двоих: бабка и вдова. Капитан ввел запрет на выход из города. Новость в мешке не утаишь, городок стоял на ушах.

На этом потрясения не закончились. После обеда бледный, как восковая кукла, гробовщик мял в руках рукавицы и не мог войти в дом. Отвела его на задний двор, подальше ото всех, поэтому услышала:

— Капитан... Что же эт делается- то? — потрясенно спросил мужик. — Рыл для нее... Устал. Думаю, посижу. А там рядом могилки свежие, трава первая проклюнулась. Так ведь убрать надо? — поднял брови. — Один корешок... крепкий был, живучий. Ногой уперся о насыпь, для силы значица, дернул... да вниз упал, — прошептал, передергиваясь. — А там, — закрыл глаза, — хоть и воняло до рези, — поднял руки, разглядывая, — остатки токмо. Схарчили, — посмотрел на капитана, трясясь. — Взял грех на душу, всех откопал. Тех, кого после прорыва хоронили... Всех пожрали. Обошел могильник на свой страх, тоннель нашел. Внутри не ходил — испугался.

Я была не рада, что вышла, что пожалела, что стояла и слушала.

— Люба? — тихо спросил Мюррей.

— Ничего не слышала. Ничего не знаю, — помотала головой. — От меня что-то нужно?

— Идите, Люба, — отпустил капитан.

Не зная, куда себя деть, принялась печь, готовить, все, что угодно, лишь бы не думать. Парнишка по растениям тихонько притулился в углу и жевал, греясь о бок горячей печи.

— Не могу, Люба. Страшно мне, одна ты не гонишь чужого с глаз. Хоть около тебя погреюсь, в доброте твоей...

Погладила его по волосам. Все боятся сейчас, всем страшно. Как же всех приободрить? Никто не заходил, не мешал. К вечеру мокрая и уставшая, огляделась — все было заставлено едой.

— Иди спать, ночь на дворе, — тихо растормошила прикорнувшего паренька.

Открыв осоловевшие глаза, удивленно оглянулся вокруг, кивнул и ушел, чуть пошатываясь. Почти все убрала в хладник, собрала поднос и пошла к капитану. Наверняка еще не спит. Так и оказалось. Хмуро нависая над столом, он гипнотизировал самодельную карту. После погрома ничего не осталось, даже ковра. Стол и стулья из запасников — вот и вся обстановка голой комнаты.

— Капитан, что это за крестики? Вам бы поесть.

— Не могу, Люба. Какая еда, когда у нас такое творится?

— Без сил вы ничем не поможете, — аккуратно поддела за край бумагу, утащив к

себе. — Только из печи, — придвинула тарелку ароматного рагу.

— Один не могу, присаживайся, — вздохнул, берясь за ложку.

После еды капитан завел монолог, скорее для упорядочивания в голове, нежели для беседы со мной. Из его слов выходило, что после прорыва могло остаться несколько тварей, спрятавшихся недалеко от поселения. Падальщики рыли ходы, чтобы не привлекать внимания. В ходе поисков пропавших сборщиков были найдены несколько ям с останками от крупных хищников.

— Мелкое зверье на месте, большое тоже. Будто падальщики прячутся где, выходя по сильной нужде. Чего ждут? Почему напали только сегодня? Чую, тех двоих уже не найдем, — зло сжал кулаки. — И никаких зацепок. Ни следов, ничего! — раздраженно хлопнул по столу, от чего приборы на столе тихо звякнули. — На рассвете запалим костер, проводим в последний путь, — уперся головой в согнутые руки.

— Мюррей, — тихо произнесла со своего места, стараясь сохранить дистанцию и субординацию, — в этом нет вашей вины. Открою страшную тайну, — наклонилась чуть ближе, мужчина заинтересованно подался вперед, от чего наши лица оказались чересчур близко. — Вы не пуп земли, — пожала плечами. — Всего предусмотреть невозможно. — Итак делаете для этих людей больше, чем должны. Подозреваю, что в Любек не найдется еще одного человека, столь преданно служащего своим подопечным. У всех бывают ошибки. Не надо закапываться, — ободряюще сжала его руку.

Мужская ладонь осторожно накрыла сверху. Стало тепло, немного радостно и капельку грустно.

— Возможно, у Белда есть маги или охотники, умеющие искать особые случаи? — прошептала еле слышно, осторожно высвобождая ладонь.

Чтобы потом не разочаровываться, не надо очаровываться. Никому из нас.

— Если Белд узнает о неизвестной опасности, собственноручно устроит всем нам братскую могилу, желая задушить проблемы на корню. Помощи от него ждать не следует. Справимся своими силами, — откинулся Мюррей на спинку.

Привычно обработав мазью его лицо, собрала посуду.

— Спасибо, Люба.

— За что? — удивилась.

— За простую человеческую поддержку. Никто, кроме вас, не подумал об этом.

— Потому, что бояться.

— Да, но с маской им проще.

— Я о вашем характере, Мюррей, — усмехнулась. — Хватит уже лелеять уязвленное самолюбие. Ну щрам. Ну черный, — пожала плечами. — Пока вы не напоминаете, даже не замечаю. А вот громкий... нрав внушает опасения. Некоторым людям, — попыталась дипломатично донести мысль.

— Некоторым? — хмыкнул мужчина.

— Почти всем... Но не мне.

Улыбнулась в ответ на кривую ухмылку капитана. Расслабилась немного. Это хорошо. В темноте коридора блеснули белки недовольной Марджери. Со страху чуть не уронила поднос, ограничилась крепким словцом. Шумно выдохнула через нос и пошла спать.

Джонатан Мюррей

Характер громкий. Расхохотался, откинувшись на спинку жесткого стула. Ладно, надо

подумать. Придвинул карту, рассматривая план могил. Кто-то или что-то прорыло подземную сеть, уничтожая свежие трупы. Единственное, что удалось узнать — наличие острых когтей, следы от которых украшали стены, гробы и кости, в том числе останки... Камиллы.

Никто не заслуживает такой участи. Зная ее характер... Не удивлен, что вляпалась в сомнительную историю. Как чуял, надо сажать на корабль, не слушая возражений. Выбор дал. Гуманный... идиот.

Олаф громко обматерил мое предложение — порезаться и комфортно подождать падальщика под землей. Закопали гроб со свежей тушей, накачанной различными зельями. Утром проверим.

Раздался стук — мама пришла за ответами. В прошлый я был... слегка не в настроении.

— Джонатан, мне доложили о твоей сумасбродной идее на живца! Я запрещаю! — заложила истеричный вираж леди Марджери, едва прикрыв дверь.

— Проходи, — кивнул было на гостевой стул, да передумал. Сам сел, там пахло приятнее.

Мама нахмурилась этому демаршу, но не поняла причины. Сев, раздраженно махнула рукой.

— А мне доложили про кончину короля, — она побледнела, вздернув подбородок. Еще держит оборону. — О некой Розалинде Блэк. Смогла бы помочь мне? Скажи ты об этом в день приезда, уже доехали бы до столицы, — теперь пошла пятнами, отведя взгляд. Значит, шанс был. — Я всегда выбирал тебя, — попытался донести до нее главную мысль. — Служба — это возможность защитить. Задумывалась, почему капитан, не выше? Поясню, — злорадно улыбнулся, вспоминая былое. — Каждый, кто заикался о вдове Мюррей, выходил в круг. Иметь под боком слетевшего с катушек наследника — малоприятная перспектива. Да, выигрывал не всегда, часто был бит. Но вот упорство и настойчивость — это от тебя, этого не занимать... Я все делал для тебя мама, — горько усмехнулся. — Остался для тебя, наследник будет, тоже для тебя. Постарайся его полюбить... Теперь про дражайшего папочку.

— Не смей осквернять память о нем!! — вызверилась мать, вставая.

Замерла с первых слов рассказа, бессильно осела, сгорбившись, и закрыла руками лицо в попытке отгородиться. Возможно, знай она правду, у нас могла быть нормальная семья. Я не стал ее трогать, хотя очень хотелось просто обнять, просто выразить поддержку, участие. Мама всегда была одна в своем горе. Мне там места не было.

Дойдя до своих покоев, поставил новый предмет интерьера близко к кровати, сложил туда вещи и упал на постель, с наслаждением зарываясь в подушки.

Хорошооо...

То ли от груза, что нес на своих плечах столько лет, скрывая истину об отце. То ли из-за стула, прихваченного из кабинета, хранящего аромат Любы.

Впервые за долгое время, я уснул спокойно.

7

Люба

Бывает, проснешься, а день уже задался. Глубоко внутри вибрирует радость, волнообразно насыщая, даруя легкость и окрашивая все вокруг яркими красками. Травница только усмехалась, глядя на мои горящие глаза. Вместе приступили к приготовлению завтрака.

Хотелось сделать что-нибудь эдакое, чтобы «аммм» и блаженство!

Выбор пал на брускетты и нежную творожную запеканку, порционные кусочки которой будут укрыты нежной вуалью варенья цвета солнца.

Небывалый энтузиазм наполнял силами. Пока старуха перетираала творог через сито, которое, слава богам, уже было давно изобретено, я снимала шкурки с фруктов и резала на мелкие кубики. Белки взбивал очень кстати заглянувший на кухню паренек с растительным даром. Замесив основную массу, аккуратно смешала деревянной лопаткой со взбитыми пиками непосредственно перед отправкой в печь.

Подмигнув помощникам, помыла руки и вытерла об кухонное полотенце, очередной раз благодаря богов, что не попала в этот мир прачкой, иначе мир не казался бы таким прекрасным.

Смазала противень и разложила квадратики нарезанного хлеба, чтобы чуть подсушить, получив на выходе хрустящую структуру и красивую золотистую корочку.

— Ну а теперь приступим к начинке, — потерла руки в предвкушении.

На столе лежало все, что можно было есть: мясо, зелень, масло, фрукты, немного ягод, орешки, молочные изделия, сыр. Фея в моем лице приготовилась творить вкусноту. Дверь отворилась, являя бледную Марджери. Дернулась щека, глупая улыбка истаяла легкой дымкой.

— Оставьте нас, — тихо и твердо приказала женщина.

Чуть качнула головой травнице, соглашаясь на внезапное randevu. Притворно громко шаркая, она недовольно поползла в сторону. Мальчишка вышел, опустив голову. Дверь плотно прикрыли с той стороны. Наплевав на приличия, села на скамью, все равно никто не увидит, а ворчать она, итак, собралась.

Гостья присела напротив. Не было привычной злости, надменности, лишь океан усталости. Глубокие тени под глазами намекали на бессонную ночь.

— Я пришла просить, — еле выдавила, словно валун из-под завала. Потом случился камнепад. — Отпусти его. Пожалуйста. Джонатан умирает. Я... была неправа всю жизнь, — подняла глаза полные слез к потолку. — Все, что от него может остаться — наследник... Любить. Оберегать. Помнить. Понимаешь? — дорожки слез стекали по щекам. — Даже если вы, — глубоко вздохнула и зажмурилась, как перед прыжком, — если будет дитя, подумай о будущем, — выпустила воздух через рот. — Наш род... найдет и уничтожит в кратчайшие сроки... Хочешь, встану на колени? — с жаром прошептала Марджери, блестя фанатичными глазами, медленно обходя стол. Я отшатнулась, чуть не упав назад. — Заклинаю, — зарыдала женщина, бухаясь на пол, рвано цепляясь за мой подол, — отпусти его. Прошу, как мать прошу! — сложила руки в молитвенном жесте.

Слова тонким пинцетом вытягивали изнутри жгутики чего-то светлого, хорошего, не понятого еще до конца, но такого нужного. Стало грустно, потому что... Потому что не стану себе врать. Прикрыла глаза. Спокойствие белым дымом наполнило от макушки до пяток.

Вечно орущий, недовольный сморчок в лице Мюррея стал дорог.

Чуть дернулись губы, обозначая намек на улыбку. Только я не собираюсь ни перед кем оправдываться за это. Как говорила бабушка: «Из всех возможностей Люба выбрала любовь.» Снова. Конечно, до такого громкого слова еще далеко, но чувства уже есть.

Посмотрела на Марджери и вынудила сесть рядом. Она нахмурилась, уловив перемену настроения. Если ей с утра приспичило ломать трагедию, посыпая голову пеплом, это

можно делать в любой комнате.

— Я. Никого. Не. Держу.

Кухня наполнилась прогорклым запахом сгоревшего хлеба. Обжигаясь и громко ворча, бухнула противень с угольками на стол, чуть не уронив на пол.

— Аррррр, — прыснула водой на черные головешки.

Обернулась сказать виновнице случившегося пару слов, да не нашла. Марджери незаметно улизнула, почуяв, как запахло жареным в прямом и переносном смысле, попутно получив желаемые ответы.

Глядя на красивую корочку запеканки, решила подать мадамам завтрак с "чудесным" ароматом, прикинувшись поленом с заложенным носом. Мол, не знать не знаю, ничего не чую. Мелочно хотелось насолить за испоганенное настроение.

Ззаразы... все... они.

Оставив подать «свинью» служанке, вышла на задний двор. Два светила приветливо сияли на небосводе. Редкие облака лениво плыли вперед. В стороне обрыва кружили и перекрикивались птицы. Парнишка травник виновато прятал взгляд — из всех посадок прижились только дикие кусты ягод, остальное пободалось с каменистой землей, да сдохло. Десять кустов — хороший старт. Если останусь здесь к этому времени...

— Молодец, — потрепала по вихрастой голове, оглядывая фронт работы.

— Да? — посмотрел изумленно, ожидая насмешки.

— Да, — прошлась подушечкой пальца по шершавому прутику. — Когда здесь закончится место, продолжим... Где? На личных участках или по кромке леса?

— Знамо, где — в лесу, — собрался паренек, расправив плечи. — Место, значит, выберем хорошее, чтобы света больше падало, — повел рукой сверху вниз, — ограду обозначим. Полянки высаживать будем так, чтобы рядом росли, но по одному виду. Они ведь как люди, каждому свое, — пожал плечами. — Тень, свет, низины, возвышенность — все имеет важность... Надо обдумать, — выдал окончательный вердикт.

— Давай, — кивнула ему. — Если получится, неплохо меж кустов пустить полезных трав.

Паренек сел, где стоял, и ушел в себя — компьютер загружает обновления. Отошли с травницей чуть подальше, чтобы не мешать.

— Коли планы строишь, здесь остаешься?

— Не знаю, — протянула задумчиво. — Это так, — неопределенно повела головой, — все равно пригодится. Посмотрим, как повернется, да? А там решим, — глянула на старуху.

— В храм не ходишь... Не отвечает богиня? — осторожно спросила травница.

— Игнорирует, — поджала губы, раздув ноздри. — Дары богатые поднесла, все, что имею... А она обратно в карман вернула, представляешь? Не надо ей ничего. Сама, говорит, с проблемами своими барахтайся. Я и делаю, что могу, не зная с какой стороны подступиться... Варенье, плюшки. Мазь сделали, — достала баночку из декольте. Мешает, жуть, но отчего-то боязно оставлять, вот и таскаюсь. — Помогает она, нутром чую и эффект есть. Травки в чай тоже работают — меньше злится. Прорвемся, да?

— Ох и глупая ты, госпожа, — покачала головой травница, приобнимая. — У богов нельзя требовать, только просить, смиренно ожидая. Лишь они ведают, какой путь

правильный.

— Наждалась уже, — склонила голову на ее плечо. — Делать надо.

Легкий подзатыльник обозначил отношение старухи к отсутствию пиетета к высшим силам. Из дома раздался приятный визг — завтрак подан. Улыбнулась, на душе стало так светло, так приятно, что снова захотелось петь.

— Сделаю-ка я нам бутерброды, — взяла под локоток старушку, увлекая на кухню.

Завтрак с общей кухни принесли неожиданно и вовремя — экзекуции нерадивой поварихи не произошло, а презрительные взгляды, щедро бросаемые в мою сторону, не имели никакого эффекта.

Пришлось попотеть, чтобы проветрить помещение, отправили на улицу вонючие головешки. Через десять минут три бутерброда гордо возвышались посреди стола: на квадратном ломте хлеба, чуть смазанным сливочным маслом, лежали два тонких кусочка мяса, сверху немного овощей, полоски сыра и веточки зелени — вкусно и просто.

Оставшиеся ингредиенты для творчества пришлось перетаскивать обратно. Кладовая встретила темнотой и прохладой. Бубня ворчания под нос в подрагивающем свете одинокой свечи, раскладывала все по местам, стараясь не ушибиться об острые углы и металлические крюки.

— Эх, сюда бы электричество. Так ведь шею свернуть не долго! — воскликнула в сердцах, ставя корзину на пол.

Охнув, согнулась от прострелившей поясницу боли. Вот и старость пришла. Потирая обеими руками ноющее место, нечаянно сделала пару шагов вперед, оказавшись у стены. Темноту прорезала ослепляющая вспышка света. Заорав от неожиданности и дезориентации, резко выпрямилась, намереваясь сбежать, да не успела — со всей дури врезалась головой в крепкую навесную полку. Дерево жалобно скрипнуло и накренилось, глиняные горшки один за другим лихо покатались вниз, бзынькая и усеивая пол неровными черепками.

— Пустые, — облегченно вспомнила, перед тем, как накрыла темнота.

В лесу

Океан неторопливо перекачивал волны. Буйный ветер то падал с обрыва вниз, собирая брызги на бреющем полете, то вихрем взымал вверх, щедро орошая влагой высокую траву, не примятую ногой человека. Сюда никогда не приходили, оттого ценные ингредиенты росли в достатке, надежно охраняемые темными буераками, непролазной чащей и широким котлованом. Эти травы, выброшенные на твердь, и заманили глупую еду, вынудив отбиться от общей стаи.

Черные глаза застыли, глядя в одну точку. Брюхо полно. Людишки нашли ходы под землей и закинули приманку, от которой воняет зельями на много шагов вдаль. Глаза презрительно закатились, затем вновь уставились за горизонт. Там, уже пусто, чего дергаться.

Хода домой нет.

В другой стороне, бессчётных шагов вдаль, еле улавливаются эманации похожих. Проверять не интересно. Не свои.

Черные глаза смежили веки, впадая в транс и настраиваясь на жертву. Воздух вокруг медленно раскачивающейся фигуры потемнел, наполняясь гортанными звуками. Едва заметная путеводная нить соткалась перед внутренним взором. Осторожно и медленно, бусины темной силы покатались к адресату, наполняя по капле, незаметно для носителя

внося изменения. Что-то мешало, пришлось вычерпать себя до суха.

Злость.

Яд зреет. Сопrotивляется. Очень медленно. Нужно много сил, а для этого надо жрать, жрать, жрать. Тяжелый выдох. Придется разведать окрестности. План прежний...

Уничтожить всех.

Джонатан Мюррей

Приманка не сработала, а значит: тварь ушла дальше или тварь умная. Оба варианта смердят дерьмом. Плюнул на нетронутый гроб, щедро залитая свежая кровь для пущей «сладости» подсохла бурыми разводами, и дал отмашку, чтобы убрали с глаз.

Не придет.

— Что делать будем? — хмурый Руперт засунул руки в карманы, со злости пнув валявшийся камень под ногами.

— Молится, — дернулась щека.

— Кому? — не понял друг.

— Всем, — быстрым шагом направился в казармы. Надо действовать, обстоятельства изменились. Идиоты. А я среди них главный... идиот. — Конный отряд, десятка, маг воздушник, сейчас, — на ходу диктовал секретарю, преданно внимающему каждому слову. — На пути один отделится в город лично к Белду, остальные рысью по близлежащим селениям. В контакт не вступать, при необходимости помочь населению отступить, если уже есть жертвы — довести до города. Приоритет личный состав. Выходить на связь десять раз на дню. На границе аномалии пост, донесут быстро. Исполнять.

Через пол часа экипированный до зубов отряд выезжал на разведку, прихватив письмо и обглоданные кости в качестве доказательств. Если расчет верен, Белд будет рыть землю носом, но найдет, проблемы он не любит. И потом с огромным списком претензий припрется лично бить морду.

Столичные буйствовали, требуя отпустить, грозясь всем, чем можно. Казармы трещали от напора, грозясь вот-вот развалиться. Это так мешало, злило. Дал резкий крюк, растолкал охрану, войдя внутрь, порывисто снял маску. С мрачным удовлетворением наблюдал, как толпа слаженно схлынула назад. Люди бледнели, зажимали от ужаса рты, пучили глаза, бабы начали тоненько подвывать, забившись по углам.

— Скажу один раз, — широко расставил ноги, заложив руки за спину. — Там, — громко и четко, — за стеной, которую еще не достроили, ваши жопы охраняют, тварь. Неведомая, сильная. Каковы ее возможности? Неизвестно. Выживем ли мы? Неизвестно. Под могильником нашли сеть тоннелей, все что можно съедено и любовно обглодано до костей. Особо любит свежачок. Разложившихся не тронули. В лесу пропали еще двое. Найдена яма с грудой костей. С этого дня охранять вас не будут. Все отправляетесь на помощь по возведению стены, кормежка трижды в день. Родовитым тоже найдется дело. Без вооруженной охраны и пары магов вы сдохните на пол пути. Трех гонцов загрызгли по дороге, — решил хорошенько припугнуть, чтобы не повадно было тащиться в дорогу. — Инструкции получите.

Развернулся, отправил солдат на стену и с усмешкой наблюдал, как дверь в помещение закрыли. С внутренней стороны. Давно надо было наорать. Направился к постройкам. В бездну дома, тут бы ограждение доделать.

В груди росла злость, грозясь вылиться в бурю. Было трудно дышать. Спотыкаясь, дошел

до ближайшего бревна и присел, вытянув вперед гудящие ноги. Бессильно стукнулся затылком об чужую избу. Владельцы предусмотрительно испарились, вместе с рабочей бригадой. Когти, выросшие на руках, раскрошили дерево по бокам в щепки. Прикрыл глаза, пытаюсь сдержаться. Хотелось крушить и метать.

— Выпей-ка, хозяин, — рта коснулась прохладная тара из глины.

Это как ушел в себя, что не услышал подошедшего? Передо мной стояла хмурая травница, все еще протягивающая кувшин с пойлом. Лихо отскочив за миг до полетевшей руки в ее сторону, выдала:

— Люба в беспамятстве.

Туман в голове мгновенно рассеялся. Дернулся было встать, да заставил себя сидеть на месте. Дистанция. Решил, значит будет. Когти втянулись обратно.

— Коли хочешь сам себе принадлежать — пей, — процедила бесстрашная старуха. — Тут травки... особенные. Помогают усмирять внутренний дух.

Жадно припал, торопясь и захлёбываясь, от чего половина лилась за шиворот, быстро намочив рубаху. После вытер рукавом мокрое лицо. Свинья.

— Полегчало, — кивнул, откинувшись назад. То ли от новостей, то ли от зелья.

Сил враз не осталось, будто не спал пару дней.

— Откуда знаешь... обо мне? И что с Любой?

— И слепой увидит, как глазищи сверкают, крови требуя. Да боретесь с напастью, всего себя отдавая. Чего ж не помочь хорошему человеку? — присела травница рядом. — Любка, бедовая моя, дюже головой приложилась, да на пол шмякнулась. Ейй, хозяйева, — зычно крикнула старуха, — молочка бы хозяину-у-у?

— Нет никого, разбежались, — потер ухо. Вот же орет.

— И правильно, — воровато оглянулась по сторонам и наклонилась к уху.

— Не боишь...?

— Цыц! — строго осадил и торопливо зашептала. — У Любки значица силенки просыпаются. Выброс был, магический. Ваши набежали с глазами квадратными, да я все на паренька нашего скинула, мол перетрудился, в горшках домашних пробовал растить дурачок, да не рассчитал. Никто ж проверять не будет, разошлись. Он жеж с ней и сидит, бдит, никого не пускаить. Собсна учителя бы какого, чтоб в силу аккуратно вошла? — выжидательно подняла брови.

— Пока возможности нет. Заметь, я не спрашиваю из какого рода ты сбежала и почему, — старуха картинно выгнула бровь, сохраняя туповатое выражение лица. — Как давно, ищут ли еще. Шибко свободная да умная для бабки травницы из селения на краю мира. Спину, опять же держишь, да слова забываешь простецкие вставлять, когда заговариваешься. Мне главное, чтобы ты за ней приглядывала и охраняла. Уговор? С проблемами разберемся, решим, как с Любой быть.

— Уговор, — старуха сбросила на мгновение маску: холодный взгляд, прямая осанка, решительность и надменность, присущая аристократам. — Мать свою приструни, да с бабами разберись, расстраивают ее. Надумал — женись уже, раздумал — гони в шею. Мнешься, как девка в брачную ночь. А йя, — спина чуть сторбилась, глаза подслеповато прищурились, вернулась глупая улыбка, — к Любоньке пойду, травок нужных заварю. Захаживай вечерком за кувшинчиком-то, хозяин, — подмигнула и ушла.

Ощущение, что старуха не последний сюрприз, просто пока не вижу всего, что вокруг. Делaaa...

Люба

Нет, я, конечно, ни на что не намекаю, и ничего не выпрашиваю, тем более прав не имею... Так вот, если собрать всю кучку «не» и хорошенько так плюнуть, можно сказать честно: я его ждала. В первое мгновение, когда открыла глаза. В первые пять минут, пока наш выращиватель объяснял произошедшее. Тоже кстати сомнительная история, требующая осмысления. Не могла я прикинуться бычком и пойти бодать стену ни с того, ни с сего, ни с любой причины. Ждала в первый час, скидывая с ушей лапшу старухи травницы, чтобы иметь возможность слышать тяжелые шаги в коридоре, параллельно не забывая поглощать чудесный отвар с мятным привкусом, а после ароматную похлебку. Старательно облизав деревянную резную ложку-черпачок, как будто от этого могло что-то зависеть, положила на поднос, руки по швам и прервала поток излияний:

— Хватит, — откинулась на подушки, силясь продраться сквозь мешанину образов, запутавшихся в сознании клубком разноцветных нитей.

Внутреннее чутье дыхнуло морозцем изнутри: не придет.

Пожала плечами. Взрослые люди. А он не пес, кидаться к ногам. Хотя да, безумно обидно, чего уж там. Похлопала себя по щекам. В комнате стояла тишина. Нахмурилась, вспомнив последнюю идиотскую мысль. Вот жеж, жжженщина. Я там шмякнуться могла хоть на вилы, хоть на нож, а испытала облегчение от минимальности нанесенного ущерба. Тяжело выдохнула.

— Я все. Спасибо.

— Погуляй, милоч, — ласково улыбнулась старуха парнишке.

Тот ободряюще сжал руку и вышел, унеся с собой посуду. Травница присела на край постели, подперев стену спиной.

— Стало быть вспомнила.

— Да.

— Запомни: ничего не было. Пришла, не рассчитала, ударилась, темнота. Выдумщик наш в горшках зелень растить пробовал, перестарался. Магия в тебе просыпается. Меньше нервов, больше уверенности, иначе вспышки будут чаще. Три раза в день пить отвар, зарядка, книжки... итак читаешь. Было чего? Ветер? Земля? Может... неживая материя? Полки скосило... Редкость это, — задумчиво пробормотала под нос сама себе.

— Голова твердолобая была, — прикоснулась к болючей шишке размером с грецкой орех на макушке. — Вспышка яркая, будто сзади прожектор включили, — попыталась объяснить.

— Ась, милая? — туповато переспросила бабка, склонив голову на бок. — Прож... Тьфу. Язык сломать. Ты, госпожа, по-простому давай, без науки.

— Угу, — конспиратор блин. — Яркое стало, что ослепла, испугалась, дернулась, дальше все по плану. Будто светило с небес за спину прыгнуло.

— Огонь шголь? — прищурила один глаз, выпятив вперед челюсть. — Та не... Ничо не горело. Мож ты того, воздушник, молнию заделала? — недоуменно почесала затылок, сдвинув чепец. — Раз готова, ножками двигай. Неча без дела расхолаживаться: пять кругов по саду, двадцать приседаний и, — посмотрела с сомнением, — махи руками? ... Гм. Тридцать.

Хохотнув над шуткой, переделась и вышла из комнаты. Только она не шутила. Когда я начала возмущаться... гаденько улыбнувшись, сунула себе в нос непонятные скрутки,

— Не для тебя стараюсь, — презрительно фыркнула возле дверей.

— А для кого?

— Для себя, — выдала после минутного молчания, проведя пальцем по узору на двери. — Только она руку помощи протянула. Бескорыстно. Просто так, — продолжила стоять спиной. — Я устала быть одной. А так, как будто семья, да? — развернулась. — Не вздумай обижать! — погрозила пальцем и вышла.

— Поэтому и сижу здесь, а не в доме, — сказал закрывшейся двери.

Отправил секретаря за девушками. Старуха права, хватит оттягивать. Просмотрел донесения. Отряд движется, пока чисто. Будем надеяться на лучшее. Размял затекшие плечи. Прошел к стеллажу и, немного поколебавшись, плеснул пойла в бокал. Шрам чесался и болел, ухудшая дерьмовое настроение. Глотнул. Обжигающая жидкость стремительно покатила вниз, приятно согрев изнутри. Пф. Маску эту еще надевать, покрутил в руках... Люба была права, мазь работает. Начавшееся было улучшение резко скакнуло вниз. Надо будет поблагодарить Велдона при встрече и попросить сделать еще, но отдать уже мне. Сам смогу управиться. Напялил на лицо предмет экзекуции. Пока дойдут, успею чуток привыкнуть.

Неожиданно распахнувшаяся дверь гулко ударила об стену. Злющий Велдон, чеканя шаг, дошел до стола и навис, широко расставив руки.

— Ты что творишь? — прошипел, сузив глаза. — На кой им бегать?! Руки в порезах, колени разбиты, внешний вид, — поморщился, — оставляет желать лучшего. Это я не говорю про состояние души. Джонатан, ты прямо сказать, не подарок. Но это перебор! — брови выдавали крайнюю степень раздражения.

— Если тварь нападет, у них будет возможность хотя бы отбежать. Мы не знаем, где оно и какими силами обладает. Спасибо за мазь. Можешь сделать еще? Только Любе не отдавай, я сам буду втирать.

— Какая именно мазь? — переспросил чуть удивленно.

— От этого, — указал пальцем на маску. — Не знаю, что намешал, но оно работает. Края стали стягиваться, даже настроение улучшилось. Спасибо.

— И ты на радостях решил развлечься за счет бедных девушек? — вскипел друг. — Джонатан, нам надо прояснить...

— Как там Люба? — перебил, борясь с желанием набить ему морду.

— Да кому она сдалась, — процедил сквозь зубы. — Там, на кухне. Наверное. Не проверял. Давай уже отпустим невест свободно перемещаться, они начинают сходить с ума от четырех стен. Мне надоело отдуваться пустыми обещаниями, что скоро...

— Тогда иди и займись своими прямыми обязанностями! Лечи пострадавшую кухарку! — прорычал на него в ответ, вскакивая на ноги. — А со своими невестами я сам решу, что делать! — рявкнул, подавшись вперед.

Лекарь отшатнулся, в неверии округлив глаза. Я нахмурился. Словно два пса, готовы были вгрызться друг другу в глотки. Что за нелепость?!

— Так, обоим надо остыть, — примирительно протянул ладонь. — Это просто нервы, друг.

— Я все понял, — улыбнулся уголками вниз Велдон. — Капитан, — сделал шаг назад. — Разрешите приступить к выполнению задания? — холодно осведомился, воздвигая невидимую стену отчуждения.

— Иди, — раздраженно бросил ему, садясь обратно. Разбираться в причинах его странного поведения не было ни желания, ни сил.

Опрокинул в себя остатки алкоголя и закрыл глаза. Через некоторое время в дверь осторожно постучали, просунулась голова секретаря:

— Разрешите, капитан?

Кивнул. Парни занесли стулья. Вошедшие девушки поклонились и сели, шурша юбками. Кивнул в ответ и криво улыбнулся: на всех красовались самые простые наряды с минимальным набором юбок. Наука пошла на пользу.

— Опустим словесные кружева, и решим сейчас то, ради чего вы все приехали, — обвел взглядом притихших девушек, опустивших глаза в пол. — Кто и вас готов ответить согласием? Неволить не буду. Никто не узнает о вашем решении в случае отказа.

— Отказываюсь, — торопливо выпалила шатенка, прикрыв ладошкой рот в испуге. Вся сжалась и побледнела.

— Вам не о чем беспокоиться, — кивнул, принимая ответ. — Я сдержу свое слово. В качестве извинений за все, что пришлось пережить по моей вине, примите скромный подарок, — прошел к столу и не глядя достал из ящика заранее приготовленные подарки на откуп. — На ваш личный счет будет переведена небольшая сумма, дабы попытаться загладить отрицательное впечатление от пребывания в Амране, — передал сверток. Ее пальцы были холодны.

— Прежде чем ответить, — тщательно обдумывая слова, медленно проговорила блондинка, на которую советовала обратить внимание старуха, — я бы хотела обсудить детали. Наедине.

— Конечно.

— Простите, — поникли плечи брюнетки. — Я... Мне, — закрыла руками лицо и расплакалась. — Пойдите! — вскинулась, вытерев слезы. — Да, я согласна! — с жаром произнесла, кусая губы и сжимая кулаки.

— Предлагаю не торопиться. С причинами, давящими на ваш ответ, разберемся чуть позже, — мягко ответил, пока истерика не набрала обороты. — Предлагаю прогуляться и прямо сейчас задать интересующие вас вопросы, — обратился к блондинке. Имена надо их узнать, все никак не интересовало. — У вас будет время успокоиться для конструктивного диалога, — ответил шатенке, мысленно списав ее со счетов. Мы все решим, — твердо пообещал ей.

— Хорошо-о-о-о! — облегченно разрыдалась девушка.

— Велдон, — шепнул секретарю, тихо стоявшему в углу. — Вас проводят, — уже более громче. — Прошу, — указал на дверь блондинке. — Не возражаете пройти к океану?

— С удовольствием, — улыбнулись губы, глаза оставались задумчивы.

В доме капитана

Служанка с круглыми глазами тихонько сидела в уголке, боясь метаящийся по комнате ополоумевшей девицы. Как есть, заразил ее капитан, теперь и мается! Но ничего, господа все знают, да воздадут по заслугам ироду. Пока же, нужно держаться подальше. Кивнув самой себе, служанка прижавшись спиной к стене быстренько перебежала в дальний угол, забившись между шкафом и занавеской.

Девица не заметила движения, продолжив лихорадочно бубнить себе под нос, бешено вращая глазами. Периодические возгласы и резкие остановки заставляли служанку

вздрагивать и крепче сжимать зубы. Откуда глупой знать, что невеста гоняла и так и эдак предстоящий разговор, подбирая самые лучшие аргументы. Откуда знать невежде о том, как не сладко живется восьмой дочери! Пятая жена все рождает и рождает, отец укрепляет связи. Наследника никто не трогает, первых трех сыновей — опора отца. Помрет один, есть еще два. Старшие сестры давно пристроены кто за богатого соседа, кто за высокопоставленных аристократов.

Предпринимательская жилка отца позволила тому подняться из грязи, сколотить состояние и уютожить четверых жен.

Выбор у Джоан был воистину невелик: за старика, нового партнера отца, или за капитана с дурной славой, да еще и с проклятием, обнаружившимся по приезду.

Разрыдавшись, девушка бессильно упала на пол, сжавшись калачиком.

— Не пойду за старика! — провыла она, засунув в рот кулак.

Старый, хромой и жестокий. Поговаривали, исключительно шепотом, предыдущие жены умерли от ревнивых побоев мужа. Отцовские наставления не оставляли вариантов:

— Повезло тебе, девка, — довольно облизнул тонкие губы. — Почитай, свадьбу почти сыграли. Да слушок прошел интересный... Дураком быть — не согласиться. Чую, дело темное. Но породниться с самим... Твое дело маленькое: очаровать, — грозно процедил глава семейства. — Без кольца на пальце не приезжай. Поняла? — рявкнул от души. — Жених сговоренный оскорблен отказом, да обещался ждать — сильно приглянулась. Сама понимаешь, на тебе и отыграется, коли назад воротишься, — неприятно усмехнулся и махнул рукой, выгоняя дочь.

Страх перед капитаном был настолько велик, что Джоан не могла держать привычную маску на лице. Даже «да» удалось выдавить не с первого раза. Элиз, вторая невеста, та еще змея, имела все шансы выгодно устроиться. Холодная и расчетливая, лекари все такие, умела расположить к себе, вытягивая из знакомства максимальную выгоду. Тяжко выдохнув, Джоан смирилась. Лучше сброситься со скалы, нежели молить об избавлении, терпя издевательства мужа.

Девушка подскочила от тяжелых ударов, сотрясающих дверь.

— Это конец, — опустошенно прошептала Джоан. — Войдите, — каркнула сорванным голосом.

Злой лекарь ворвался в покои, глазами прошелся по невесте, подметив все детали.

— Обидел? — прорычал, еле сдерживаясь.

— Нет, — отчаянно замотала головой девушка. — Он обещал помочь! — сама не зная почему, воскликнула бывшая невеста. Возможно, ей просто хотелось верить в лучшее?

— Что произошло? Почему вы плачете? — уже более мягко, капая в воду капли из пузырька, выуженного из сумки, висящей на плече.

Стуча зубами об край предложенной чашки, девушка, заикаясь и захлебываясь, коротко пересказала события, умолчав о своих страхах.

— У Джонатана не осталось шансов, — зло процедил лекарь, сжимая пузырек с зельем.

Девушка испуганно посмотрела на него, поняв о чем он. Ну конечно, ей же говорили, что лекарь один из самых преданных друзей капитана. Вот бы и у нее... были друзья, хотя бы один. Друг.

— Не печальтесь, — осторожно положила ладонь на его кулак. Зелье было отменным — сразу начало действовать. — Элиз выгодна эта партия. Она согласится, но прежде выторгует самые лучшие условия.

— Почему вы так уверены? — очнулся от раздумий молодой мужчина.

— Дело пахнет свободой и большими деньгами — то, чего жаждет Элиз, — печально улыбнулась девушка.

— Отчего вы не согласились на... столь щедрое предложение? — прищурился лекарь.

— Я боюсь, — прошептала Джоан. — До трясушки... Посему, будьте уверены, свадьба состоится. Она своего не упустит.

— Хорошо бы, — печально улыбнулся Велдон, поклонился и ушел.

Служанка дышала через раз, молясь всем богам, чтобы ее не заметили. Столько информации, только бы суметь донести! И правильно выбрать получателя.

Последние силы лекаря ушли на то, чтобы сохранить на лице видимость спокойствия. Стоило выбежать на задний двор, как маска спала, давая выход ярости. Подумать только, осталась одна невеста! Одна! Джонатан почти на краю! И из всех вариантов выбор пал на кого?! «Она своего не упустит...», — всплыло в голове.

С упоением отдубасив стену, Велдон устало прислонился лбом к теплым деревяшкам. Времени не осталось. Душа разрывалась на части. Надо что-то делать. Страх, злость, боль, отчаяние и долг боролись в лекаре, терзая изнутри.

— Велдон, что случилось? — слабый обеспокоенный голос заставил испуганно обернуться, чтобы узреть... Любу, сидящую чуть в отдалении.

— Это все ты! — вызверился лекарь, подскакивая к женщине, пыша злобой и негодованием. — Из-за тебя он не мог нормально выбрать подходящую невесту! Все путалась под ногами, строя из себя невинную добродетель! — обличительно тыкал в нее пальцем. — Сама то?! Коварнее остальных будешь!!! Глупые девки честно лезли к нему в постель, но неееет, — издевательски протянул обозлившийся мужчина, — Люба решила пролезть в самое сердце!! Какая молодец, повысила ставки! — проорал ей в лицо, приблизившись нос к носу. — И что?! У него осталась одна кандидатка! Одна!!! — рывкнул, топнув ногой. — Что он будет делать, если и она откажет!? Все из-за тебя! — ноздри затрепетали, учуяв знакомый ненавистный аромат.

Не церемонясь, он полез в вырез женского платья, больно заломив руку, попытавшуюся его остановить. Вторая рука треснула смачную пощечину, оставившую алый след на бледной щеке...

Озверевший Велдон не обратил внимание на какую-то пощечину, нашел, что искал, и, победно оскалившись, отскочил, крепко зажав в кулаке искомое. Люба, оцепенев от страха, осталась молча сидеть на месте. Ее картина мира снова наклонилась на бок, грозясь разбиться. Подбородок дрожал, но еще сдерживал рыдания, рвущиеся наружу.

— Вот! — воскликнул, кипя праведным гневом, потрясая в воздухе мазью. — Возомнила себя великим лекарем! Еще имела наглость прикрыться моим именем, тестируя на капитане неизвестного состава продукт! Ты в своем уме, баба?! — захлебнулся негодованием мужчина. — Кто бы разгребал последствия, начни он умирать от этого дерьма?! Я, твою мать! Но я слаб, слаб! — орал, покрасневший от ярости мужчина. — Болезнь неизвестна! Мы не можем ей противостоять, только сдерживать!!! — засунул трофей за пазуху. — Знай свое место, кухарка!!! Ему стало хуже из-за твоей сраной мази!!! Не подходи к нему, поняла!? Иначе...

Окончание фразы осталось недосказанным. Тело Велдона полетело на землю от сильного удара. В проеме застыл обескураженный охранник, переводящий дикий взгляд со

старухи на поверженного лекаря. Травница давила тяжелым взглядом. Осанка, широко расставленные ноги, поза перед броском и крепко сжатые кулаки говорили громче любых слов. Люба заторможенно подумала, что старуха тоже не та, кем прикидывалась. Все вокруг обман. И так горько стало ей от этой мысли, что плотина, сдерживающая слезы, не выдержала. Мокрые дорожки полились по щекам.

— Пшел вон, — сквозь зубы прошипела старая женщина. — Я все вижу, усек? Не подходи больше к ней, рука не дрогнет. А коли жить хочешь... разберись в себе.

Лекаря отбросило на пару метров, больно приложив головой. Несмотря на это он вскочил, оскалился и пригнулся, готовясь атаковать. Старуха странно усмехнулась и подложила всем свинью — легким движением руки откупорила тошнотворный пузырек. Велдона скрутило пополам, Любу сразу вырвало, охранник упал. Сверху послышались горестные завывания.

Люба пришла в себя, сидя на земле. Травница протирала ее лицо. Велдон испарился.

— Я жажду объяснений, — требовательно выдала Люба. — И про силу свою не забудь...те.

— Легко, — присела рядом старуха, улыбаясь. Подставила лучам света лицо с закрытыми глазами. — Выдали замуж меня поздно, берегли. Очень неудачно надо сказать — дети не получились. Три беременности — все мимо. Супружник стал пропадать, другую нашел. Так и жили: он гулял, я держала лицо. Привел как-то мальчика лет пяти и говорит, дескать дорогая, прими и полюби, как своего. С ними няня — любовницу в дом привел, не постеснялся. Магия внутри взбунтовалась, воздушницей была сильной. Ну и приложила муженька разок-другой об стены. Хорошие стены, каменные, — злорадно ухмыльнулась. — Поломала костей. Как орал супружник, аж стекла трещали! Ну и змею разок приложила. Любил он ее. А я его. Вот так... Пока их выхаживали, я по комнатам металась. Родители отказались помогать. Вышла в сад, а там деть их... Глазищи на мокром месте, сидит. Уйти хотела... Как вцепится в ногу: «Не бейте маму, пожалуйста! Лучше меня, я мужчина, выдержу!» — шмыгнула, отвернувшись. — Зажмурился и ждет, опустив голову. Бить значит пора. Тут уж сама понимаешь, — глухо выдохнула, — злость закончилась. Вещи собрала, сундуки — золото. Любовно разойтись предложила: несчастный случай, карета с обрыва, концы в воду. Согласился. Далеко уехала, только уязвленного самолюбия не рассчитала. Через пять лет из несчастного случая настоящий случился, артефактов навешал, мага пригласил. Еле выжила, выгорела, сил на доньшке осталось. Села на корабль и уплыла. На шее всегда мешочек золота висел, как чуюла. Слонялась неприкаянной, травница та меня встретила, чью корзинку признала. Обучила ремеслу, матерью второй стала, так и жили. Не стало ее, совсем обзлилась. Тебя встретила. Позвала, я и пошла. Весь рассказ.

Зарёванная Люба крепко обняла старую женщину, искренне сочувствуя.

— Все будет хорошо, — пообещала, шмыгая в плечо.

— Ну хватит, — травница неловко похлопала женщину по плечу. — К Велдону не подходи. Дурной он. Поняла? — оторвала всхлипывающую Любу.

Та лишь кивнула, пряча глаза.

— Откуда только впечатлительная такая взялась, — горестно вздохнула травница.

Джонатан Мюррей

Взгляд скользил по улочкам. Словно приболевший, но уже идущий на поправку питомец, городок оправлялся после нападения. К вечеру будет готова каменная стена,

опоясывающая надежным кольцом, в том числе и от океана. Мало ли...

Присел на сваленные в сторонке кучу бревен, согнув одну ногу в колене, положил на него подбородок. С завтрашнего дня возобновятся работы по восстановлению. Вырастут новые дома, починят ограды, приведут в порядок участки. Перевел взгляд на землю — улицы замостят камнем. Жизнь вольется в привычное русло.

Было решено освежить улицы, высадив молодые деревца, кусты зелени и цветов. Появится сквер со скамейками и дорожками для культурного отдыха, небольшая сцена и два яруса сидений для концертов раз в тую.

Жаль, что все это будет после меня...

Это ли не гордыня — желать вкусить сладость своих трудов?

Столько сил, терпения вложено, времени, возможностей. Огляделся... Да. Ни о чем не жалею. Здесь останется частичка моей души, пусть и незримо.

Глубоко вздохнул.

Невеста, аккуратно подбирая слова, пробовала разные подходы: трепетная лань, несправедливо притесненная дочь, общественный деятель. Ручейки слов гармонично переливались друг в друга, пытаясь нащупать отклик с моей стороны. Это утомляло, о чем и сообщил, попросив перейти к делу. Тогда девушка, отбросив притворство, четко обозначила свои нужды. Права на ребенка будущая мать готова была передать, заранее подписав бумаги. По началу такой подход возмутил, но через пару минут принял, как наилучший исход.

— Дом в столице — да. Семейный не отдам.

Элиз поморщилась, но согласилась, обозначив желаемый район проживания, количество этажей и размеры примыкающего участка. Раз за разом она возвращалась к попыткам увеличить сумму отступных, сетуя на необходимость строить жизнь дальше.

— Это последнее предложение, — нахмурился после третьей попытки.

— Хорошо, — покладисто кивнула девушка, сжимая губы в тонкую линию.

Больше всего она вождедела... свободу. После рождения наследника Элиз отказывается от опеки над ребенком в пользу бабушки, сохраняет вдове положение и независимость от любых притязаний обоих родов — мой свадебный подарок.

В свою очередь обозначил условие, согласно которому наследник должен быть жизнеспособным, дееспособным и здоровым. При необходимости, ей придется лечить и всячески содействовать, если ребенок будет иметь проблемы вплоть до двадцати лет. Получив твердый отказ, поклонился и посоветовал собирать вещи, развернувшись в другую сторону.

— Я согласна, — прозвучало в ответ.

Условие расширилось: приветливость и доброжелательность до окончания своих дней, всяческое изображение из себя любящей матери при необходимости контакта. Причина отдельного проживания — серьезные опасения заразить неведомой хворью, которая может остаться в ней после исполнения супружеского долга.

Негодующий взгляд был мне ответом.

— Но тогда я буду не свободна, а это главное условие моего согласия! — негодовала девушка.

— Если вы настаиваете, в таком случае следует....

— Согласна на предыдущее уточнение и только! — скороговоркой выпалила Элиз, верно истолковав мой настрой.

Природная изворотливость будущей жены искала бреши и щели, оттого я потребовал

принесения обоюдных клятв и подписания магического договора. Элиз попросила заранее ознакомиться с магическим договором, прежде чем его подписать, прямо заявив, что опасается появления новых пунктов. После краткого обсуждения оставшихся деталей, девушка счастливо выдохнула, сияя настоящей улыбкой.

— Неужели у вас такая тяжелая жизнь? — решил любопытствовать, желая понять ее мотивы.

— Я хочу быть независимым человеком, а не бесправной вещью, молча исполняющей прихоти будущего хозяина, — окаменела лицом Элиз.

— Договор действителен в полной мере только при условии появления наследника на свет.

— И он будет, — мрачно заверила девушка.

Удивительно расчётливая особа. Для моего положения это огромный плюс. В противном случае... А его нет.

Надо жить настоящим.

Успех соглашения должен был принести удовлетворение, если не радость, на деле дурное настроение разыгралось не на шутку. Все не так, как должно был быть. Искажено, противоестественно, горько.

Сожаление о несбыточном камне тащило на дно в пучине злости.

Имеем то, что имеем и никак иначе.

Раздался треск. Недоуменно обернулся по сторонам и только потом сообразил взглянуть вниз — на ногах отросли когти, прорезав дыры в добротных сапогах. Придется снова пригласить шатенку в кабинет, надо скрыть... новые украшения. Раз уж обещал помочь.

Джоан, невеста номер два, смогла успокоится, пока торговался с Элиз. Встретил гостей сидя за столом. Довольная мама сопровождала бледную девушку. А как же, приличия теперь следовало соблюдать! Невеста сговорена. Не сомневаюсь, что Элиз подробно пересказала условия соглашения дабы максимально отвести от себя внимание. Прямо с порога.

Осветив свое незавидное положение, Джоан уставилась на меня глазами полными надежды. Она была искренна и сейчас, и до этого, вела себя более чем прилично. Мама, сидя в углу с открытой книгой в руках, медленно опустила ресницы, когда перевел на нее взгляд.

— Джоан, есть ли у вас... дорогой сердцу человек, которому вы небезразличны в той же мере? — следовало прояснить этот момент. Иначе рисковал осчастливить, да не в ту сторону.

— У меня нет возлюбленного, — еле слышно прошептала девица, опустив глаза в пол. Лицо окрасилось в ярко алый цвет.

— Если есть соображения — не стесняйтесь, — очень хотелось побыстрее закончить эту историю. Силы на поддержание маски спокойствия давно ушли в минус.

— Возможно, — сжалась в комок девица, — вы согласитесь зачать бастарда? На случай, если Элиз... потерпит неудачу.

Весь вид сидящей напротив говорил о неприятии собственных слов. Мама же, наоборот, оживилась. Возбужденно горящие глаза выражали крайнюю степень согласия. Ей осталось только закивать.

— Вы же не хотите этого.

— Простите, — побледнела Джоан, трясась всем телом. — Я... Не вернусь домой Никогда. Ни за что. Уж лучше быть опозоренной, чем за того... Он убьет меня, как

предыдущих двух, — горько прошептала девушка.

Мать раздраженно захлопнула книгу, кинув на пол, поджала губы и отвернулась в сторону. Отказываться от бастарда она не желала, но знала, что я не соглашусь. Девушка вздрогнула от резких звуков, сжавшись еще сильнее.

Почему бы не захватить чужой камень, уже опускаясь на дно?

— Джоан, соберитесь. Решается ваша судьба, — девушка, закусив губу, решительно посмотрела, готовая ко всему. — Незачем ломать и вашу жизнь, — ее брови полезли наверх. — Спрошу только один раз: есть ли мужчина, с которым бы вы захотели разделить жизненный путь?

Мать вскочила, раздраженно фыркнув, и нехотя уселась обратно, сцепив руки в замок.

Джоан зажмурила глаза и выпалила имя, покраснев на всех открытых участках кожи.

Я улыбнулся.

— Вы должны понимать, что желание должно быть обоюдным, — она кивала, не открывая глаз. — В противном случае нам придется подобрать кого-то другого.

— Уповаю на вашу мудрость, — вскочила и отвесила поклон до земли. — Главное, чтоб человек был хороший, добрый... и не старый, — сглотнула девушка, не разгибаясь.

— Все, иди давай, — не выдержала мама, вытолкав ее за дверь. — Тут жди. Присмотреть! — рявкнула на охрану, захлопнув дверь. — Джонатан, дорогой, — язвительно начала мать, — мы теперь покровители всех сирых и убогих? — судорожно вцепилась в спинку стула. — Скандал на скандале, — закатила глаза. — И все мне! Возможно, ее предложение...

— Нет.

— Хорошо, — выдохнула сквозь зубы. — Но на кой нам брат за нее ответственность!? — вперила испепеляющим взглядом.

— Потому, что я могу себе позволить, как окончательно спятивший правитель этого куска земель. Ты — пострадавшая сторона. Вали все на меня, мертвецам нет дела до негодования живых.

— Хватит!!! — затрясла головой мама, закрыв ладонями уши. — Хватит говорить об этом так, будто ты уже..., - вылетела, оглушительно хлопнув дверью.

Треснул кулаком об стол. Всем вокруг тяжело, а мне, значит, легко?! Вдох, выдох. Надо успокоиться. Послышался стук. Руперт недоуменно смотрел ушедшим вслед, придерживая дверь в коридоре.

— Чего это она?

— Мы не пришли к согласию, — не весело хмыкнул. — Все знают?

— Ага, — кивнул друг, входя. — Когда?

— Невеста попросила завтра, если здоровье позволяет.

— А оно позволяет? — обеспокоенно уточнил визави.

— Конечно, мы же еще не пили! — подмигнул ему.

Руперт хохотнул, утирая выступившие слезы. Будем считать, это от шутки.

— Буду скучать, — с тоской прошептал друг.

— Так я всегда буду рядом. Просто, немного на расстоянии.

Следовало срочно выпить. Чем и занялись, со временем переместившись в погреб моего дома. Распевая похабные песенки, вспоминали события минувших дней. Напоив друга до нужной кондиции, вытряс ответы на пару вопросов и, жутко довольный собой, выцепил обещание.

Один из солдат упал, но быстро вернулся в строй.

Тело капитана прошили вздувшиеся черные вены, грозя разорвать плоть. Массивная челюсть выдвинулась вперед, огромные длинные зубы торчали из открытого рта. Он часто дышал короткими вздохами, словно загнанное животное.

Упав на колени, лихорадочно вытаскивал трясущимися руками все, что было в походной сумке. Отправив сопровождающего вниз, четко сказал, что надо взять из запасов.

Цепочка действий быстро выстроилась в голове.

Так бывает. Люди ссорятся, мирятся, ошибаются... но остаются друзьями.

Подбежал к помощникам и влил в каждого из них по два зелья: повышенной регенерации и силы. Надеюсь, не пригодится.

— В случае провала — зачистить угрозу. Зараза не должна покинуть помещение. При необходимости все сжечь... Мы все в расход, — невесело хмыкнул.

— Принято, — глухо отозвался один из парней.

На меня смотрели два глаза, пока я вливал в себя зелья фиал за фиалом. Один человеческий с нормальным строением. Второй чужой. Черный зрачок пульсировал то сужаясь до крохотной точки, то увеличиваясь, затмевая белок.

— В...лдн...Уб..й...м. ня, — с трудом прохрипел Джонатан, вывалив наружу от усилия удлинившийся язык.

Острые когти на руках и ногах прятались и вырастали обратно. Черный шрам разросся по всему лицу. Плоть страшно вздулась на месте нагноения.

— Кого задело? — обеспокоенно оглядел присутствующих.

— Никого, — ввалился запыхавшийся посыльный, передавая необходимое. — Он сам нас растолкал, притащил цепи и велел срочно связывать, чувствовал скоро начнется, — сглотнул ком.

Меня связали за лодыжки, фиксируя конец через ножки кровати. Удавку на шею пропустили через изголовье.

— Передайте... А впрочем нет. Мы ведь справимся? — спросил беснующегося на кровати.

Крепко зажав зелья, навалился на Джонатана, заметавшегося с удвоенной силой. Челюсть клацала, стараясь оттяпать мне руки. Минус один палец, все зелья внутри. В большей своей степени. Полный резерв вылетел в трубу. В прошлый раз помогло, поможет и в этот...

Потянул часть заразы, сцепив зубы. Капитан оглушительно рычал, его тело била дрожь, будто жарило невидимой молнией.

Захрипев, упал на свирепствующее тело. Внутри полыхало и разрывало на части. Огромная доза снотворного подействовала безотказно — вырубил в момент.

После отключки Велдона

Джоан спряталась в храме и рыдала, сидя на коленях. Сложив руки в молитвенном жесте, она раз за разом просила богиню-хранительницу помочь капитану. Деревянные лики не отвечали.

Послышались торопливые шаги. Девушка не стала оборачиваться. Чужая рука ощутимо встряхнула за плечо.

— Хочешь свое долго и счастливо? — строго прошептала бледная Элиз.

Джоан глупо кивнула, ничего не понимая. Встала и побежала, ведомая чужой

решительностью.

— Там что-то происходит, — бормотала под нос Элиз, буксируя девушку в нужном направлении. — Чувствую, что должна там быть. Понимаешь? — остановилась и спросила. Раздраженно поморщилась, глядя на отрицательные покачивания, и вновь продолжила забег. — Даровали же боги... Не знаю почему. Я же лекарь, а не предсказатель, — размышляла вслух. — Значит, кому-то в доме нужны мои способности. Давай, дорогая, — Джоан грубо встряхнули, — подыграй... Это обманное зелье, — нехотя выдавила, — ощущения не из приятных. Потерпишь. Иначе не пустят, — зажала пузырек в руках.

— Нет, — мелко задрожала Джоан, заламывая руку, пытаясь вырваться из железного захвата. — Сама пей! — истерично завизжала.

Хлесткая пощечина заставила девушку умолкнуть, из глаз покатались слезы. Больно оттянув за волосы, Элиз приблизилась нос к носу:

— Потому что ты, трусливая душонка, не сможешь протаранить кордон и протащить нас в дом, а я смогу! — проорала прямо в лицо. — Стною, — ненавидяще процедила сквозь сжатые зубы. — Не доедешь до корабля. Пей! — властно скомандовала, приложив пузырек к губам.

Джоан, обливаясь слезами, послушно выпила. Практически сразу закружилась голова, мысли путались одна за другую, словно заплетающиеся ноги пьяницы. Вместо возмущения раздалось бессвязное мычание. Девушка обмякла, но не упала, крепко прижатая к горячему телу и почему-то холодным рукам. Последнее вызывало особенное недоумение.

Лицо приобрело землистый оттенок, губы окрасились в синюшный цвет, замедлилось сердцебиение. По всем признакам бывшая невеста готовилась отойти в мир иной.

Элиз кожей ощущала, как утекает драгоценное время. Истерику разыгрывать не пришлось, эмоции били через край:

— Помогите!!! — ввалилась в ворота запыхавшаяся девушка. — Она почти не дышит!! Лекаря, срочно лекаря!!! — покачнувшись под тяжелой ношей, Элиз запнулась и больно упала, испачкавшись в грязи.

К ним тут же подскочили ближайšie мужчины. Двойное кольцо из солдат с оружием на изготовке молчаливо стояло вокруг особняка. Суровые лица безэмоционально наблюдали за развернувшимся представлением. Невеста тоскливо взвыла, упав на колени, исступленно стуча по земле. Это конец. Ей не прорваться... Надежды нет... В груди развернулись холодные щупальца будущей потери.

— Пустите! Да пустите же! — сквозь вату в ушах прорвался звонкий голос.

Элиз неверующе подняла голову. К ним пыталась пройти... Люба?! За ней маячили травница и помятый Руперт.

— Пропустить! — рявкнул последний... и это подействовало.

Люба

Подскочила на кровати от шума. Прижимая одеяло к груди, пыталась сообразить, что происходит. Дверь отворилась, являя простоволосую старуху в чужом халате, накинутом поверх ночной сорочки:

— Капитану плохо!

Быстро одела первое попавшееся платье и поспешила наверх за травницей. Не давая себе времени думать, переставляла ногами. Дойду и там решу. Левая, правая. Лестница.

Левая, правая.

— Вон!!! — воскликнули спешащие мужчины, обгоняя нас.

— Увести!! — не своим голосом прорычал капитан, показавшись в проеме комнаты, сжимая цепи и косяк.

С шумом хлопнула дверь. Его вид каленым железом отпечатался в голове. Наспех одетых невест выводили из комнат. Приблизился один из мужчин.

— Приказ, — пожал плечами, извиняясь.

Поднырнула под руку и побежала. Вниз, за зельями! Старуха нагнала позже. Не знаю, что она сказала или сделала — нас не трогали. Ухватив за платье, потянула на кухню:

— Варим мазь и взвар!

— Но у меня нет трав!

— У меня есть! — рявкнули в ответ. — Разводи печь!

Громко стукнула корзинка об стол. Линия толи горы, толи спуска на боку. Внутри — необходимые компоненты. Удивленные брови. Мои.

— Отложила половину, — коротко пояснила старуха... и застыла, округлив глаза, когда я подскочила и счастливо расцеловала в обе щеки.

Более не отвлекаясь, споро занялись делом, периодически вздрагивая от раздающихся звуков. Я порезалась бессчётное количество раз — нож в руке вихлял хвостом рвущейся к воде только пойманной рыбы. Слезы капали и капали вниз.

Вторая попытка эвакуировать кухарку и травницу оборвалась на подлете — увидели приметный фиал вони. Обозвав дурами, ушли. Дверь хлопнула, закрывшись, и снова открылась, слишком много приложили сил. В кухне хорошо были слышны все звуки: топот бегущих туда-сюда ног, ор, бранные слова.

— погоди, — морщинистая шершавая ладонь остановила, когда все было готово.

Закрутившись, не сразу поняла, что вокруг царила оглушающая тишина. Минут пять просидели неподвижно. А потом...

Шорк. Бух. Шорк. Бух.

Страх сковал внутренности. К нам приближались тяжелые, медленные шаги. Старуха захлопнула дверь, отобрала тесак и встала впереди, загородив собой. Судорожно вдохнув, выставила вперед крепко зажатое оружие и вонючку.

Прямоугольник дерева начал движение...

В пальцы легла рукоять сковородки. Открывающаяся дверь распахнулась рывком.

Еще никогда я не была так рада видеть... Руперта!

— Что за похоронные лица? — угрюмо поинтересовался мужчина с бодуна. — Пить, — попросил, упав на стул.

Старуха упала рядом с ним. Мелко подрагивающие пальцы выдавали пережитое волнение. Она уставилась негодующим взглядом. Грохнулась кружка об стол, чуть выплеснулось содержимое, оставив мокрые разводы. Часть выпил, часть плеснул в лицо, после проведя ладонью сверху вниз.

— Я из погреба. Рассказывайте, — нещадно дыхнул перегаром. — Понял, — кивнул, услышав краткий рассказ. — Здесь только одна дверь. Идите к выходу на веранду. В случае чего парни задержат, успеете убежать, — порывисто встал и быстро ушел мужчина.

Послушав совета, взяли мазь и взвар, переместившись к выходу. Через открытые двери увидели выстроившихся солдат. Через некоторое время, пока мы спорили, что делать, на улице послышались завывания невесты. Бросив все, побежали к парадному крыльцу.

Увиденное поразило. Следовало срочно помочь девушке, но нас не пускали.

— Пустите! Да пустите же! — повисла на руке упрямого мужика, не дающего пройти.

Топот ног, сзади рявкнул Руперт:

— Пропустить!

Все пришло в движение. Девушку и завывающую Элиз внесли в дом. Строй сомкнулся. Наверняка, это разумное решение.

— Что с ней? — грубо спросила старуха, нахмурившись на невесту.

— Зелье, — отмахнулась мигом собравшаяся девушка. Достала пузырек, приоткрыла рот, находящейся в беспамятстве, и повернулась к нам. — Скоро очнется.

Рядом выругались. Оказалось, кроме Руперта тут присутствовал секретарь и незнакомый мужчина. На потемневших лицах крупными буквами горело: дуры. Уверена, это касалось всей женской половины, так или иначе оказавшейся в доме.

— Я лекарь, — выпалила блондинка. — Мне надо туда! Я чувствую, как тянет невидимая нить. Понимаете? — схватила Руперта за руку, тряся, не в силах остановиться.

— Не понимаю!! — вырвался мужчина. — За какой бездной вы сюда приперлись! Пошли вон!! Это вам не игры! — схватил ее за плечи, тряся и краснея от злости. — Мало мне тут малохольных, да?!! — отшвырнул, делая шаг назад.

Пока он думал, Элиз подскочила ко мне, ничуть не обидевшись на такое отношение.

— Мне надо вверх! Сейчас! — стучала зубами девушка, впившись ногтями в мою ладонь.

Травница обошла по кругу взвинченную девицу, кидая нечитаемый взгляд, нахмурилась и от души треснула, вынуждая отцепиться. Элиз зло уставилась на обидчицу, открыв рот для оскорблений. Резко отвернувшись, старуха мягко коснулась Руперта, привлекая внимание:

— У нас особая мазь и взвар. Девица усилит действие. Хуже не будет...

— Пожалуйста, — попросила, подойдя с другой стороны.

Да, это подло и низко, давить на чувства, но другого варианта сейчас не было. Мужчина опустил взгляд на мои пальцы, касающиеся его тыльной стороны руки, смежил веки и произнес:

— Обещайте исполнять приказы.

— Да, — слышались ответы.

— Что вы их слушаете? — возмутился незнакомец, размахивая руками.

— Даже не пытайся, — обреченно покачал головой секретарь. — Бесплезно! — выдал народную мудрость и обернулся к нам. — Я с вами. Ты пригляди за ней, — указал на лежащую девушку, внешний вид которой стал заметно лучше.

— Велдон дал приказ! — ощерился парень в сторону говорившего. — И я никого...

Договорить он не смог, мешком осев на пол. За ним обнаружилась никем не замеченная старуха.

— Пусть поспит — пожала она плечами.

Под изумлённые взгляды, Элиз высоко задрала платье, выворачивая наизнанку подол, являя на всеобщее обозрение с десятков кармашков, топорщившихся от содержимого. Надбровные дуги на наших лицах сделали немыслимый рывок, практически слившись с волосами.

— Исцеление, — вытаскивала по одному, — кровоостанавливающее, снотворное, яд

слабого действия, противоядие, малое восстановление резерва, нюхательные соли. Зелье чесотки, забывчивости, плохого настроения, роста волос. Все, — поправила юбку обратно, подняв глаза в ожидании.

— Кхм-м, — прокашлялся Руперт, оттянув ворот.

Морщинистые пальцы уже порхали над ассортиментом, забирая необходимое.

— На всех платьях так? — недоуменно спросил секретарь, не в силах оторваться толи от стройных ног, толи от тайны женского коварства.

— Нет, конечно. Это — тревожное платье, — отмахнулась Элиз, словно услышала глупость.

— Кто варил? — уточнила старуха, принюхиваясь к открытому пузырьку.

— Бабушка.

Травница кивнула. Более не задерживаясь поспешили наверх, по пути принеся Руперту клятву о неразглашении. Внутренне приготовившись к возможному неприглядному зрелищу, все одно оказались не готовы.

На широкой кровати рядышком лежали два тела руки по швам. Фиксирующие цепи и угрюмые стражники дополняли антураж. Капитан взял первое место в номинации «худший вид», Велдон старался не отставать. Было видно, что лекаря потрепало сильно. Очень сильно...

Внутри кислотой разливалось сочувствие и боль. Подобные чувства испытывала не я одна. На застывшем белой маской лице краснели немигающие широко открытые глаза Элиз. Сделав хриплый вдох, она, сжав кулаки, решительно двинулась вперед. Секретарь, пытаясь скрыть обуревавшие чувства, заботливо поправил постель, подложил подушки под головы и отошел открыть окна.

Новоявленный лекарь заставила функционировать организм Велдона, влив в бессознательное тело кровоостанавливающее, малое восстановление, повышение регенерации. На большее количество не решилась. Положив подрагивающие руки на лоб, Элиз щедро делилась силой. Эффект не заставил себя ждать: кожа пациента приобрела здоровый вид, на щеках заиграл румянец. Будто мужчина просто прилег поспать. Срастить палец так и не получилось...

В это же время оставшиеся занялись начальством: споро сняли рубашку, обрезали брюки под шорты, покрыли мазью в восемь рук все участки с черными венами. На простую просьбу повторить манипуляции с Джонатаном, Элиз неожиданно закатила истерику, категорически отказавшись вступать в контакт, обосновывая страхом заразиться неведомой болезнью в стадии обострения. Ограничилась усилением мази и отвара. По мне, так надуманный предлог.

— Стесняюсь спросить, — не смогла сдержаться, — как пройдет свадьба, если ты так боишься заразиться?

Ответа мы не услышали — девушка стремглав бросилась в уборную. Ее вырвало.

— Охохонюшки, — запричитала старуха, поднимая взгляд к потолку, — беречь себя надо, а не страхи думать. Невесты — народ нежный, пуцай отдохнет, пока третьей не свалилась от истощения.

Вывела под локоток девицу и увела. Секретарь пробормотал что-то невнятное и тоже вышел.

— Уважаемые, — обратилась к молчаливо стоящим все это время молодым, — они буйствуют или лежат неподвижно?

— Не шелохнувшись, — коротко ответил один, предварительно бросив взгляд на Руперта, который понял мой намек.

— Перерыв, — устало произнес, — под мою ответственность. Нужник, перекус и обратно... Чем еще помочь? — спросил Руперт, когда никого не осталось.

— Проверьте, пожалуйста, вторую невесту, усыпленного в низу и Марджери. Хорошо бы увести ее, заставить прилечь, — кивок на выход. — Побуду немного с ними. При малейшем движении — закричу, — пообещала в ответ на хмурый взгляд.

Руперт ушел. Послышалось недовольное мычание и удаляющиеся шаги. Вот и хорошо, травница даст ей успокоительного. Можно было выдохнуть, перестав хорохориться на показ. Обошла кровать, чуть прогнулся матрас, села со стороны Мюррея.

— Дурак ты, Джонатан, — наконец, можно было выговориться. Убрала пряди, прилипшие к мази на лице. Погладила по макушке. — Борись, — попросила его, нагнувшись к уху. — Ты сильный, это твоё тело, мазь уже действует, — шептала, не будучи уверенной в своих словах. — Да, трудно, не легко, но это всего лишь болезнь, — сжала его руку. — Ты самый справедливый, заботливый, умный и харизматичный начальник... И очень нужен всем нам. Элиз, матери...мне... Пожалуйста, очнись, — позвала еле слышно. — Еще жениться и трудиться над наследником. Помнишь, ты обещал! А обещания надо держать!

Чуть отстранилась, рассматривая с близкого расстояния дорогие черты лица. Крупные слезы каплями упали вниз. Невыносимо хотелось сжать его до хруста костей и одновременно треснуть сильно-сильно, выплескивая страх и отчаяние. Упрямые губы были плотно сжаты. Даже сейчас. Не знаю, до чего могла додуматься, но, услышав шаги в коридоре, поспешила встать, одернуть платье и застыть на приличном расстоянии.

Невольные тюремщики вернулись, неся с собой поднос с хлебом и водой.

— Без изменений.

В ответ кивнули, снова натянули цепи и застыли изваяниями. Хотелось на воздух, в груди застыл комок.

Через пару часов раздались радостные вопли: Велдон очнулся, черные вены на теле капитана исчезли, состояние на лице улучшилось.

Надежда на лучшее несмело тронула плечо каждого.

Велдон

Эх, хорошоо!

Глаза оставил закрытыми, дабы продлить неожиданное чувство радости внутри. Сил не было. Предшествующих событий не помнил, но твердо был уверен в их исключительной важности. Улыбнулся.

Ух, как...

— Очнулся!!! — истошно заорали рядом, перепугав до смерти.

Дернулся было встать, да шлепнулся обратно, вцепившись руками в веревку, сдавившую горло. Глянул на ноги — обмотаны цепью. Нахмурился. Обзорный взгляд не внес ясности. Покои капитана, его кровать, я на ней. Слева спящий друг. Оба зафиксированы. В комнате четыре солдата. На лицах страх и надежда.

Тяжело вздохнул. Вспомнил. Все вспомнил. Так и лежал, пока не влетел встревоженный Руперт.

— Ну? — дернул головой вперед на манер гуся, открытыми ладонями опираясь об короб дверного косяка.

— Я это. Отвязывай давай.

— Чем докажешь? — прищурился, требуя подробностей. Переступил порог, не торопясь приближаться.

— Сам напросился, — мстительно ухмыльнулся. — Года два назад на пирушке Белда бешеная наложница так тебя отделала, что лечить...

— Все!! Хватит! — завопил покрасневший Руперт, выставив руки вперед. — Это ты, — примирительно кивнул головой. — Отпустить.

Вместе с цепями ослаб градус напряжения в комнате. Стражи, молчаливо переглянувшись между собой, выдохнули. Не уходя далеко, осмотрел друга, влил немного сил, попутно выслушал краткий пересказ последних событий. Поспешил вниз. Со второй невестой Джоан было все хорошо. Поблагодарил девушку за проявленную отвагу. Марджери отгородилась от реальности, уйдя глубоко в себя. Люба с травницей позаботились: помогли переодеться в свежее, собрали волосы, покормили с ложечки. Так и сидела, уставившись в одну точку. Потерянная, далекая, одинокая.

— Приглядим, не беспокойся, — кивнула Люба, ставя миску с едой.

Кивнул, беря ложку. Старуха сидела на низкой табуретке в уголке. Пальцы ловко крутили овощи, местами покрытые комьями земли, счищая тонкой стружкой кожуру в старое покосившееся ведро без ручки. Очищенные клубни на миг окунались в плошку с водой и складывались в чан, стоящий рядом. Мокрые руки тщательно вытирались об серый передник, оставляя мокрые, местами грязные разводы. Процедура повторялась.

Меня нарочито громко игнорировали.

подавив желание облизать тарелку, мелкими глотками выпил взвар. Промокнул губы полотенцем, поблагодарил.

— Велдон, — медленно начала Люба, не зная куда деть руки. — Элиз передала тебе очень много сил, помогла с выздоровлением... В общем это все плохо отразилось на самочувствии — ее вырвало. Потрясение от увиденного могло отразиться на самосознании. Осмотришь ее, пожалуйста? Заставила выпить успокоительное, но удержать постельным режимом не смогла.

Шумно выдохнул.

— Да, конечно... Где она?

— На прогулке за домом со служанкой и охранником. Обещали далеко не уходить.

— Спасибо, — виновато поглядел на женщину. — Спасибо тебе за все, Люба, — от всей души поблагодарил. — Мне рассказали, как ты помогла.

Травница деланно удивленно посмотрела на меня. Мол, не ослышалась ли.

— Брось, — дернула плечом Люба, смахивая несуществующие крошки со стола. — Мы ж не звери какие.

Дернул головой и ушел. Переодеваться не стал. Мятый. Кого это волнует... Плеснул ледяной воды на лицо в нужнике, уставившись на стену напротив. Будто она могла подсказать решение. Капли скользили вниз. Вытерся, надо идти.

На улице было хорошо. Сияли два светила в голубой вышине. Многочисленные островки аккуратных облачков были похожи на кучки нежнейшей воздушной шерсти, разложенной обсохнуть.

Ты можешь подышать, грустить или радоваться, мир так же будет продолжать жить, трава расти, ветер дуть. Не знаю, хорошо это или плохо...

Одинокая фигура застыла, устремив взгляд на синеву непокорных вод. Подол легкого

платья колыхался рябью. Сопровождение расположилось в паре метров, не мешая. Не далеко, как же. Проходя мимо, кивнул, получив два настороженных кивка в ответ. Конечно, сейчас как накинусь на них...

— Доброго дня, — тихо поздоровался, заходя по широкой дуге, дабы не вспугнуть внезапным появлением из-за спины.

Однако, девушка все равно вздрогнула, резко повернувшись. На фоне общей бледности темные круги под глазами выделялись особенно ярко. Искусанные до крови губы припухли.

— Все прошло? — неприкрытое беспокойство.

Глубокий вдох, выдох. Маска высокородной леди накрыла лицо, оберегая истинные чувства хозяйки. От былой незащитности не осталось и следа.

— Пройдемся?

Она кивнула. Прямая спина, плечи опущены, чуть приподнят подол. Мягкая трава не препятствовала движению, радуя взор редкими желтыми, синими и красными небольшими цветками, стойко отвоевывающими право на жизнь у ветра, климата и каменистой почвы. Причудливые узоры колышущегося разнотравья сменяли друг друга, погружая наблюдателя в медитативное состояние. Казалось, и я готов чуть покачиваться в их ритме. Оглянувшись, сопровождение на приличном расстоянии шагало следом.

— Люба обеспокоена вашим самочувствием, — решил начать издали.

— Пусть беспокоится о себе, — фыркнула Элиз, сцепляя руки в замок на животе. — Я выйду замуж за Джонатана и стану свободной. Больше никто не сможет указывать, что мне делать.

— Но я...

— Не мешай мне, — сделала резкий поворот и ушла, оставив в смятении.

Люба

Мерный стук ножа об доску успокаивал. Из под широкого острого лезвия выходили ровные кучки кубиков, двигаясь вперед состав за составом, чтобы после одновременно спикировать вниз в состав будущего рагу с мясом. Не смотря на все ухищрения, старательно огибающий кое-что взгляд, забывшись, таки цеплялся краем за неподвижно сидящую фигуру. Честно признаться, готова снова раздражаться на визжащие помой слов в свой адрес, лишь бы не видеть...обреченность сдавшегося человека.

Мысли, сделав круг почета, снова вернулись к капитану. Вот ведь зараза, эта Элиз. Велдона вылечить — пожалуйста, Мюррея — боюсь, но плюшек от него получить хочу. А то, что он страдает там лежит, ее не волнует. Сжала губы. Так дело не пойдет.

С размаху вогнала нож в доску острием в низ. Задумалась, медленно вытирая руки об полотенце, выстраивая коварный план.

— Кого надоть умерщвлять? — радостно отозвалась старуха из своего угла. Вот уж локатор моего настроения, улыбнулась.

— Загонять, — поправила ее. — Мы будем загонять... дичь.

— Кто ентова дичь, милая? — быстро собралась травница, бросая все.

— Элиз.

— Наконец-то ты созрела устранить соперницу! — радостно воскликнула бабка, потрясая кулаком.

— Давай перестанешь притворяться? — попросила ее, обнимая. — Захочешь — расскажешь, нет — не лезу... Так режет уши «ентово» и «тадыть», — поморщилась.

— Я подумаю, — кисло отозвалась травница. — Чего делать будем?

Наклонилась к уху, прошептав подробности. Весело хихикая, отправились искать будущую жертву.

Положа руку на сердце, я осознавала — это плохой поступок. И последствия гарантированно будут плохими. Но лучше сделать и пожалеть, чем испугаться и потом жалеть долго, очень долго... всю оставшуюся жизнь.

Нам везло — дом был пуст, не считая нас, Мюррея и его тюремщиков. За внутренними переживаниями время пролетело незаметно. Хлопнула дверь, вернулась злоющая Элиз и, чеканя шаг, направилась в свои покои. Вошедших следом сопровождающих услала на кухню под выдуманым предлогом. Стараясь не сильно бежать, поспешила на второй этаж. Травница уже беседовала с Элиз, не давая пройти в комнаты. Девушка была на грани применения силы.

— Погоди, — попросила ее, пытаясь отдышаться. — У нас к тебе просьба.

— Люба, — включила режим гадюки аристократка, — вы забываетесь. Если капитан вам благоволит, это не значит, что вы можете так вольно вести себя со мной. Вам это ясно? Впредь, приказываю обращаться ко мне согласно статусу и положению. Начинайте собирать вещи. После свадьбы вас рассчитают. Я не намерена терпеть похождения мужа, даже если супружество обещает быть приятно не долгим, — высокомерно вздернула подбородок, толкая плечом старуху.

— Спасибо! — от всей души поблагодарила ее, улыбаясь.

— Ты идиотка? — уточнила девушка. — За что?

Ответ был не нужен, Элиз побледнела и согнулась пополам, борясь с тошнотой. Меня удивила столь бурная реакция, но мало озаботила. Наши с травницей носы заранее были защищены. Внутренне сосчитав до пяти, прикрыла вонючку травницы рукой:

— Вылечи Мюррея, как Велдона.

— Я не..., - яростно сверкая глазами начала невеста, но снова рвотный позыв прервал речь. Ответ не верный. — Дааа! — еле выдавила из себя.

Закупорила пузырек. Старуха что-то сунула ей под нос. Лицо из зеленого превратилось в нормальное.

— Ты пожалеешь, — прошипела девушка, соскребая себя в кучку. Порывисто вытерла невольные слезы и дико улыбнулась. — Кля...

— Знаю, — прервала ее, грубо разворачивая за плечо.

Везение не вечно. В любой момент могут вернуться...да кто угодно. Поджилки тряслись, фасад оставался спокойным. Авантюра чистой воды. Стражи Мюррея нахмурились при нашем появлении. Пока закрывала дверь, поганка решила воспользоваться шансом. Размазывая коровьи слезы по лицу, она заголосила:

— Помогите! — подбежала к первому из стоявших, картинно подволакивая ногу. — Они на меня напали! — четыре пары глаз синхронно уставились на нас. — На будущую жену вашего капитана! — испуганно-наивные глаза вызвали первобытное желание защитить слабого. Один из мужчин сделал шаг вперед. Забежав к нему за спину, как за укрытие, девушка быстро продолжила. — У нее...

— Пусть лечит, — уверенно шагнула вперед, скользя взглядом по лицам. — Как быстро оклемался Велдон? — мужчины переглянулись. Зерно сомнения посеяно. — Все последствия беру на себя, скажете, что опоила. И мы ее не трогали, клянусь, — дернула

плечом.

Рядом со мной ярко вспыхнуло. Солдаты угрюмо кивнули. Элиз не успела приблизиться к окну — была схвачена поперек туловища. Мужская ладонь зажала ей рот. Угрожающе выставила пузырьки. Стражи вздрогнули. Девушку отпустили по кивку.

— Влюбле-н-ная куха-а-арка, — издевательски протянула красная от бешенства девушка. — Какое клише, — выплюнула сквозь зубы, поливая тонной презрения.

Травница ободряюще сжала мою руку. Наказания за такое не избежать. Ее слово против нашего. Свидетели... Жалею? Ни капли. Она сказала правильно — я... влюблена. Дернулся глаз.

Элиз активировала жизнедеятельность организма капитана, влила заранее подготовленные зелья, со второго тычка поделилась силой. Оседающее кулем тело стало неожиданностью.

— Мерзавка! — негодуяще воскликнула подскочившая к кровати травница. — Специально выложились под ноль, чтобы нас очернить!

Невесту комфортно уложили, проверили сердцебиение. Не придумав ничего лучше, растерла каплю зелья под ее носом. Завоняло, но терпимо. Лечить мы ее не могли.

— К-капитан, — дрогнул голос говорившего.

И было от чего. Внешний вид Мюррея изменился: кожные покровы приобрели здоровый вид, пропали ужасные круги под глазами, даже шрам как будто стал меньше. Охранники переглянулись. Старший скупно обронил:

— Девушка пришла сама. Уходите.

Велдон

Чтобы не накрутить самого себя, решил заняться насущным — создать лекарство для друга. Была задета профессиональная гордость. Да что там, мужское самолюбие вопило раненной птицей! Кухарка! Ку-хар-ка... сварила мазь. Действующую. О, боги! Какой стыд...

А я?

Не пальцем деланный, дипломированный специалист. Не смог сделать ничего полезного. Костеря себя на все лады, добежал до лаборатории и крепко заперся.

Мне нужен результат!

Вспомнились тщательно забываемые эпизоды учебной жизни, робко напоминая о себе. Ритуалы на крови... Чего только не бывает на студенческих вечеринках. Высококласная самогонка способна творить чудеса, помогая решать задачи, над которыми великие умы бьются не одну сотню лет. Я еще не настолько в печали, пользоваться непроверенными голословными теориями.

Стол ломился от ингредиентов: остатки запрещенки, редкости, стандартные травы. Здоровая злость придала энергии. Стучал нож, крошились травы, корни, засушенные части тел животных, пар клубился над котелком, периодически меняя цвет, как и цвет зелий.

Хмуро осмотрел три пузырька. Два отложил, третий задумчиво крутил в руке. Не до конца изученное, разработанное и сваренное студентами на коленке для усиления внутреннего духа. Часто помогало продержаться до конца дня и не сдаться, даже когда не было сил. Особенно хорошо принять перед проверкой менталистов. А как иначе? Надо проверить каждого на лояльность короне, участие в заговорах и тому подобному. Особо одаренным удавалось скрыть крохи секретов.

Сварил не задумываясь. Возможно, это знак?

Положил в карман все три. Не абы что, так и времени нет настаивать туями, месяцами. Оглянулся, прошло всего ничего. Час, два?

Приподнятый настрой разбился вдребезги, стоило оказаться на пороге спальни капитана.

— Что... произошло? — еле вытолкнул слова наружу. Горло перехватил спазм.

Подбежал к кровати, последовательно проверил обоих и обомлел. Если Джонатану было лучше, то его невеста был на грани выгорания и не только...

— Девушка помогла жениху, как вам. Влила зелья, передачу силы не рассчитала. Мы уложили, ждем, когда придет в себя, — отчитался кто-то на задворках сознания.

Ложжшшшь... Обернулся. Спокойный решительный взгляд. Внутри булькала разгорающаяся ярость. Вдох, выдох. Не время. Резко обострилось обоняние. Они только сообщники. От лица девушки сильно пахло двумя компонентами: вонючкой и еле заметным ароматом, показавшимся знакомым. Желая подтвердить догадку, спустился на вниз.

Травница не впустила, но этого не потребовалось.

— Что случилось? — выглянула из-за ее плеча обеспокоенная Люба.

— С чего ты взяла? — постарался улыбнуться.

— На тебе лица нет! Проходи...

— Благодарю, — медленно покачал головой, смотря на напряженную травницу. — Мне надо наверх, — сглотнул и пошел обратно на негнущихся ногах.

От Элиз непостижимым образом пахло Любой. Значит, они ее заставили. Зелье вони есть только у травницы. Неужели можно быть настолько бесчеловечными?! Заставить лекаря вычерпать резерв до дна?... Зачем? Встал. Потряс головой. Ощущение, что вижу не все детали. Не могла она. Люба- хороший человек, неоднократно доказала это.

Вспомнил бледное лицо Элиз. Злость вскипела с новой силой, кипятком пробежавшись по венам. Не нужно быть таким наивным! Служанка, влюбленная в хозяина. Женское коварство не знает границ.

Я, как лекарь, должен оградить от повторной угрозы невесту друга. Зло улыбнулся, окунувшись в волны черного гнева, разливающиеся в душе.

Люба

Тихонько выглянув за дверь, одним глазом проверила местность — никого. Выдохнула, плотно прикрыла. Развернувшись, спиной привалилась к двери.

— Он все понял, — прошептала травнице.

— Да, — не добавила радости старуха.

— Что делать будем?

— Готовиться, — деловито сообщила сообщница. — Обед отдадим, стражу накормим на заднем дворе, посуду принесут с кухни. Ужин на Олафе, сама видишь, не справляемся. Вот и пойдешь, поможешь. Я тут останусь, по мелочи сделать, — повернулась как ни в чем небывало, продолжив нарезать хлеб.

— Нет, — чистая речь без народных словечек радовала уши.

— Зря. Дурит наш лекарь.

Больше ничего из нее не вышло. Разобравшись с кормежкой, прислонилась к стене на улице, наблюдая за фанатиком своего дела — парнишкой, что облагораживал землю новыми растениями. Нашептывая ласковые слова, он сидел на земле, гладил, поливал, удобрял, вливал силы и верил, верил в успех, делясь этой уверенностью с землей и зелеными

друзьями.

Хорошо, что он успел озеленить не весь сад, иначе двойное кольцо охраны попортило бы лужайку знатно.

Чувство вины внутри стучало колотушкой, стыдя за поступок с девушкой. Высоко в небе кружились птицы, щебеча и перекрикиваясь. Ну и пусть. Ладони приятно грелись о нагретую древесину. Непослушная прядь настойчиво выбивалась из-под чепца, вызывая зуд. Почесала щеку, заправила смутьянку и направилась к пареньку за советом.

Присев рядом, поздоровалась и попросила рассказать, как он пользуется силой.

— Здесь всяк по-своему творит. Сила — это ты, вы едины, как растение в горшке. Позови ее, представь росточком в ладонях, обогрей и взрасти в себе. Уж тогда сладится. То мой путь, что прошел я. Ругали, конечно, не по науке. Так и сила моя, не науки или других. Ты же, Люба, найди свой образ, другой, родной. Главное, не бойся, иначе навредить можешь, взбунтуется она.

Вот так путано и не понятно, меня посадили на землю, развернув спиной ко всем и велели искать единения. Скептическая улыбка пыталась вылезти изо рта, как плохо сложенная вещь из битком набитого шкафа сквозь узкую щелочку.

Дико хотелось взглянуть на силушку свою богатырскую. Хоть бы на ладони вот. Развернула правую руку вверх. Чуда не произошло. Да я и не ждала. Улыбнулась. Сидеть на холодном было чревато женскими болезнями, а оба лекаря точат на меня зуб. Встала, отряхнулась. На ум пришло мое варенье. Его цвет. Абрикосовый, солнечный. Подняла голову. Тут их аж два. Большое и маленькое. Закрыла глаза, тоскуя по земному теплему кругляшу привычных размеров на лазоревом небе. Волна грусти легкой дымкой появилась в иллюзорной картинке.

Мое солнце.

Привычное и понятное.

Почему бы и нет. Представила, что там в вышине, пока незнакомая, но моя магия, с которой очень хотелось бы подружиться, стать единым целым. Внутри приятно потеплело. Дар откликнулся.

Светило спускалось вниз, становясь все больше и шире. Тепло обернулось жаром. Легкая паника распушила крылья. Приближался огромный пылающий шар, грозясь поглотить глупую женщину. Смотреть было больно. Явь смешалась с вымыслом. Где мысль, где настоящее — не отделить.

—Главное, не бойся, иначе навредить можешь, взбунтуется она, — всплыло в голове.

Раскинула руки в стороны, накрывая плечи платком уверенности. Это часть меня, варенье тому доказательство.

Хватит быть чужими.

Мы едины.

— Не боюсь, — прошептала из последних сил, глядя сквозь слезящиеся глаза на застывший пожар в сантиметре перед носом. Все адски горело. Дышать было больно.

Мир потонул в ослепляющей вспышке света. Перед тем как снова отключиться, я сгорела — раскаленный шар вошел в тело.

Дом Джонатана Мюррея этот же день

Парнишка травник полыхнул, словно сухая травинка, от головы до ног. Люба, которую он науськал, встала и плашмя брякнулась вперед, как есть, лицом носом вниз.

— П..помо, — из горла выходил только шепот. — Помо....Помогиитеее!!!! — набрав побольше воздуха, орал на ходу.

Любу спешно перенесли в дом. Хвала богам, красота не пострадала, иначе гореть огнем заду мальчика — так пригрозила старуха, потрясая кулаком. И малец поверил. Вот так сразу, на слово. Уж больно грозно выглядела травница. Бухнулся на колени и выложил как духу, что произошло, откуда ноги растут случившегося. Вину заглаживал старательно. Поддай, принеси, налей, убери. Прошло всего ничего, а рубаша хоть выжимай — вся мокрая. Конечно, потеть можно со страху, но приятнее думать о своей полезности.

Выперев горе помощничка за дверь, старуха подошла к спящей. Ласково погладила по волосам, качая головой:

— Люба, горе мое, нашла к кому за советом идти. Меня надо было спрашивать, меня! Не блаженного этого.

Подпалив пучок трав, она старательно окурила лежащую со всех сторон. Дымок нехотя вился тонкой струйкой. Убрав в сторону, затушила. Взяв другой, свежей травы, обмакивала в чашу с особым настоем и бубнила под нос заклинание, стряхивая брызги в разные стороны. Много лет назад, ее наставница показала этот ритуал, велев запомнить:

— Смотри, да на ус мотай, — монотонно вещала, размеренно совершая действия. — Маги они далече, в городах крупных, до золота охочи. Помощи от них не жди. Простой люд в лесах, деревнях, коли дар проснется не к месту, сгорит али других покалечит. Кому они ко двору? Никому. Ежели чудить начнет, кидаться — бей по голове, не жалея. Бывает сами падают, как скошенные — то магия здороваться пришла. Видения у каждого свои, испытания. Неподготовленным трудно противиться, а коли слабину даст — ужо не проснется. Туточки мы подсобить можем. Слова древние, да травки нужные... Рука помощи из сердца одного войдет в другое. Там, где один, теперь уж двое. Ты дар волшебный свой прими. И в мир добро только неси, — распевала наставница, ходя вокруг тела. — Хотеть надо помочь, искренне. За вранье магия накажет — сожжет. Коли человек гнилье, али не мил — не берись. Всяко знание с умом применяй. Заговор часть силы духа твоего с каплями в тело нуждающегося проведет, подсобит справиться, выстоять.

Повторяя действия за почившей наставницей, старуха с закрытыми глазами медленно раскачивалась, выпуская за пределы физической оболочки желание помочь, силы, чтобы справиться, чувствуя, как сама стремительно слабеет. Тяжело опираясь на стол, травница выдохнула:

— Дальше сама, милая. Все получится.

Присела на стул, положила руки на Любушку, голову умостила на край и уснула без сновидений.

С небес на нее взирала недовольная наставница, подперев щеки:

— Эк тебя пробрало, малохольная! Даром что любишь, щепоть отдать было велено, щепоть! Она всю себя отдала... Учишь их уму разуму, да как в дырявое корыто. Тьфу!

Все в доме, пожалуй, и в городке, даже далеко за его пределами, почувствовали это — рождение нового вида магии, но никто не понял до конца, полагая, что появился маг с потенциально огромным резервом. Внешне носитель не отличался от слабенького рядового одаренного. Так Боги оградили росток, возлагая на него огромные надежды в грядущем будущем.

— Она сгорит, — сочувствовал мужчина.

— Эта упрямая ослица? — усмехнулась женщина, ласково обнимая мужа со спины. — Овладеет играючи! Так сильно желание вытащить свой якорь. Незнание ограничений стирает границы, муж мой.

— Мы можем помочь....

— Трудности закаляют характер, — покачала головой женщина. Обошла мужа, прислонилась спиной к его груди, тут же попав в теплый плен любящих рук. — Поможем в случае прямой угрозы, — перевела свой взор чуть в сторону. — Вот и она... Двигается на сближение.

— Смотри, сколько погублено... Есть риск, — нахмурился мужчина.

— Он есть всегда, любовь моя.... К сожалению, даже для нас...

Далеко в лесу

Черные глаза заинтересованно посмотрели в сторону шума. Только глухой не услышал раскаты грома огромного резерва, так неосмотрительно не закрывшегося щитами.

Слабак или западня.

Невозможно... пройти мимо.

Обескровленное тело некогда могучего кузнеца отлетело в сторону. Неподалеку надрывно выли, сбившись в кучку запуганные люди.

Пора двигаться, преследователи близко. Забавно, что заинтересовавший объект находится в конечной точке намеченного изначально пути. Бросив равнодушный взгляд на собранную жатву, черные глаза помчались на долгожданную встречу.

Через пару часов в разоренную деревеньку прибыло аж два отряда, движущиеся из противоположных сторон: градоначальника Белда и капитана Мюррея. В ходе короткой и бранной речи на повышенных тонах, удалось обменяться ценными сведениями.

Нападавший один, облик стерт из сознания людей — силен, гаденыш. Четыре дальние деревни, включая эту, разорены. Забрали только сильных и молодых, сбив остальных в кучу и воздействовал на умы. Штатного менталиста градоначальника несли на носилках:

— Снял. Больше не могу. Единственное, что смог вытащить: огромные черные глаза... Просплю трое суток, — заострившиеся скулы на бледном лице выглядели пугающе.

— Я не забуду, — кивнул Белд, одобряюще сжав костлявую холодную кисть.

Действуя скорее уже из упрямства с помощью стимуляторов, нежели из природных сил, подчиненный опасно приблизился к выгоранию. Менталисты были большой редкостью. Особенно неучтенные системой, возвращенные с любовью и заботой для будущих дел, преданные одному хозяину. Не королю.

Через семь минут сборный отряд, поднимая клубы пыли, скакал на выручку, истово молясь всем богам, чтобы успеть. Направление не нуждалось в оглашении. Отправленные вестники давали призрачную надежду, что Амранцы успеют подготовиться перед нападением.

— Мюррей, твою мать, — сквозь зубы шептал Белд, напряженно всматриваясь по сторонам, — даже не думай подышать, прежде чем я сам не придушу тебя... Выживи, ты только выживи...

Велдон

Леденящая душу злость, словно невидимый стержень, прошила тело изнутри, добавив плоти сил, а духу уверенности в выбранном направлении.

Осторожно влив резерв в тело бессознательной Элиз, проследил, как ее унесли в другую комнату. Пусть поспит и не мешает. Вернувшуюся служанку усадил рядом с постелью, и пообещал оторвать голову, если она хоть на миг отойдет от подопечной. Побелевшее лицо было ответом — меня услышали. Двое парней на входе в покои получили похожие инструкции.

Внутри тоненькой нитью звенело напряжение. Определить его природу не получалось, отмахнулся. Вкупе с этим зрело предчувствие скорого пробуждения капитана. Сплетя пальцы в замок, сидел возле тела. Каменными изваяниями застыли стражи. Не скрываясь, внимательно рассматривал каждого, впечатывая в память. О, нет, они не обманывались, прекрасно понимая, что это значит. Мужчинам, в отличие от баб, не обязательно говорить, чтобы понять друг друга.

Погружаясь в медитативное оцепенение, словно в бескрайние воды, я ждал. На задворках, похороненная под пяткой огромной ноги решительности, хрипела совесть. Что делают остальные в доме потеряло смысл.

В какой-то момент жажнуло магической волной. Кажется, за окном подыхала Люба. Доносились громкие крики. Ну и дура, входить в силу без наставника. Не мои проблемы.

Тягучий кисель ожидания приклеивал фигуры к местам нахождения. Когда светлая дама дня уступила владение небосводом темной подруге — капитан открыл глаза.

Джонатан Мюррей

Черные потоки неизведанного торнадо кружили по кругу, засасывая сознание с целью растворить, подчинить, уничтожить. Ярились огромные темные руки с острыми как бритва когтями, терзающими плоть и душу. Мелкой песчинкой меня бросало, подбрасывало и впечатывало во что-то твердое. Отчаянно разрывая голыми руками невидимые путы, змеями обвивающиеся вокруг рук и ног, рвался наверх, внезапно падая в темные воронки. Жутко болела голова. Во всем теле поселилась тупая ноющая боль, но я радовался ей, как родной.

Болит — еще не сломлен. Еще есть шанс.

Время бесконечной лентой вело отсчет, и я уже не знал, когда попал, сколько длится это противостояние... Жаль, не владею магией. Шепот вокруг науськивал сдать, суля золотые горы, вечную жизнь, и много всего, что смог откопать, бесцеремонно шарясь в сундуках воспоминаний.

Тонкий просвет, толщиной с волосок, пылал в недостижимой вышине. Барьер маслянистой кляксой растянул свои края где-то в середине воронки, отбрасывая обратно всякий раз, когда добирался до него.

Постепенно все потеряло смысл. Бессчётное количество раз вырывался наверх, столько же раз низвергался вниз. Воспоминания терновой нитью кололи сознание, не желая выстраиваться в полную картину. Не помнил кто я, где и зачем надо наверх. Когда измученный разум дал слабину, мелкую трещинку — мысль сдать, пришел женский голос. Он зазвучал одновременно вокруг и внутри:

— Дурак ты, Джонатан. Борись. Ты сильный, это твоё тело...

Замолкший на мгновение шепот, уговаривающий сдать, разразился руганью и, набирая обороты, перешел на визг, от которого было не скрыться. Женский голос звучал тише и рвано, но я, словно путник, старался поймать каждую живительную каплю, прерывисто стекающую в ладони.

— ... уже действует... не легко... Ты самый справедливый... и харизматичный... нужен

Элиз... и мне... жениться... ты обещал!... надо держать!

Я — Джонатан? ... Мое тело. Болезнь. Обещал жениться. Нужен. Я нужен. Женский голос всколыхнул что-то внутри, смахнул тщательно наклепленную чужую грязь обреченности, меня обожгло... любовью. Я любил?... Люблю. Все еще.

С силой оттолкнулся обоими ногами со дна, куда успел опуститься, пока слушал, а вихрь не спал, незаметно засасывая глубже, пеленая узлами и нитями. Мне надо к ней. Она ждет. И любит. Это я вспомнил сам.

И по кругу: взлеты, падения. Никогда не сдамся. Она ждет меня.

Во время очередной попытки пришла сила, наполнив все мое естество, словно вода растрескавшуюся от засухи землю. Баланс изменился. Почувствовал это и голос, утроивший напор, и темный вихрь, пустивший одновременно множество призрачных рук, единственным желанием которых стало удержать. С трудом добравшись до пленки, пластичной дряни, не желавшей поддаваться, стал рвать ее... собственными когтями, выросшими на пальцах рук. Времени думать и удивляться не было.

Только вперед. Только наверх.

Пленка визжала дурниной, словно живая. Первые прорехи отрастили зубы и впивались, замедляя удары. Соппротивление пало. Иначе быть не могло.

Ведь меня ждут.

Стутившийся ураган затмил все вокруг, желая дезориентировать, заставить сменить направление. Но я знал, куда мне надо, чувствовал любящим сердцем. Последний рывок и волосок света, словно заботливая рука крепко обвилось, вытягивая из темного болота.

Я проснулся.

9

Джонатан Мюррей

Незнакомая комната. Густой воздух звенит от молчаливого напряжения. Взгляд слева на право. Пятеро мужчин вокруг. Дикая головная боль, закусываю губу покрепче.

Белая мгла пустоты в голове.... Почти ничего не помню.

Обострившиеся инстинкты вопят об опасности, каждый присутствующий враг. Мышцы ноют от необходимости атаковать, обезопасить себя. Тормозит бездействие противников. Быстрый взгляд — за спиной стена. Удобно. Дернул рукой почесать зудящую шею. Глухо звякнул металл. Медленно опустил глаза на собственное тело. Цепи... Атаковать будет сложнее. Надо выждать момент. Это все может быть игрой больного сознания или наведенными галлюцинациями.

— Джонатан? — осторожно привлёк внимание светловолосый, находящийся ближе остальных. — Скажи что-нибудь?

Он казался знакомым... Неясные обрывки воспоминаний силились выстроиться в целую картину. Сильнее заболела голова. Брат? Нет... Кто-то близкий. Важный... Друг. Велдон.

Четверо напротив потели. Страх, радость, настороженность, враждебность, облегчение смешались в тошнотворный запах эмоций. Между ними и Велдоном чувствовалось невысказанное противостояние. Взять хотя бы то, как они прожигали его взглядом.

— Что произошло?

— Капитан! — чуть выступил вперед один из держащих цепь, крупный шатен со шрамом на ухе. — С возвращением! — искреннее облегчение.

— погоди, — оборвал его Велдон, напряженно всматриваясь в мои глаза.

Не знаю, что он там искал, но у меня были свои планы:

— Мне нужно к Элиз, — резко дернул руками, выбивая цепи из не ожидавших натиска рук. — Она ждет. Мы женимся.

Велдон напряженно застыл на миг, деланно расслабился и приблизился, вода руками рядом с моим телом. Те, что стояли напротив, бросили оставшиеся цепи на пол и помогли выпутаться. Жутко хотелось остаться одному.

Внезапно, шатен со шрамом на ухе, выхватил нож, полоснул себя от запястья до локтя и совершенно не логично подсунул это мне под нос. Его финт оказался полезен. Не знаю, чего добивался зачинщик, но аромат свежей крови, привлекательно собирающейся на мягкой коже, заполнил ноздри. Чужая кровь. Настоящая.

Значит, это реальность. Я выбрался.

— Мне нужно к Элиз. Убирайтесь все, — прорычал, отталкивая ненормального.

Застывшие на местах люди улыбались.... Они все идиоты?

— Простите, капитан. Вынужденная проверка. Разрешите доложить обстановку? Дело не терпит отлагательств, — шаг назад, поклон головы.

Велдон, бурча под нос ругательства, подошел и затянул порез. Мне нужно было сосредоточиться. Попытаться вспомнить хоть что-нибудь. Окончательно успокоиться.

— Вон! — рывкнул на них от души.

— Я останусь, проконтролирую, — спокойно подошел Велдон. — Дайте ему время прийти в себя. Не советую накалять обстановку, — покачал головой.

Люди нехотя вышли, кидая на него неприязненные взгляды. Определенно, вражда. Надо будет выяснить причины... А мне какое дело? Собственные мысли путались, вызывая раздражение.

Велдон

Внимательно изучал друга. В своем уме, но определенно не в себе. Инстинктивно сжавшись, он проверил периметр, приравняв всех нас к угрозе, попытался принять удобное положение и был сбит с толку цепями. Сканирование тела подтвердило физическое здоровье, но капитан постоянно еле заметно морщился — я не ощущаю недуга. Скверно. Его пожелание остаться одному было на руку.

— Я ничего не помню, Велдон, — огорошил, отслеживая реакцию. — Кроме твоего имени и что мы друзья, значит, тебе можно доверять... Еще помню Элиз, предстоящую свадьбу... Там... когда мне было плохо, — ногти воткнулись в ладони, — она пришла, позвала, наполнила силой... Выбрался только благодаря ей. Наша любовь помогла преодолеть все препятствия. Я хочу к ней! — темные глаза фанатично блестели. — Проводи!

Это мой шанс...

Не было страха, сомнений. Все та же холодная злость властвовала внутри. Он жаждал подробностей своей жизни, рассказа и я дал его.

Подтвердил любовь к Элиз, к его матери, что тенью прошлой себя теплится в этом мире. Посоветовал быть осторожнее в первую встречу, опасаясь ухудшения. Все же, я не лекарь душ. Рассказал о коварстве его кухарки Любы, что пытается всеми способами пролезть в его постель, рассчитывая на лучшую долю. С одной стороны, подсветил ее непосредственное участие в ухудшении самочувствия невесты, с другой подчеркнул неоспоримый вклад идей в благоустройстве городка. Подытожив, что человек она,

возможно, не плохой, но не для него.

— Не злись на нее. Женщина влюблена и делает все, что в ее силах. Не нужно на нее срываться или орать, достаточно просто уволить, приказав уйти, — повторил с нажимом.

Капитан надсадно дышал от ярости, что кто-то посмел причинить вред его избраннице.

— Опасайся старухи- травницы. Мне кажется, она подливает тебе что-то в питье. Старуха и Люба дружны, возможен сговор.

Рассказал об отваге Джоан и Элиз, как они прорывались с боем к нему. В общих чертах основные моменты.

— Свадьба завтра, если невеста очнется. Вы собирались... отпраздновать завтра, — еле выдавил из себя слова.

— Хорошо, Велдон, — стукнулся лбом Джонатан, крепко хватая за затылок.

Любаша

Охохонюшкии... Все болит, ноюще ломит каждую косточку, как при гриппе. В голове надрывается невидимый звонарь, колокол- моя голова. Очень плохо. И твердо.

Когда все перестало расплываться и троиться, пришло понимание — кухня. Вопрос оставался один: почему я лежу? «На чем» не нуждалось в уточнении.

Отмахнувшись от сосущего чувства голода, задействовала все силы и приняла сидячее положение. Рядом обнаружилась травница, не реагирующая на слова. От страха уровень адреналина поднялся до небес, придав сил и ускорения.

Какие болячки, когда родной можно сказать человек в непонятном состоянии?!

Лихо соскочив, со всей дури шмякнулась на пол — затекшие от долго лежания ноги не разделили энтузиазма. Морщась, кое-как встала на колени и, чертыхаясь, поползла. Старуха была жива, исправно выдыхала через нос на подставленный облизанный палец, сердце стучало, но она ни на что не реагировала. Это не есть хорошо. Кряхтя, дошла до двери. А там ожидал сюрприиз...

— Велено не выпускать, — строго отчитал малознакомый страж, перегородив выход.

— А? — удивление и возмущение внутри не могли поделить первое место. — Там травнице плохо, мне нужна помощь, — попыталась объяснить. — Может она умирает? Я не разбираю..

— Передам, — обрубил и толкнул обратно, высунувшуюся меня на пол корпуса в коридор.

Потрясла головой. Внушительная фигура продолжала невозмутимо стоять на пути. На моем пути.

Зря.

— Хорошо, — медленно прикрыла дверь. — Хорошоооо, — глубокий вдох, выдох. — Ох, хо-ррро-шооо, — меня заклинило.

Легко вспомнила последние события. Магия. У меня есть магия. Встряхнулась всем телом. Сколько не заглядывай внутрь себя, все одно — хочется жрать. Не то... Но тоже надо. Запихала в рот обеими руками ломоть подсохшего хлеба. Рот сводило от напряжения. Огляделась по сторонам, схватила сковороду и пошла, двигая челюстями как хомяк.

Охранник не знал на что смотреть: на пустую сковороду, сунутую ему под нос, или на возмутительно некультурно сыплющиеся крошки из моего мычащего нечленораздельные слова рта.

Давай, магия, яви себя! Хоть что-нибудь! Пшик, дуновение, грохот. Настраиваться некогда, только экспромт. Сквородка вихляла в дрожащей руке, словно кастрюля у волка в игре, что собирал падающие яйца. Ничего не получалось. Меня грубо пихнули внутрь. Из глаз брызнули злые слезы:

— Кофееел!!!! — отчаянно взвыла.

В парня полетели недожёванные крошки. Ну хоть плюну. Яркая вспышка заставила парня инстинктивно прикрыть руками глаза, сделав шаг назад. Сквородка мощным аргументом пригвоздила охранника к полу. Накатил запоздалый страх... А вдруг он того этого? Стало зябко. Сердце билось, кровь не текла. Обливаясь потом от страха, уговаривала себя, что по другому никак и вообще, тут магия, лекари, оклемаются. Надеюсь.

Что я буду делать дальше не приходило в голову. Там вообще было пусто после собственного поступка. Знобило.

Дом пугал своей замершей тишиной и безлюдностью. Куда все подевались? Расшатанная психика рисовала жуткие картины. Мюррей очнулся не в себе и всех ранил. Не логично. Меня же «охраняли». На нас напали? Так нет звуков сражения. За окном смеркалось. Послышался лязг падающих цепей. Замерев сусликом в поле, прислушалась к доносящимся сверху голосам. Осторожно ступая, поднималась на второй этаж.

Ох и трусиха ты, Люба!

Топот ног. Четверка, охранявшая капитана, вышла из-за поворота. Кинула беглый взгляд: целы, довольны и раздражены.

— Капитан очнулся, — тихо сказал шатен со шрамом на ухе, оглядываясь назад. Парни фоном завели разговор на тему своих ожиданий. — Не суйся. С лекарем не чисто... Нутром чую. Мы за Рупертом и подмогой... Капитан малясь не в себе, Люба. Не ходи, — предупреждая схватил за руку, мягко отобрав сквороду. — На обратном пути сам зайду, все увидишь.

— Кто приказал не выпускать меня из кухни?

— Не было такого приказа, — отрицательно помотал головой, переглянувшись с парнями. — Мы бы знали.

— Было, не было, а мужик в коридоре лежит. Я его... стукнула. Жив, — судорожно сглотнула.

— Странные дела творятся в доме капитана, — пробормотал шатен, потирая шрам. — Скверные... Пойдем вместе, тревожно мне за тебя.

— Не могу. Травница потеряла сознание. Побуду с ней на кухне.

— Добро. Дверь закрой и никому не открывай. Оставлю тебе двоих.

— Ага, — согласно кивала китайским болванчиком, спускаясь вниз. — Не, не, не! — торопливо зашептала. — Если что, вам там подмога нужна будет. Вдруг... заговор? А я это... вонючку открою, если что.

Такой аргумент устроил шатена. Парни уволокли тело горе стражника и отбыли. Шаги стихли. Выждав пару минут для страховки, тихонечко приоткрыла щель, осматривая глазом путь.

Мне надо наверх. В груди ныло. Хотелось увидеть его...

Держа пузырек наготове, быстро просеменила, поднялась по лестнице и напоролась на острый взгляд двух стражников, охраняющих покои невест. Оба схватились за рукоятки мечей, делая шаги в мою сторону.

Протянула пузырек вперед, придерживая крышечку второй рукой, готовая открыть в

любой момент. В горле пересохло от волнения. По спине потекла капелька пота.

Все это неправильно. Что произошло, пока я была в отключке?

Поблуднев, стражи прижались к двери. Быстро преодолела разделявшее нас расстояние, спиной пятясь дальше, не выпуская из виду опасность. Один из мужчин юркнул в покои, прикрыв дверь.

Сердце пустилось вскачь. Надо делать ноги. Пятая точка вопила ускориться. Резко развернулась, добежала до покоев капитана, влетела внутрь, хлопнула дверью и выдохнула, прислонившись пылающим лбом.

Сзади глухо зарычали. Внутри все рухнуло от сожаления. Не может быть... Медленно обернулась, встретившись с любимыми глазами.

— Вон, — оскалился Джонатан мать его Мюррей.

Лицо вытянулось от удивления, наклонившись чуть в бок и вниз. Не такой встречи я ожидала, ой, не такой. Мы, конечно... Да к черту! Никаких «мы». Личное подождет, хотя обидно до соплей.

— Капитан, — сухой тон, поклон. — Травнице плохо, она не приходит в себя, лежит мешком. Мне очень нужен Вледон! Вы не знаете, где он?

Я к нему на всех парах, душу на распашку, а он «вон». Наверняка последствия болячки, не до конца пришел в себя и еще сто пятьсот причин, но, блин...

Мне. Обидно. Очень!

И никуда от этого чувства не убежать. Любовь? Пф. Любить можно и на расстоянии, ничего от этой любви хорошего нет. Одни проблемы. Эх, Любка, не учит тебя жизнь! Раз за разом на одни грабли. Шишак на лбу от опыта, так нет, все стучусь в одном направлении. Василий, теперь Джонатан...

Магия внутри бушевала в такт негодованию. Теперь я знала, могла определить по внутренним ощущениям. Зудели руки, так хотелось ей вырваться наружу. Пришлось сжать ладони, мысленно ставя барьер. Знать не ведаю, что за дар. Покалечу ненароком, первая же побегу лечить.

Все, надо идти искать самой, тут светловолосого нет. Развернулась на выход, стараясь не замечать перекошенное от злобы красное лицо. Котелок капитана пыхтел не хуже моего, даже громче. Не хватало пара из ушей для полноты картины. Сильная рука заставила обернуться всем телом. Треснула по ней от души.

— Где Велдон? — прорычал Мюррей. — Он у Элиз!!! Которую вы, на пару со своей аферисткой травницей, довели практически до выгорания! Моя невеста, которая любит меня, которая приходила и звала, не теряя надежды, пока я был без сознания! Наша любовь выдержала это испытание и...

— Чее-гоо?! — чувство самосохранения атрофировалось в пыль. Стало жарко. Поезд «Люба» сошел с рельсов. Пассажирам просьба пристегнуться. Мы едем до победного конца... до столкновения. — Ваша невеста-проныра лечила первым Велдона! Велдона, а не вас! И знаете почему? Потому что не хотела заляпаться!!! Влила кучу зелий в лекаря, чтобы только он лечил вас!!! — рявкнула так, что клацнула собственная челюсть. — Не хотела заразиться болезнью в стадии обострения! По-простому: чхать хотела, невестушка ненаглядная! Не любит она вас ни шиша!!! — больно ткнула указательным пальцем в тело мужчины. Больно мне. — Я, значит, места не находила, переживала за него! Мазь варила, змею эту скользкую за шиворот тащила, лечить заставила, подбадривала, пока валялся

бревном! А он?!

Кажется, сзади скрипнула дверь. Возможно, у нас были зрители. Но кого это волнует, когда рушатся чувства? Пф, ерунда какая. Как же жарко...

— Вот вы и признались в содеянном!! — злорадно проорал капитан. — Не выйдет, я все знаю! Эта фальшивая любовь — желание выгодно устроиться через мою постель! Я умираю, в вас нет ничего святого! Сколько? Скажите, сколько стоит мое спокойствие, и я дам!!! Даже добавлю сверху! После свадьбы вы уволены. Собирайте вещи, катитесь из города. И старуху свою прихватите!!! Хватит мешать нам с Элиз быть счастливыми! Имейте же хоть подобие гордости, признать, что выбрали не вас! Это...

Словесные помои стекали по лицу. Внутри невыносимо горело и булькало. Господи, как же больно такое слышать. Хотелось, чтобы он замолчал... Пульсирующая ладонь сама сложилась в кулак, метнулась вперед и нанесла удар снизу вверх по подбородку. Из камня он сделан что ли? Раздался мерзкий хруст. Опять мой. Конечность полыхала огнем.

Но все не напрасно. Внутри чуть успокоилось. Голова капитана дернулась. На подбородке красовался алый след. Мюррей не отводил ошеломленного взгляда.

— Больно? — прошептала. — И мне. Только вот здесь, — показала на сердце.

Адреналин еще бежал по венам, скоро мне станет очень плохо. Следовало найти лекаря. Повернулась назад. В проеме стоял потрясенный Велдон и белая, как снег, Элиз. За ними маячили стражники. Ниже дна падать некуда, своими действиями можно сказать вырыла могилу в глазах общественности. Внутренний запал еще не прошел. Схватив лекаря за плечо, потащила вниз:

— Травница. Помоги.

Велдон не сопротивлялся. Было плевать на то, что происходит в его голове. Топают и ладно. Собственный мир катится под откос. В первый раз что ли? Вытерла непрошенные слезы. Потом. Все потом. И так долго. Надеюсь, с ней все в порядке. Иначе не прощу себе.

Быстро добрались до кухни. Лекарь молча подошел, поводил руками с закрытыми глазами. Факт сияния его ладоней прошел безразличным фоном. Аккуратно подняв на руки бессознательное тело, перенес в мою комнату, уложив на постель, откуда я предварительно подняла неподвижно сидящую, всеми забытую Марджери.

— Угрозы жизни нет. Скоро очнется. Покой, постельный режим пару дней. Прошла по краю. Питание, свежий воздух...

Обида на Велдона жгла изнутри. Он все слышал, там у капитана, слышал и смолчал. Бредовые слова, что сыпались из Мюррея, как тараканы из грязной квартиры. Что же, выбор стороны ясен. А мне казалось, хорошие приятели, если не друзья... Впрочем, не важно. Я вообще, оказывается, смотрю на мир сквозь наглухо заколоченные окна.

— Уходи, — открыла дверь, не отрываясь от порозовевшего лица старухи.

Перед тем как выйти, он мимолетно коснулся моей руки. Стало тепло и хорошо, почти перестало болеть. Марджери увел с собой. Опустившись на колени перед постелью, уткнулась головой в теплый бок травницы и позорно рыдалась.

Пошел эмоциональный откат.

Теперь можно. Никто не увидит.

Велдон

Сквозь закрытую дверь раздалась рыдания. Это стало последней каплей. Лед брони

сковавшей злости треснул. Внутри будто что-то надломилось. Я увидел себя со стороны.

Мерзкого, подлого слизняка.

Что я натворил? Взглянул на свои руки. Они по плечи покрылись черной копотью предательства. Запутался, заврался, безумно ошибся.

Посмотрел наверх. Не могу... Я сейчас не смогу взглянуть ему даже в глаза. Вышел на улицу к дежурившим стражникам. Кольцо охраны давно разошлось. Странно, что Руперт и вездесущий секретарь еще не прискакали на пару, проведать Джонатана. Оно и лучшему. Передал одному из солдат из рук в руки Марджери, наказав провести к капитану.

Было трудно дышать. Порвал рубаху на груди, но это не помогло. Кое-как добрался до своего угла. Настроение менялось волнами. Былая злость соперничала с совестью. Ни одна из сторон не могла взять верх. Озноб сменялся жаром. Одежда давно вымокла и противно липла к коже, но я не замечал всего этого.

В голове пульсировали слова:

— Я ничего не помню, Велдон. Кроме твоего имени и что мы друзья, значит, тебе можно доверять...

На грани слышимости шелестел зудящий шепот, но его не могло быть. Списал на бред воспаленного сознания. Позорно сдавшись, отыскал пару бутылок заначки и присосался к горлышку, надеясь заглушить боль внутри.

Голос в голове усилился, настойчиво советуя пойти к капитану и проследить, все ли идет по плану. В ответ болело в груди и буйствовала совесть, что так нельзя, нельзя! Пойло помогало плохо. Желая оторваться от какофонии звуков, вывалился на улицу и побежал. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, не забывая отхлебывать из второй стремительно пустеющей бутылки.

На пути выросла преграда. Храм. Я прибежал к храму. Пьяно расхохотавшись, почти не подавившись собственной горечью, круто развернулся на пятках, чудом сохранив равновесие. Ночной воздух охлаждал разгоряченное тело. С неба укориженно сияли звезды. Светило спряталось за облаками. Нет мне светлой дорожки сквозь тьму. Не достоин.

— Хватит ныть! — громко гаркнули на ухо.

— Кто здесь? — кружился, силясь найти источник.

Никого. Я был здесь один.

— Бери себя в руки и ползи назад! — продолжал сочиться ядом невидимка. — Давай, пока они там раньше времени не консумировали свой брак!

— Ааааа!!! — запрокинул голову к небу, затыкая уши ладонями.

Махом допил все, что еще плескалось, и бросил бутылку, желая тем самым избавиться от голоса. Быстро, боясь не успеть, толкнул двери в храм и упал на пол, никто не запирает здание. Встать не получалось, пойло на голодный желудок с нулевым резервом после лечения сделали свое дело. Алкоголь наконец ударил не только в ноги, но и в голову. Все вокруг двоилось и расплывалось. А еще вокруг была...

Ти-ши-на.

Блаженная тишина. Покачиваясь, еле дополз до фигурок богов, сдвинутых чьей-то рукой в кучу, и благополучно упал прямо на них, больно ударившись всеми местами разом. Свернулся калачиком между ликами Тараниса и Ютарии. Слезы перемежались с хохотом, слова исповеди лились нескончаемым потоком.

— Я не хочу так! Надо все исправить! Помогите! Помогите мне преодолеть это, прошу вас!!!! — закричал в вышину купола.

Спазм прошел тело. Еле смог отползти от сваленных фигур. Меня рвало, безобразно, на пол в храме. Вместе с желчью выходило безумие. Кажется, среди прочего на полу темнели черные разводы. Чего только не мерещится в полной темноте в состоянии бреда.

Полегчало. В животе и в голове.

Я все ему расскажу. Все, все. С самого начала. Теперь я знал, когда это началось и почему. Он поймет, должен понять. Прощения не жду. Надеюсь, еще не поздно исправить.

Сил не осталось. Прикрыл глаза, уплывая в сон.

Джонатан Мюррей

Идиотская улыбка расплзлась от уха до уха — пришла, она здесь, моя Элиз! Какое счастье, просто видеть любимого человека! Остальное стало не важно. Хотелось подойти, сжать в объятиях и никогда не отпускать. Любить, любить, любить!

Болезненный вид девушки охладил пыл. Зеленые глаза ярко выделялись на белом лице. По комнате плыл запах страха. Не мудрено, после такого поведения. Расслабил тело, не спеша двинулся в ее сторону. Девушка застыла в напряжении. Намеренно прошел, чуть коснувшись плечом, мимо — закрыть дверь. Элиз рефлекторно сделала шаг в сторону. Осторожно прикоснулся тыльной стороной ладони к холодной щеке:

— Не причиню тебе вреда, клянусь, — рядом вспыхнуло, слова шли из глубины сердца.

Заметно расслабившись после этих слов, невеста положила голову на мое плечо, чуть прижимаясь телом. Хорохорящийся зверек перед хищником. Пришедшее на ум сравнение не понравилось.

Все не так.

Мысль царапнула, заставив нахмуриться. Я ждал... Чего? Счастья, облегчения, желания быть рядом, объятий — проявления эмоций. Вспомнил, что не красавец. Любит, значит принимает, видит истинную суть.

— Рада, что с вами все хорошо, — прошептала она, чуть отстранившись, заглядывая в глаза.

Наши лица оказались непозволительно близко. Слишком близко, чтобы я мог удержаться от искушения. Мне было это нужно, важно, почувствовать, что она настоящая, что я настоящий, нашу любовь. Медленно наклонился, давая шанс отстраниться, прикоснувшись к нежным губам. Зеленые глаза чуть округлились, внимательно рассматривая. Девичья рука обвила шею. Невинный поцелуй перерос в ураган. С трудом остановившись, прижался лбом к ее пылающему лицу. Счастливый, наполненный уверенностью в лучшее.

Элиз бледно улыбалась, пытаясь унять дрожь. Да, я тоже предвкушал грядущие события.

— Завтра, — осыпал ее лицо мимолетными поцелуями, — завтра, — ласкал пальцами нежную кожу шеи, по которой бегали толпы мурашек.

— Да, завтра, — решительно прошептала невеста, прикрывая глаза.

Крепко обнял, зарываясь носом в мягкий шелк светлых волос. Шаг назад, поцеловал тыльную сторону руки:

— Отдыхай, любимая.

— Спасибо, — благодарно выдохнула Элиз, улыбнувшись. По-настоящему.

Задержалась на миг, кивнула и ушла, оставив после себя шлейф аромата. Шумно втянул носом воздух.

Старуха травница

— Ыыы...

Часто дыша, пыталась унять выпрыгивающее сердце. Не сомлеть бы, лететь долго, да приземляться... больно. Страх впивался тысячами жал и было от чего. Внизу — пропасть. Единственная преграда — пушистый туман по ногами. Вот жеж, ересь какая снится.

— Присаживайся, не шваркнешься, — насмешливо раздался сзади до боли знакомый голос наставницы, заменившей мать и семью.

Обернулась. Такая, какой запомнила в последнюю встречу. Шагнула и обняла, сжав крепко-крепко.

— Я скучала, — из глаз лились слезы. — Почему ты ушла? Куда?

— Да не ушла, глупая моя, сгинула... по дурости. Сама ведь догадалась, столько лет прошло, — ладонь ласково гладила по волосам. — Как я могла тебя бросить? — укоризненный взгляд.

— Я ... тоже умерла?

— Нет еще, но очень старалась, — крепкий подзатыльник. — Притянула по связи нашей. Дух твой, аки тряпка на шесте, болтается неприкаянный. Богини смерти на месте нет, оттого и шалят некоторые, вроде меня. Разговор есть, слушай...

Сколько бы ни прошло времени, все равно мало. Крепко стискивала родные руки, не желая отпускать:

— Мы еще встретимся?

— Не сомневайся, куда ж мне деться отседова? — грудной смех. — Живи и живи, поняла? — внимательный взгляд. — Никогда не поздно бороться.

— Да, — моргнула, очутившись... уже в доме.

Из глаз катились слезы. Вытерла. Люба уловила движение, всхлипнула и прижалась, так и разводили сырость. Вместе. Сил было достаточно, Велдон щедро поделился.

— Дел много, — похлопала ее по плечу. — Шевелиться давай.

— Куудаа? Нет уж, лежи, — скрестила руки Люба, упрямо поджав губы.

— За заботу спасибо, — села, свесив ноги вниз. — Надо, Люба. Видение было. Опосля расскажу, не серчай.

По-быстрому сварганили поздний ужин из того, что было готово. Сыто, да ладно. Дрова гудели. Вода в котелке булькала, кружа в водовороте полезные травы.

— Запомни, ты еще не до конца в ответе за себя, — наставляла Любу. — Магия только вошла, тело подстраивается, стресс. Настроение может скакать. Головой думай, прежде чем делать.

— Уфу, — жадно ела... названная дочь напротив.

Да, именно так, названная дочь. Чего зря время терять. Надо жить и жить...

— Свари еще две порции, милая, — нацедила взвара в кувшин, — не подведешь? — прихватила две чашки.

— Куда ты? — встрепенулась Люба.

— Наверх. Элиз надо напоить, пока дров не наломала.

— Она еще без сознания! ... Или уже нет? — медленно спросила Люба.

— Уже нет, — согласно кивнула. — Посижу там, слов пару ласковых скажу. Сделаешь, как прошу?

Люба нехотя кивнула, оставаясь на кухне. Не надо знать ей пока всего, дар не стабилен. Всему свое время. Особенно пинку под зад.

— Здрав буде, капитан, — притворила за собой дверь.

— Тыы!! — побагровел от злости мужчина, подскочил из кресла у окна и кинулся на встречу...

Дверь открылась, пришлось посторониться. Вошел стражник, осторожно ведущий за руку Марджери.

— Мама? — прошептал капитан. — Что с тобой? — прикоснулся к ее лицу. — Мама, ты меня слышишь? — потряс ее за плечо.

Голова, словно деревянной куклы, медленно повернулась. В глубине отрешённых глаз блеснула искра узнавания.

— Ааааа! — резко заорала Марджери, впиваясь пальцами в плечи сына.

Ноги леди не выдержали, разом потеряв опору. Так она и повисла, не переставая орать на одной ноте, в сильном кольце рук сына. Мюррей беспомощно смотрел, не зная, что делать.

Пф, ну и семейка. Дали же боги... Вот и надо оно Любе? Риторический вопрос. Сунула поднос застывшему стражнику, налила взвара в чашку, оставила. Влепила пощечину высокородной леди, от чего она разом заткнулась. Капитан затрясся от бешенства.

— Джонатан, — еле шевелила губами Марджери, — сынок, это правда ты? — умоляла женщина ответить. — Скажи, пожалуйста, что это ты...

— Да, мама, это я, — тяжело давались слова от волнения мужчине.

— Сынок, — трясущимися руками водила по лицу мужчины, не веря в происходящее, — дождалась, — целовала в щеки, прямо поверх шрама, — дождалась, спасибо мать-защитница, — плакала женщина.

Улыбнулась и обмякла без сознания. Джонатан стоял неподвижно, оглушенный горем матери, испытывая глубочайшую вину перед родным человеком.

— Капитан, — чуть слышно позвала. Мужчина мгновенно вскинулся, сузив глаза. — Надо ее положить на кровать, — показала глазами направление.

Нахмурившись, он кивнул. Осторожно перенес бессознательное тело. Я подошла, чуть расслабила шнуровку платья около горла, сняла чепец, пусть ничего не мешает. На подушку упали звездные косы — Марджери полностью поседела.

Пока Мюррей глотал воздух ртом, забрала поднос из застывшего статуей стражника, и вытолкала, попросив ворваться в случае криков. Моих. Нагло уселась в кресло у окна, наливая взвар. Себе. Сейчас отомрет и захочет отыграться, а рядом только я.

Так и случилось. Подскочил, весь страшный от гнева. Зрачок пульсировал, затапливая белок и втягиваясь обратно.

— Поговорить надо, — спокойно ответила, не отводя взгляда. — Если бы вина была за мной, не пришла. Нюхай чутьем звериным своим. Да, знаю об этом секрете. Оттуда! — указала пальцем на потолок.

Мимолетное удивление и неверие, капитан сел на второе кресло. Звериное начало было готово броситься в любую секунду. Предстояло найти и вытащить человеческую половину, дабы уравновесить личность, слить воедино.

Сделка есть сделка. Чтобы у Любы был шанс, надо его прежде отработать.

Налила взвара во вторую чашку, оставив на столе.

— Говори и проваливай, иначе разорву, — налитые кровью глаза не оставляли сомнений в реальности угрозы.

— Расскажу про Элиз после того, как выпьешь успокоительного. Я-то старая, мой век прожит. Там, снаружи, бегают дети, молятся старики. Хочешь их разорвать?

— Арррр, — вскочил, грохнул кресло об стену и уселся на пол, скрестив ноги.

Невозмутимо пила мелкими глотками, не забывая дуть. Горячо. Пусть беснуется, контакт есть. Хорошо, заранее выпила нейтрализатор. Мюррей залпом осушил чашку, выжидающе уставившись. Края шрама выпустили сетку черных прожилок, словно щупальца. Скверно.

— Тю, то моя была порция. Весь кувшин пей, мил человек. Про голос знаю, пей. Все расскажу.

Хитрость сработала. Про голос я знала ровно то, что он есть, ни словом больше. Так и не соврала ведь, учуял бы. Зло фыркая, вылакал положенное. Глухо звякнула в углу разбившаяся посуда.

— Убирать сам будешь, — предупредила заранее. — Голос внутри чужой, не твой он. Соглашаться нельзя, коли потерять себя не хочешь. Большого не скажу, ибо не ведаю. А теперь слушай, — лошадиная доза действовала, лицо напротив постепенно разглаживалось. — Не любит тебя, Элиз, — убрала чашку на стол. Мужчина впился когтями в пол, но встать уже не смог. — Не споришь, значит понял, да только признаться себе смелости не хватает. Тот, кто обмануться хочет, обманутым будет. Усек? Глазищи открой, по сторонам смотри, кто делает чего. Думай, сердцем думай, если злость в голове бушует. Вспомни себя, прямо сейчас. Вспомни, кто ты есть, — монотонно вещала, затягивая в транс. Под закрытыми веками мужчины беспокойно бегали глаза. — Найди истинное я... Соедини с тем, кем стал волею судьбы... Ты един, нет деления... Слушай свое сердце, оно подскажет верный путь...

Все что могла, сделала. Устало откинулась на спинку, переводя дыхание. Сил отняло прилично. Все же это не мой профиль, смежная малознакомая область. Вытерла испарину со лба. Взмокла, аки мышь. Встала, пошатываясь дошла до двери:

— Следи, — бросила стражнику.

Шатаясь, дошла до лестницы. Скачусь кубарем или упаду плашмя лицом? Дилемма.

— Все, я тебя больше никуда не отпущу, — грозно пообещала Люба, беспокойно прохаживающаяся вниз. Козочкой вспорхнула по ступенькам, подставляя плечо. — Хватит геройствовать.

— Да я жеж не спорю милая, — усмехнулась. — Не отпускай, — ласково чмокнула в макушку. — Отдохнуть бы, устала...

На моем и ее упрямстве дошли до кровати.

— Все будет хорошо. Посплю, малясь...

Дальше не помню.

Городок Амран того же дня

Лента утопанной дороги брала начало возле новых ворот, пересекала пополам поле, чуть вихляя, пересекала подлесок, и катилась себе дальше, промеж расступившихся в стороны зеленых великанов, мимо трав, камней и пугливого зверья, до самого горизонта.

Рядом с оборонительной стеной устроили переговорный пункт: поставили стол и расстелили карту. Несколько мужчин напряженно совещались, вспыхивая от раздражения. Никто не был виноват, но нервы такая сложная штука, прямо как женщина, остается только принять и пытаться понять. Мягкий клочок бумаги, что вызвал всеобщий переполох, валялся

поверх карты. Так мало слов, так много опасности сулили они. Донесение читали, трясли им в воздухе, перечитывали, брали, мяли, раздраженно кидали... Как будто от этого могло измениться написанное.

— А я тебе говорю, надо собрать всех в одном месте, чтобы на виду были, — напирал старший группы по отправке и получению посланий на границе аномалии, ныне покинувший место службы со всем отрядом по причине серьезной опасности.

— Не войдут они все, — не соглашался секретарь Мюррея. — Две казармы под потолок — да. В одну — никак. Не на поле ж им сидеть бок к боку точно свиньям в загоне!

— Слабых в одну казарму, детей и стариков. Дать еды, воды, подготовить необходимое для будущих раненых, если до этого дойдет. Остальные организуют посменное дежурство. Вся местность должна хорошо охраняться, равномерно распределить силы. Вытащить запасы горючего, факелов, все, что можно жечь. Я хочу, чтобы было светло как в полдень. Исполнять, — обрубил Руперт.

Несколько солдат побежали передавать поручения. Гарнизон был поднят на уши и приведён в состояние боевой готовности. Маги легли спать в запас.

— Не проще ли всем составом налегке податься в город к Белду? Там и стена выше, и магов больше, и уплыть есть на чем в случае надобности, — не унимался старший группы с границы аномалии.

— Давай, — согласно кивнул Руперт, от чего секретарь возмущенно вскинулся, а вопрошающий горделиво подбоченился. — Вынесем всех нас магу крови на блюдечке. Тех, кого он не оприходует или оставит подыхать, с удовольствием схарчит то, что убило Камиллу и обглодало кости в могильнике. В самый раз, давно оно не жрало.

— Нашли хоть мага недоделанного, из-за которого сыр бор? — угрюмо пробурчал старший группы, признавая правоту говорившего.

— Бери выше: троих. Пять идиотов решили позабавиться: держа за ноги вниз троих мелких с крыши строящегося дома, грозились скинуть. Слабые, пользы ноль, значит не нужны. Два по пять, один семи лет. Последний обмочился. Державший его рефлекторно оттолкнул, тем самым таки скинув вниз. Двое заголосили от страха и дернулись — полетели в след... Итог: один воздушник, два земли — магия откликнулась на зов детей. Выброс был сам понимаешь, мама не горюй. Ваш спятивший менталист, вырезающий деревни магией крови, просто не мог пройти мимо, скоро будет здесь. Одни боги ведают, в кого он мог превратиться...

Старший группы с границы грязно выругался, смачно харкнув под ноги. Он бы хотел лично надрать задницы паршивцам, виновным в предстоящем кровопролитии, но Руперт был не преклонен. Дети будут отбывать наказание вместе — воспитательный процесс.

Время шло, неприятель не показывался. Напряженную тишину разрушил приход стражников-тюремщиков капитана. Весть о пробуждении Мюррея быстро облетела городок, подняв унылый настрой. Руперт отошел поговорить по личной просьбе одного из пришедших и был озадачен тем, что услышал.

Долго думать на эту тему не пришлось — дозорный завопил:

— Аааа!!! Твари, твари!!

Лес это же время

Черные глаза недовольно смотрели вниз с макушки зеленого исполина. Следующая ступень безумия — шепот в голове жертвы, сожрал прорву сил. Не человек, а бездонная яма!

Раздался глухой ворчливый рык.

Пришел, сожрал, отомстил — не получалось. Построили стену. Когда только успели? Тяжелый вздох. Сколько магов сейчас? Не известно. Пришлось задержаться, вынюхивая и выкорчевывая из укрытий мелких сошек на много шагов вокруг, всех, кого удалось найти. Сопrotивлялись, боялись, убегали. Хорошая затрещина, сдобренная мысленным приказом — и вот они атакуют мерзких людишек. Скучно, всего десяток, должно хватить, чтобы оценить обстановку.

Вот сейчас станет известно, что за вкусный маг появился, «громко» вступил в силу, из-за которого пришлось все бросить и бежать, не в силах бороться с искушением. Такой огромный потенциал не сможет сидеть в стороне. Молодой, значит не опытный. Ринется в бой. Молодняк всегда кидается в бой, стремясь доказать свою важность, полезность. Глупцы.

Окружить, оттеснить, захватить — план прост.

Сосредоточившись, черные глаза полностью погрузились в созерцание, отдавая мысленные приказы, ведя подсчет и классификацию оборонявшихся.

Ветер игрался, топорща в разные стороны перья на крыльях могучей хищной птицы, кружившей в вышине в поиске пищи. Гордый профиль, мощный клюв, раздробивший не один череп, острые когти, не оставляющие жертве шансов.

Острое зрение голодной птицы заметило тушку крупного зверька, черные волосы частично просматривались сквозь листву на макушке дерева. Сложив крылья, хищник, предвкушая сытую трапезу, заложил вираж в низ. Крепкий удар клювом сопровождался атакой когтей, разрывающих горячую плоть. Птица изо всех сил толкнула жертву, намереваясь сбросить вниз, чтобы уже там спокойно отобедать разбившимся зверем.

Черные глаза, волею случая застигнутые врасплох, обалдели от наглости местной живности, но таки заторможенно полоснули в ответ. Огромная птица смогла увернуться, удар чуть задел бок. Издав протяжный, недовольный клекот-крик, летающий хищник поспешил убраться восвояси.

Атака клювом не прошел бесследно. Черные глаза, дезориентированные и покалеченные, от толчка полетели вниз. Сквозь волосы на голове проступала кровь. Удар о землю вышиб дух.

Разведать обстановку не удалось. Как глупо...

Амран

— Прорыв!!! — отчаянно горланил второй дозорный, изо всех сил трезвоня в колокол. — Проры-ы-ы-ыв!!!!

Народ бросился на позиции. Солдаты хватались за оружие, часть строилась возле ворот, часть бежала защищать стены. Лучники хватали колчаны, рассредоточиваясь возле горящих жаровен. Маги шептали заклинания, напивая силой. Защитники выжидали, подпуская противника ближе. Несколько тварей, мерзко вереща, пересекли дальнейшее оборонительное кольцо, поверхность которого была облита горючим веществом — приказ капитана при постройке стены. Волосатые, лысые, склизкие, игольчатые, острозубые — темная лавина неумолимо приближалась, оглушая какофонией звуков.

— Давай, еще немного, ну же — напряженно шептал Руперт, стоя на стене, вглядываясь в даль. — Готовься, — крикнул он. Лучники подожгли стрелы. — Целься, — натянулись луки. — Пли! — небо над тварями расцвело, а затем обрушилось смертью и огнем.

Горючая смесь на дальнем кольце мгновенно занялась, вспыхивая стеной, отрезав часть нападающих. Второе загоревшееся кольцо хорошо подпалило тушки, внеся сумятицу в ряды тварей.

А дальше случилось то, чего никто не ожидал. Твари, словно ведомые чьей-то злой волей, организовано перегруппировались. Часть нырнула вниз, раскидывая комья земли в стороны. Подавшиеся в воздух ощерившиеся существа, прицельно кидали куски твердой земли, а затем и булыжники, выброшенные наверх землероями. Оставшиеся ринулись на стены, без труда взбираясь по камням с помощью цепких когтей.

Маги нейтрализовали одного летуна и парочку, успевшую добраться до стены.

— Они жрут ворота! — взвизгнул мужской голос.

Руперт кинулся проверить. Двое тварей, похожие на бобров, перегрызали зубами в ладонь величиной толстые стволы деревьев, сбитых в двери.

— Дерьмо! — выругался Руперт. — Лей! — махнул рукой.

На грызунов полилась раскаленная горючая смесь. Твари, вереща, откатились и вспыхнули факелами от пронзивших огненных стрел. Руперт упал, сбитый прицельно брошенным камнем, потерял сознание. В свете ярко горящих костров было видно, как задрожала земля с внутренней стороны стены, взбугрилась, рассыпаясь фонтаном, являя землероев и последовавших за ними остальных тварей.

Не известно сколько бы это продолжалось и с какими потерями для обеих сторон. Внезапно появившийся отряд во главе с Белдом ворвался в самую гущу, склонив чашу весов в сторону людей. Нескольким тварям удалось сбежать, остальных добились.

Белд возглавил отряд с магами, прочесав ближайшую местность. Ни портала, ни других тварей обнаружить не удалось, включая тех, что сбежали. Пылая бешенством, Белд вернулся и заорал:

— Джонатан, твою мать, где тебя носит?!

Подскочивший секретарь, кратко обрисовал ситуацию. Маги восстановили пласты земли внутри и снаружи, проложили рвы для новых оборонительных рубежей. Стражники спешно залили каналы горючим веществом.

Джонатан Мюррей

Не ощущая собственного тела, плыл в мутном разноцветном киселе. Молочный цвет, растворялся в оранжевой волне, рождая тона и полу тона. Все это безобразие парило лентами, пританцовывая в такт не слышимой мелодии.

Что за ерунда? Где я? Что происходит? Ни одной мысли, ни одного воспоминания.

Вдали появилось темное пятно. Оно стремительно росло и ширилось, вызывая безотчетный страх. Неоднородная поверхность бурлила, приближалась, уплотнялась, появились размытые очертания, затем человеческая фигура и лицо.

Мое лицо.

Окружающая картинка завертелась, смятой тряпкой втиснулась в узкую точку, выбросив в незнакомую пустую комнату. Половина залита светом, половина утопает во мраке так, на границе — огромное зеркало в пол в старинной тяжелой раме.

Вняв прямому намеку, встал с пола и подошел к зеркалу. Стараясь унять волнение, дотронулся до щеки. Ничего. Гладко. Шрама не было. Длинно облегченно выдохнул, недоуменно дернув головой. Почему меня это вообще волнует?

Отражение подернулось рябью, картинка сменилась. Среди клубящейся дымки черно-

серого тумана, раскинувшего щупальца во все стороны, стояло нечто, похожее и не похожее на меня.

Черные без белка глаза на сером лице со знакомым шрамом, торчащие клыки, массивная, выпирающая челюсть. Гордая осанка зверя в почти человеческом воплощении. Когти. Холодный, гипнотический взгляд.

Двойник действовал синхронно. Я подошел ближе, отражение шагнуло навстречу. Поднял руку. С другой стороны проделали тоже самое.

Зазвучал знакомый голос:

— Вспомни, кто ты есть... Найди истинное я...

Двойник в отражении надавил на свой шрам. Я дернулся от боли. По моей щеке потекла кровь.

— ... Соедини с тем, кем стал волею судьбы... Ты един, нет деления...

Я без памяти, а не идиот. Если бы это имело ко мне причастность, кое-какие крохи информации точно бы сохранились в голове. Такое забыть сложно. Если разбить зеркало, все закончится? Зверь оскалился, пригнулся и вылетел. Мелкое крошево брызнуло в разные стороны. Яростно сцепившись, покатались по полу, стараясь взять верх. Осколки вонзались в тело.

— ... Слушай свое сердце, оно подскажет верный путь...

Сердце. Любовь. Из глубин тонкой стрункой по венам поднималось тепло. В голове взрывались картинки воспоминаний. Напал на Велдона, отрезал палец. Атаковал кухарку, вонзив когти ей в бока.

Кухарка. Люба.

Память со щелчком встала на место. Это сделал не я! Утроил напор. Зверь тоже. Надсадный хрип, руки, сжимающие шею противника. Перед глазами замелькали искры. Приложив остатки сил, надавил сильнее... и отключился.

Пришел в себя, вскочил, ошалело оглядываясь. Противник поступил так же. Спасло то, что вырубилась одновременно. Ожесточенный бой. Саднящая губа, разбитый нос, отбитые внутренности. Снова темнота. Снова бой.

— ... Ты един, нет деления...

Слова зародили сомнения. Очевидные факты заставили остановиться. Двойник застыл напротив. Как бы ни было тяжело себе признаваться... но да. Старуха травница права. Интересно, почему я вообще ее слышу?... Возможно, это игры разума. Отрицание собственной дефектности, отсюда раскол сознания... Не важно.

— Принимаю себя. Таким, какой есть, — обреченно прошептал.

Зверь молчал. Глядя исподлобья, внутренне бранясь, медленно поднял раскрытые ладони навстречу. Двойник проделал тоже самое, чуть с заминкой. Из места соединения рук выстрелили разноцветные пугы, сковали два тела и впечатли одно в другое. Голова трещала от боли.

Со стоном открыл глаза, потирая затылок. Спальня в собственных покоях. Устало вздохнув, растянулся на полу.

Получилось. Вырвался.

В уши ворвались звуки: крики, ругань, топот спешащих ног. Мне дадут отдохнуть в этой жизни?!

Оглушительно треснула дверь, застряв рукояткой в стене. На пороге стоял взбешенный, запыхавшийся Белд. Стряхнув грязь с порванной одежды, зло вытер следы крови с

залапанного лица, стукнул кулак об кулак:

— Я тебя придушу! — радостно ощерился.

Руперт в коридоре дернулся. Отрицательно качнул головой. Белд вырвал дверь из стены, закрыл и бросился вперед. Неожиданно новые возможности тела: сила, скорость, реакция, как результат — короткая драка.

— Ты охренел? — спокойно спросил Белд, сплевывая кровь, набежавшую из сломанного носа.

Градоначальник лежал на животе, утыкаясь повернутой на бок головой в пол. Мой локоть не давал шевелиться. Я сидел на его спине, фиксируя заломанные руки. Откатился. Белд перевернулся на спину, дыша через рот.

— Однако... Буду знать, — задумчиво протянул, сгибая руку, подкладывая ладонь под голову. — Выпить найдется? Устал, как собака. Скакал к тебе, аки рыцарь к прекрасной даме, в надежде спасти от чудовища. А ты, засранец, сам вроде как чудовище... Ошибочка вышла, — вытер бурые разводы под носом. — Сломал, теперь вправляй. Только нежно, — важно уточнил.

Хруст. Мычание.

— Ненавижу-у-у, — гнусаво простонал Белд, держась за лицо. — Лекарь! — зычно крикнул.

Вбежал паренек. Оценивающий взгляд, лечение, укрепляющее зелье.

— Все, все, катись. Не мешай говорить с другом, — отмахнулся Белд. — И скажи, чтоб пожрать принесли! — крикнул вдогонку. — Так, на чем остановились? А. Ты хотел рассказать, что за дерьмо творится вокруг, в частности с тобой... красавчик.

— Все сложно.

— А я не тороплю-ю-юсь, — театрально протянул... друг. — Верись, вообще никаких дел!

Поговорили, приносили съестного. В свою очередь гость рассказал, что в округе появился спятивший маг крови, вырезающий и высасывающий кровь только из сильных людей.

— Пока спал, как принцесска, на твоей земле вступил в силу маг с огромным резервом. Ощутил каждый, в ком есть хоть капля дара. Ваша аномалия осталась верна себе, исказив действительность, словно эхо в горах, многократно усилила эффект, распространив... Даже не берусь судить о границах. Могло и до столицы дойти. Жди паломников, проверяющих, корону, церковь, наемников, глав семей... Всех, кому будет по карману притащиться в твою глушь, потому что потенциал — запредельный ... Признаюсь, хапнул бы этого мага без зазрения совести, пока валяешься подыхаешь, и свалил в закат. Если бы не обстоятельства... Оказалось, что это не один, а три. Три ребенка получили дар в одно время, подробности у Руперта, — поморщился. — Наложились и усилили друг друга, аномалия исказила — жажнуло, мама не горюй. Плюс: готовая тройка потенциально сильных магов. Минус: все думают, это — один человек. Мои слуги проверили, действительно так. Пара неучтенных слабосилков не в счет... Ты пойми, Джонатан, я знаю, что делить нечего, другие не знают, — вдохновенно воскликнул Белд. — Надо брать, когда само идет в руки!!! — грохнул кулаком об пол. Возбужденно блестели глаза. — Пара ресторанов, постоянных дворов, торговая площадь и бордель — прибыль будет колоссальной. Людям надо где-то жрать, спать, проводить время, а это — деньги. И большие. Отложи помирать на полгода, — сел, став предельно серьезным. — Рабство отменили, значит надо вертеться в другом

направлении. Стройматериалы, мебель, специалистов, ткани, персонал — все подгоню. Сделаю приличную скидку. И вообще, ты мне должен, — кисло улыбнулся. — За утайку информации, сломанный нос и Любу, от которой я отказался по твоей просьбе. Улавливаешь? — поиграл бровями. — Думай... Партнер. Пятьдесят на пятьдесят! Я мыться. Воняю, — понюхал подмышки, скривился, — как потный медведь. Воспользуюсь гостеприимством и твоей помывочной, тащиться никуда не охота. Если нападут, постучись. Но не заходи! — шутливо погрозил пальцем.

Когда не в меру болтливый Белд таки убрался с глаз, дошел до кресла и рухнул, откинув голову на спинку. Столько всего навалилось...

Многострадальная дверь жалобно проскрипела, впуская пьяного в хлам Велдона. Лениво повернул голову в его сторону, поморщившись. Вот уж кто вонял, так вонял. Одежду лекаря живописными пятнами украшали следы блевотины.

Бедный мой нос!!!

— Щас, — пьяно кивнул Велдон, увидев мое лицо. Шатающейся походкой направился в нужник. Дернул, не открылось.

— Занято!!! — возмущенно рявкнул Белд. — Я тебе щас кое-что оторву! — пообещал, распахнув дверь, ударив тем самым лекаря в лицо, от чего он упал на пол. — Ты откуда? — воинственный запал прошел. — Фууу, пьянь! — отшатнулся. — Давай, умойся и катись. Я первый пришел, — посторонился, пропуская внутрь.

Велдон подполз на четвереньках, медленно встал, опираясь об стену, и ввалился в уборную.

— Боги, что за день! — простонал Белд. — Рубаху снимай и вали. Лекарь!!! — гаркнул.

Пулей влетел слуга, исполнил требуемое, скрылся.

— С-спасибо, — поморщился Велдон, сжимая в руках дурно пахнущую вещь. Опьянение сняли, лицо подлечили, а головную боль оставили.

— Наслаждайся, — злорадно обнажил зубы Белд, выталкивая наружу.

Не придумав ничего лучше, Велдон выкинул рубаху в окно. Потоптался и плюхнулся в кресло, понуро опустив голову.

— Прости меня, Джонатан, — вскинулся, отчаянно глядя в глаза.

10

Джонатан Мюррей

Исповедь лилась из друга горным потоком — торопливо, мощно, безудержно. Он захлебывался словами, съедал окончания слов, торопясь вывернуть душу наизнанку, не забыв ни одной важной детали.

Первым делом рассказал об отсутствии чувств между мной и невестой, напомнил причины и обстоятельства, вынудившие пойти на такой шаг. Скрупулёзно, как это умеют только лекари, восстанавливал прошедшие события, желая освежить мою память. Я не стал рассказывать, что все вспомнил. Это был последний шанс для нашей дружбы, шанс понять, оступился или осознанно пошел другой дорогой.

Велдон красочно вспомнил, как я получил шрам на щеке. Рассказал, как не мог вылечить меня, и просто втянул часть заразы в себя. Провел анализ последовавших событий, тщательно рассматривая приступы моего гнева и то, что помогало успокоиться. По всему выходило, что катализатором развития гадости в теле выступали сильные эмоции. Я постоянно нервничал. После прорыва всколыхнулись старые раны, смерть дышала в спину, тревога о матери, людях, за которых несую ответственность послужили мощным толчком для

развития гадости внутри.

— Но тебе повезло, — печально улыбнулся Велдон. — Появилась Люба. Она отвечала взаимностью, пусть и не призналась до сих пор. Да, — кивнул друг в ответ на мою вопросительно поднятую бровь. — За развитием ваших чувств наблюдали все, кроме Руперта. Он по началу не желал этого замечать, но затем благоразумно отступил в тень. Так вот, Люба — якорь. Сам того не желая, ты тянулся к ней, и сдерживался, боясь причинить ей боль. Ты боролся. Тебе было за что бороться.

После минуты молчания, Велдон продолжил рассказ. Невесты требовали внимания и ему пришлось их развлекать, пока я разбирался в себе, не желая делать выбор. Друг успокаивал девушек, расписывал жениха с лучшей стороны, проводил кучу времени с ними и влюбился.

— Это произошло постепенно, я не хотел, — бесцветно произнес Велдон. — Красивая, яркая, умеющая расположить. С ней было интересно рассуждать, вести споры. Поскольку ты не проявлял интереса к невестам, а она оказывала знаки внимания, я позволил себе размечтаться, что тоже имею право на счастье, — мимолетная улыбка раздвинула губы, глаза остались не тронуты. — Эмоции бурлили. Болезнь быстро и незаметно стала развиваться, захватывая сознание. Я мог бы задуматься, почему цепляюсь к Любе. Мое подсознание понимало, что Элиз не любит меня. Было очевидно, что твоя избранница думает о тебе, оберегает в силу своих возможностей, а моя... манит словно бабочку в огонь. Элиз провела со мной ночь, однако утром резко изменилась, демонстрируя всем своим видом холодность. Это стало последней каплей. Темнота полностью завладела разумом. Позже, я понял причину поступка Элиз — желание зачать дитя. По контракту, она обязана родить здорового наследника. Твоя невеста подстраховалась. У лекарей, особенно у старых родов, есть много секретов. Она могла успешно выдать... нашего ребенка за вашего, — Велдон прикрыл глаза, встал и подошел к окну. — Внутри все перевернулось, когда ты беспомощный, как слепой щенок, доверился после пробуждения. Эти чувства, словно шипы, помогли подняться вверх. Помню напился, слышал повелевающий голос. Не желая вновь становиться чудовищем, ввалился в храм и... громко просил богов о помощи. Думается, был услышан. С желчью изнутри вышло что-то черное. Но самое главное, я снова я.

Шлеп, шлеп, шлеп. Босые пятки оставляли мокрые следы. Нагло одев мой халат, Белд, чистый, свежий и до отвращения бодрый, развалился в кресле напротив.

— Чего будешь с ним делать? — сложил пальцы домиком под подбородком. — Я все слышал.

— Это не все, — поморщился Велдон, обернувшись. Подошел близко. — Ты не умрешь, — решительно выдохнул. — Сможешь жениться на Любе и прожить жизнь так, как выберешь сам. Заберу болезнь в себя, как сделал это в прошлый раз. Смою предательство кровью. Тело лучше обезглавить и сжечь, во избежание сюрпризов. Прощаться не с кем. Я готов.

Вот так просто. Пришел, признался, голова с плеч. Усмехнулся. Ведь вывез, выкарабкался с темной дорожки, но не понял как. Его якорем, как он сам выразился, стал я. За столько лет он давно стал частью семьи.

— Мне надо подумать, — втянул носом воздух. — Из комнаты не выходить, с другими не разговаривать. Тебя тоже касается, — посмотрел на Белда. — Я теперь все слышу.

— Напиться- то хоть можно, мамочка? — сузил глаза Белд.

Кивнул и пошел к окну. Стены давили. Зверю внутри хотелось на воздух... Точнее мне хотелось на воздух. Не стоит снова делить себя на части... Когти появились по первому желанию. Глубоко вонзая в мягкое дерево, вскарабкался на крышу. Разговор занял много времени.

Воздух охлаждал разгоряченную плоть. Сжатая пружина внутри медленно распрямлялась. На ночном покрывале застыли мириады любопытных глаз, в ожидании моего решения.

Что делать дальше? Следовать ранее намеченному плану или решиться на...?

Откуда-то была уверенность, что стоит захотеть, шрам на щеке исчезнет. Еще не осознал изменения до конца, оттого внешне ничего не изменилось.

Да, что я дам ей?! Из груди вырвался смешок. Жизнь на пороховой бочке не пойми с кем? С калек-чудовищем?! Загрызу ее одним прекрасным днем в пылу ссоры? Внутри вскипело раздражение, пришло понимание: Люба — неприкосновенна. Вторая часть меня признала ее своей парой: оберегать, ценить, защищать.

Ну вот раз оберегать, надо подумать. Можно разыграть запасной вариант — Джоан. Уверен, договоримся. А Люба... достойна лучшего, чем полу зверь, полу человек, не знающий, чего от себя ожидать. Элиз хитрая, изворотливая гадость. Пусть думает, что все идет по плану. Велдон доказал свою верность, я чувал, что он не врет, что готов умереть за меня. Только я теперь... буду жить. Одна хитрая травница помогла. Позже стрясу ответы.

Посему, устроим двойную свадьбу. Велдон сам будет воспитывать своего ребенка. Хватит плодить сирот. Джоан родит двоих... и станет вдовой. Инсценировать смерть не трудно. Она станет хорошей матерью, будет честно заботиться о наследниках по собственной воле, а не за гонорар. А я... уйду. Куда-нибудь далеко, чтобы никому не мешать.

Неторопливо покачиваясь на волнах спокойствия, слушал и созерцал, представляя себя песчинкой, выбирающей направление для движения. Время текло, омывая неспешными водами. Шелест волн. Дыхание ветра на щеке. Шаги людей в доме. Брюзжание Белда. Копошение жуков в траве. Запахи далекого, но такого близкого леса. Женская легкая походка. Шепот листвы. Крики ночных птиц. Обратный путь женских ног. Грохот разбившейся вазы на втором этаже...

Рыдания Любы в ее комнате.

Сердце на миг остановилось и пустилось вскачь. Внутреннее равновесие разбилось вдребезги. Надо поскорее отправить ее в Ганзу. Пусть лучше учится и улыбается там, чем плачет здесь.

Невыносимо.

Люба

Травница спала обычным сном. В комнату постучались. Вошла давешняя четверка, дежурившая у капитана, пока он был не в себе. Все в крови, грязи и ранах. Они не пришли сразу, как обещали потому, что старший группы шатен со шрамом на щеке, чуть не прибил подростков, пошутивших над малышами на крыше. Двое мелких оказались его сыновьями. Набежал народ, мужики устроили драку.

Нашла запасы со времен самопального госпиталя, выдала чистое и сухое, велев переодеться в уборной. Стражники по очереди рассказывали события, пока обрабатывала их

увечья. Личные переживания отошли на задний фон.

— Люба, так мы ж это, в твоей комнате гурьбой мужиков, репутация! — все повскакивали. — Капитан, — переглянулись между собой.

— Уволил. Уезжаю, в Ганзу. Никому не нужна... эта репутация.

Сухо падали слова. Почти все равно. Надо только самой поверить...

После нервного срыва я уснула, благополучно проспав нападение и приезд градоначальника другого города с подмогой. Белд поведал: в его владениях завелся маг крови, вырезающий здоровых и сильных. Это чудовище движется в нашу сторону, прельстившись силой, жажнувшей от трех детей. Мне показалось странным событие с детьми. Уточнила, когда произошло. Оказалось, примерно в одно время, когда я вступила в силу. Не хорошее предчувствие засвербело внутри.

Стало зябко, не по себе. Если оглянуться и прикрыть глаза, ощущение, что вокруг закручиваются кольца урагана, от которого не спрятаться. Слишком много событий для захолустья на краю королевства...

Двое стражников сходили на разведку в доме. Вернувшись, рассказали, что пришел пьяный Велдон. Они втроем с Белдом закрылись в покоях капитана. Охрана у дверей шепнула своим об очень бледном лице Элиз, покидавшей покои капитана после разговора. Переживают за хозяина. Сам еле стоит, так невеста не блещет здоровьем. Большой вопрос, состоится ли свадьба.

Внутри противно царапнуло.

Парни поблагодарили за помощь и покинули комнату. Я осталась наедине со своими тяжелыми мыслями. На безмятежном лице травницы играл легкий румянец, мерно поднималась и опускалась грудь. Спит и хорошо.

Чертыхаясь на саму себя сквозь зубы, сжала в кулаки зудящие руки и пошла на кухню. Кто-то уже побывал здесь, пока я трындела в своей комнате, — на столе был бардак из остатков еды. Ага, мужчин покормили... И хорошо, самой не придется тащиться. Видеть... никого не хотелось.

В голове, словно в барабане стиралки, крутились одни и те же мысли. Бледная Элиз. Закипела вода. Опять есть хочется... Странное поведение Мюррея. Поставила чашку. Ну конечно доживет эта вертихвостка до свадьбы, сама из могилы кого хочешь поднимет, только бы осуществить желаемое.

Бледная Элиз.

Ладно, поесть принесу ей. И попить. Ну и идиотка ты, Любка! Дать бы ей чего забористого, чтобы из туалета не вылезла... А там может и свадьбу отложат... Дурында. Лекарь же она, нейтрализует. Горестно выдохнула. Надо взять себя в руки. Мысли лезут всякие... И чего я ему скажу? Не женитесь на ней, берите меня, я вся ваша? Поджала губы. Вешаться на мужика последнее дело, особенно когда тебя прямо и четко послали...

Вот почему внутри все равно не утихает? Почему потеют ладошки и хочется обнять, предварительно стукнув?

Блюющая Элиз.

Прошиб холодный пот. Резкая смена поведения капитана...? Не может быть. Они же друг друга знают без году пара дней. Но вот его здоровье, сжатые сроки... Могли или не могли? Прикусила щеку изнутри. Да неее... Тут нравы другие.

Или могли?

Пальцы тербили платье. Раздражали мелкие пряди волос. Чесалось тело. Нервы, чтоб

их! Есть только один способ узнать. Может и делить уже нечего, а я тут мнусь, переживаю...

Решительно покидав вонючих трав в открытые плоски, добавила на поднос хлеба и взвара, помогающего женщинам в особом положении. Ласточкой преодолела путь. Вот уже стучусь, нервно облизывая губы. Захожу. Сидит в ночной рубашке, перебирает пряди волос. Вся красивая... и однородно белая, словно приведение.

— Чего пришла? — раздраженно буркнула, когда закрылась дверь.

— Да вот, капитан приказал принести зелье для спокойствия. Я не разбираюсь, запасы закончились, травница спит, — медленные шаги вперед. — Сварила, как получилось. Если надо добавить, прихватила, что было.

Сунула поднос ей под нос. Элиз моментально побледнела, сжавшись в комок. Губы превратились в тонкую, едва заметную полоску. Глаза метали молнии. Сжав нос, она зашипела:

— Дура криворукая, кто же тебе разрешил зелья варить! Отравить меня решила? Не выйдет! Вот я всем расскажу!!!!

Схватила мое варево, приняухалась. Вскинула удивленный взгляд, опрокинула в себя зелье и плюхнулась обратно, где сидела. Плечи расслабились, спина выпрямилась, на губах расцвела блаженная улыбка. На миг прикрыв пушистыми ресницами глаза, она спокойно произнесла:

— Прости, Люба. Нервничаю перед свадьбой, — чуть замаялась, отведя взгляд. — Нам не обязательно конфликтовать. Мне нужна только свадьба и наследник. После, он весь твой, на сколько его хватит... Понимаешь? — вкрадчиво прошептала Элиз.

На ее щеках играл здоровый румянец.

— Я все поняла, — старательно раздвинула губы в фальшивой улыбке, стараясь не расплакаться при гадюке.

Покивала, забрав поднос. Еле дошла до своей кровати, упала и разрыдалась.

Элиз беременна.

Амран утро следующего дня

Рассвет пылал. На горизонте распускались лепестки утренней зари, словно брызги жидкой магмы: золотые, багряные, слепящие, рассекая чернильную синеву ночного неба. Птахи пели оды начинающемуся дню. Шумел океан, ведя извечный диалог со скалами и ветром.

Травница проснулась полной сил, память о разговоре с наставницей была на месте. Сочувственно погладив по голове спящую, опухшую от слез Любу, старушка, неслышно напевая похабную песенку времен молодости, бронетанком ворвалась в круговорот дел важного дня.

Умело растопила печь. На поверхности воды в толстой пузатой чашке плавали успокоительные травки.

Тяжелые занавески в пол стыдливо жались по бокам окна, не смея закрывать магию начинающегося дня. Бодрствующая Марджери застыла изваянием у изголовья, сидя посреди смятой постели. Она не отреагировала ни на тихий стук, ни на вошедшую посетительницу. Руки обнимали подтянутые колени к груди.

— Пей, — аккуратно вложив руки чашку, травница присела на край матраса.

Марджери пылливо взглянула на старуху и, сильно волнуясь, спросила:

— Джонатан ...? Мне не приснилось?

— Пей, — подтолкнула к действию травница. — Да, — кивнула.

— Хорошо, — заторможенно качнула головой мать капитана, боявшаяся поверить в чудо.

Травница, тихо подбадривая ласковыми словами, помогла Марджери привести себя в порядок и спуститься на кухню. Усадив за стол, старуха занялась делами, периодически оглядываясь на женщину, давая время прийти в себя.

Первой спустилась Элиз. Бледная, чуть сторбленная, подрагивающими пальцами вцепилась в косяк, чтобы устоять от сбивающей волны запахов, ворвавшихся в ее чувствительный нос. Совладав с собой, приказала тоном, не терпящим возражений:

— Старуха, кухарка вчера варила успокоительное зелье. Я хочу именно его. Дай, — плотно сжались губы. — Доброго дня, Марджери, — легкий полу поклон, — не ожидала вас увидеть... здесь.

Мать капитана медленно повернула голову в сторону говорившей, вперив в гостью пустой, отсутствующий взгляд, пробравший Элиз до костей. От чего девушка побледнела еще больше. Брезгливая гримаса появилась и пропала.

— Дай!!! — чуть истерично взвизгнула Элиз, цепляясь за край деревянного стола, дабы не упасть. — Сейчас же, противная старуха!!!

Марджери поворачивала не мигающий взгляд в след двигающейся по комнате девушке, от чего последняя испытывала раздражение и страх.

— Делаю, — спокойно отозвалась травница.

— Марджери, — нервно выдохнула невеста, пригладив волосы на голове, — вы хотите мне что-то сказать?

— Оставь, она еще не с нами, — дернула плечом старуха, пододвигая к девушке чашку.

Торопясь, обжигаясь, Элиз жадно пила большими глотками. Горячие струйки текли за шиворот помятого платья. Глухой стук чашки об стол.

— Еще! — нахмурилась Элиз.

— Налей, там, — пальцем показала старуха на кувшин в стороне, занимаясь приготовлением завтрака.

Наплевав на непочтительный тон, Элиз любовно огладила глиняный бок и счастливо ушла не прощаясь. Как только стихли шаги, Марджери отмерла, заинтересованно принялась, заторможенно пододвинувшись, дотянулась до пустой тары и, принявшись, вылила последнюю каплю на высунутый наружу язык. Кивнула самой себе и снова притихла, погружаясь в коматозное состояние, как улитка в раковину.

— Это пока секрет, — приложила палец к губам травница, на что получила осмысленный кивок.

Внутри матери капитана происходила глобальная перестройка. Сил быть прежней не было, как и желания.

Приходил Велдон. Проверил Марджери, подлечил. Стоя на коленях, попросил прощения. Глядя по руке, с затаенной грустью пообещал, что скоро все будет хорошо. Отвесил поклон в пол травнице:

— Простите меня... и спасибо за все, — ушел.

Пришла Люба. Удивилась госте, поздоровалась, споро начала помогать старухе. Наверху раздались голоса, шаги. Обитатели дома проснулись.

Ветер рисовал затейливые узоры на зеленом шелке колышущейся высокой травы за одной из казарм. Бросая увлекательное занятие, периодически подлетал к девушке, сидящей

на кособоком чурбачкев коконе из тонкого одеяла, дул на лицо, от чего темные завитки волос смешно топорщились в разные стороны, выбившиеся из косы. Шоколадные глаза с тревогой смотрели в даль.

— Не спится? — обозначил свое присутствие бледный Руперт.

— Ага, — заторможенно отозвалась девушка, медленно выплывая из собственных мыслей. — То есть, простите...

— Не надо, — мотнул головой мужчина, останавливая девушку и ненужный этикет. — Самому тошно.

Отряхнув от земли, поставил второй чурбачок вертикально. Присел. Достаточно близко, чтобы вести тихую беседу, достаточно далеко, чтобы не нарушать личного пространства.

— Ничего, если я тут...? — дал возможность решить девушке.

— Конечно, — отозвалась Джоан. — Амран, — чуть усмехнулась, — поразительное место. Многое наносное... стирается. Привычное воспринимается под другим углом. Люди действительно счастливы. Рада, что довелось побывать здесь, пусть и на короткое время. Будет чем утешиться после побоев мужа, — по инерции произнесла мысли в слух. — Ой, простите. Все не так, — осознала, что сболтнула лишнего. Порывисто вскочила, от чего одеяло упало на пол, открывая вид на домашнее платье, выгодно облепившее изгибы женского тела. Нервно кусая губы, девушка лихорадочно придумывала, как выпутаться из щекотливой ситуации, сжимая кулаки.

— Все хорошо, — Руперт осторожно накинул одеяло на плечи, аккуратно кутая девушку, чтобы не застудилась. Успокаивающе поглаживая по предплечьям, произнес, — я никому не расскажу.

Джоан металась, не зная, можно ли доверять. Справедливо рассудив, что капитан не станет держать около себя мерзавцев, расслабилась и только тут поняла, как непозволительно близко стоит к мало знакомому мужчине. Красный цвет окрасил лицо и шею. Руперт одернул руки, а после и вовсе спрятал за спину, делая шаг назад. Присели. Слово за словом, Джоан рассказала немного о себе, Руперт о себе. Увлеченные диалогом, они не заметили пятящегося задом секретаря, осторожно крадущегося на носочках. Отойдя на достаточное расстояние, парень небрежно прислонился плечом к стене, делая вид, что кого-то ждет. Приветственно кивнул. Часовые повторили жест, проходя мимо, продолжая утренний обход территории.

Золотыми дисками светила величественно поднимались из-за горизонта.

Черные глаза не встречали рассвет. Под землей вообще темно. Затянувшаяся рана на голове дергала и пульсировала. Рядом тряслась обугленная землеройка, обгадившаяся под себя, не спавшая все это время из-за страха быть съеденной. Уловив движение открывшихся ресниц, мелкая тварь быстро и топорно слила информацию по каналу подчинения. Принимающая сторона обалдела от количества, содержания, была обессилена, дезориентирована — ментальная привязка лопнула. Издав ликующий визг, землеройка рыбкой нырнула вверх, на сверхсветовой скорости разрывая землю. Сквозь вертикальный, глубокий канал поступил свежий воздух. Заголубел овальный кусочек неба. Тяжело вздохнув, черные глаза выбрались наружу.

Иметь все и так глупо потерять... Дежавю.

Мечь превратилась в развлечение, потерялась концентрация. Об открытом нападении можно было забыть. Все привязки слетели, в том числе связь с ядом. Человек непонятно как

освободился. Проклятая птица... Выпустить кишки и бросить на растерзание мелкому зверью...

Исцеляющая волна колючей рябью прошла сверху вниз. Запасы сил, почерпнутые из человеческих жертв, закончились. Придется лезть по скалам вверх, вслепую заходя с тыла по запаху преследуя цель.

Но сначала пожрать.

Раскорячившись на полу в уборной, Элиз блевала, содрогаясь всем телом. Казалось еще немного, и полетят внутренности. Когда закончилось, резким движением головы откинула волосы назад, брезгливо вытерла рот. Трясущимися руками вцепилась в края ванны и с наслаждением, прямо в одежде, легла в наполняющуюся холодной водой ванну, устало откинув голову на борт.

— Теперь никто не усомнится, — рассмеялась каркающим смехом.

Идеальный план дал осечку — вместо нормального ребенка, внутри росло...отродье. Девушка не понимала, когда успела заразиться, но точно представляла чем. Тут уж не до жиру, выжить бы. Элиз скривилась. Теперь так: свадьба, брачная ночь, выкидыш. Уж это в ее силах. Надо только продержаться. Являть миру ассимилировавшегося монстра Элиз не собиралась. Статуса вдовы достаточно, чтобы свободно жить... Просто жить.

Злая, темная сущность внутри мистическим образом считывала мысли молодой женщины, но не могла повлиять на исход, оттого бесновалась как могла: тошнило, бросало в жар, эмоции выходили из берегов.

Элиз убрала со лба прилипшую от пота прядь волос. Ничего не помогало. Тем неожиданней оказалось действие отвара Любы: отродье заснуло, а проснувшись — озверело. Старуха сварила зелье из тех же трав — мимо. Вывод один: дело в Любе, ее особой магии. Как лекарь, Элиз подметила проснувшуюся искру в кухарке, что само по себе в ее возрасте было неожиданностью.

Эту информацию можно выгодно продать старшему рода в обмен на самостоятельную жизнь. Перспективы использования дара Любы необозримы. Отобрать, развить, подсадить, несколько сотен экспериментов и можно менять правящую династию. Те, в чьих силах будет оружие против тварей, смогут все.

Единственное, чем Элиз поможет Любе — поставит условие, чтобы кухарка осталась цела, невредима и в своем уме. Почему? Впервые в жизни ей было кого-то жаль. Вот так любить, самозабвенно, жертвенно... по-настоящему. Редкость.

— Хвала богам, меня обошла сия участь, — прошептала невеста капитана.

Зависеть от других молодая женщина не собиралась. Передав стражнику возле покоев приказ немедленно привести кухарку, Элиз отошла к окну. Сжав кулак, посмотрела на него с разных сторон. Мое, моим и останется.

Учув вошедшую Любу, отродье злорадно послало мощную волну дурноты. Элиз вывернуло в окно. Кухарка бледным пятном стояла посреди комнаты.

— Пожалуйста, — попросила Элиз, выпрямляя спину, чтобы сохранить хотя бы остатки гордости, — принеси свой отвар. Свежий. Побольше... Скоро свадьба, не хотелось бы оконфузиться... на церемонии.

Уловив момент, когда травница утешала вернувшуюся в слезах Любу, Марджери неслышно выскользнула из кухни, направившись к сыну — поговорить.

В голове и в теле было легко и спокойно. Теперь женщине нравилось молчаливо созерцать, восхищаясь творениями богов, самим течением жизни в каждой детали, будь то человек или движение облаков на небе. Марджери понимала, что скоро окрепнет и вновь придется влиться в ритм, но теперь это будет совершенно другая мелодия.

Стражники почтительно поклонились и были удостоены благосклонной улыбкой — явление редкое, оттого непривычное. Белд и Велдон понятливо пошли прогуляться, когда увидели раннюю гостью. Джонатан бережно обнял мать, помог сесть в кресло и устроился на полу у ее ног. Он чувствовал перемены и дико боялся, что родной человек попросту сошел с ума.

С наслаждением перебирая черный шелк волос, Марджери шумно вдохнула и чмокнула любимого сына в макушку. Капитан вздрогнул, дела плохи...

— Радость моя, — мужчина совсем сник, — прости меня, если сможешь. Я так была не права, — задумчиво произнесла Марджери. — Не надо переживать так громко, я в своем уме, — легкий щелбан по лбу говорил капитану об обратном. Много лет назад, его мать, молодая и счастливая, могла себя так вести, но не сейчас.

— Мама, — с сожалением произнес Джонатан, касаясь ладонью щеки матери. Столько невысказанного крылось в одном произнесенном слове.

— Все хорошо, — накрыла своей рукой его ладонь, глядя в глаза. — Мы сделали столько ошибок. Давай не совершать новых? Элиз беременна от тебя? — строго спросила.

— Мама!! — капитан возмущенно поперхнулся. — Откуда?

— Так и думала, — кивнула своим мыслям. — Ты не мог, воспитывала тебя иначе. Дорогой, уж поверь, отвар от недомоганий беременности знает каждая роженица. Я хочу, — обняла ладонями его лицо, поворачивая к себе, — чтобы ты был счастлив. Женись хоть на колченогой выдре, главное, чтобы вот тут, — легонько коснулась глаз, — и вот тут, — ткнула пальцем в сердце, — горело от любви. Не соглашайся на меньшее, не обворовывай себя, сын. Я приму любую, кого приведешь. Приму с радостью, объятиями и улыбкой. Сделаю все, что в моих силах, а если буду мешать, отойду в сторону. Внук — это хорошо, когда он еще родится... Самое главное у меня уже есть — ты, мой любимый сын, — легонько чмокнула в лоб. Из глаз текли слезы.

— Я понял.

Капитан встал на колени и крепко обнял мать. Сухонькая, седая, Марджери сильно сдала. Куда он сбежит? На кого ее оставит? Вот уж глупости.

В коридоре Марджери столкнулась с бледной Любой, несущей кувшин. Запах был знаком. Дверь открыла служанка. Когда только успела прийти? Джонатан задумал глупость. Упрямое выражение, знакомое матери с детства собственного ребенка, горело огромными буквами на его лбу. Усмехнувшись, Марджери задумала шалость. Надо наглядно показать сыну кто есть кто. Больше сидеть и ждать у океана погоды женщина не собиралась. Время летит, не поймать. Пусть тратит его на молодую любимую жену, нежели на метания выбора.

Постучавшись, передала приглашение на завтрак Элиз. Невеста удивленно пучила глаза, пытаясь отказать, прикрываясь необходимостью подготовки, но сдалась под действием пугающей мягкой улыбки душевнобольного, отразившейся на лице будущей свекрови.

Через пол часа на траве заднего двора стоял накрытый стол. Капитан во главе стола, рядом мать, невеста, Руперт, Велдон, Белд, секретарь, Джоан и ... Люба.

— Милая, — тихонько вздыхала Марджери, — помоги старой женщине, — трясущиеся

руки расплескали питье на скатерть. Люба аккуратно помогла отпить. — Сама попробую, — улыбаясь, забрала ложку, опуская в кашу. — Ешь, — обратилась к Любе, — потом некогда будет. Боюсь, придется весь день ходить со мной.

Белд держал лицо. Профессиональная выдержка. Капитан мечтал провалиться под землю от стыда. Он прекрасно помнил, как поругался с ... любимой. Руперт и Джоан, сидящие рядом, тихонько вели беседу. Секретарь прикрывал рот ложкой, но предательская улыбка так и норовила вылезти. Элиз старательно изображала кроткую овечку, бросая влюбленные взгляды на жениха. Велдон покаянно смотрел в тарелку, словно прося прощения у каши. Джонатан мрачно смотрел на Джоан и понимал, что опоздал со своим выгодным предложением. Фальшь Элиз смердела прокисшими щами недельной давности. Люба искренне беспокоилась за Марджери, не замечая никого вокруг.

С тихим вздохом капитан понял посыл матери.

После завтрака Марджери попросила Любу остаться на кухне за главную и увела травницу. Две женщины неспешно шли рука об руку. На контрасте: служанка и госпожа. Охрана недоумевала молча.

— Спасибо, — тихо произнесла Марджери.

Неторопливо рассказала о себе, умозаклучениях и планах на будущее. Травница поделилась неожиданными подробностями и собственной историей, взяв клятву молчания. Стоя рядом с пропастью, две женщины породнились на крови, произнеся ритуальные клятвы. Океан одобрительно гудел внизу.

Люба

На душе было противно.

Тут еще Марджери поймала дзен и с видом блаженной ходила пугала сияющей всепонимающей улыбкой. Народ содрогался и обходил бочком. Все, кроме травницы, поймавшей ту же волну.

— Люба, — мать Мюррея подошла после завтрака на кухне, взяла за руку. — Прости, если сможешь, мое истеричное поведение, придирки, грубые слова... Спасибо за добро, что сделала для меня с сыном.

Хмуро оглядев с головы до ног, настороженно кивнула. Порой пробегает мыслишка, что женщина немного... ммм... повредилась умом от горя? Выходка капитана сильно отразилась внешне и внутренне. Травница взяла над ней негласное шефство. Вот и сейчас, ушли вдвоем подышать свежим воздухом.

Дела были выполнены. Посуда чистая, обед готовит Олаф. Элиз ушла к девушкам в казармы. Проводы, обряды, прихорашивания. Чтоб она там за корягу зацепилась и упала лицом в дерьмо... Нет, ей падать нельзя... Грусть, печаль.

Не зная куда деть себя, принялась перебирать запасы зелий и наткнулась на мазь, сваренную для шрама капитана. Утром его щека выглядела лучше, как — будто шрам стал меньше. Пошла собирать вещи. Тишина вокруг давила. Слезы настойчиво стучали изнутри, желая выйти на свободу. Вот еще, плакать из-за него! Не дождется!!! Вздернула нос.

Тоскливо выдохнула. Кого обманываю? Эти чувства сорняком проросли, намертво оплеля корнями сердце. Не вырвать, не вырваться. Не любит ведь она его.

Не лю-бит!

Серdito бросила сумки на пол. А я люблю!

— Вот и люби, молча, — буркнула сама себе.

Знала, что это не выход, но сил больше не было. Еще немного и просто разорвет от переживаний. Не придумав ничего умного, я пошла и... махнула стопочку из закровов. Юный алкоголик в моем лице поморщился, передернулся, тяпнул вторую. После третьей стало... Хо-ро-шо! Мир приобрел яркие краски. На губах появилась улыбка. Захотелось чего-нибудь отчебучить напоследок. Прихватив бутылочку, пошла на кухню. Пьяный мозг понимал, надо закусить хоть чем.

Четвертая, пятая... Что-то прожевала. Глаза блуждали по стенам. Прорезавшийся внутренний голос твердил, что не надо сдаваться! Где это видано, чтобы я опускала руки?! Пффф!!! Не дождется! Сейчас пойду и расскажу ему, кого потерял! Пусть потом локти кусает ночами в холодной супружеской постели! Именно холодной, Элиз ее греть не собирается.

Хотелось высказать все-все-все! Только он так долго слушать не станет. Кому понравится, чтоб его ругали? Решение пришло неожиданно. Рядом захихикали. Огляделась... Уууу... Привет, белочка. Это ж я смеюсь. Похлопала себя по щекам.

— Соберись, Люба! Щас я ему покажу... троянского коня!

На подносе исходил ароматом взвар, рядом расположилась баночка варенья — замануха. В питье была добавлена лошадиная доза обездвиживания — остатки запасов со времен лежащих больных в этом доме. Ну и мазь захватила. Пока буду ругать намажу заодно. Свадьба. Надо быть красивым, все дела.

Я понимала, что творю дичь... Но лучше так, чем выть от боли, забившись в угол. Выговорюсь и уйду. Донести все это и не упасть было сложно, но я героически справилась. Толкнула дверь в кабинет.

— Люба? — ужаснулся капитан, вставая из-за стола. — Что с вами? ... Вы... напилась?! — затрепетали ноздри.

Еще немного и его разорвет от удивления. Нахмурилась. Точно, не постучалась... Дурында. Надо срочно исправлять ситуацию.

— Добрый день, — аккуратно склонила голову. Не упасть бы. — Я принесла варенье. За завтраком вы выглядели парши... озабоченно, — исправилась на лету. — Вот, последняя заначка. Подарок, — чуть не лягнула «свадебный».

Мюррей стоял, будто прилипший к полу. На лице, как на сцене, одна за другой менялись эмоции. Было не до него. Поднос становился все тяжелее и тяжелее. Поставила на стол, перевела дух. Фууу....

— Пейте! — грозно сунула чашку в его руки, не сводя хмурого взгляда.

Не иначе как от неожиданности он механически пригубил. А я взяла и наклонила тару. Капитан поперхнулся, но вылакал. Глаза округлились, прищурились... капитанский зад шлепнулся на кресло.

Не смогла сдержать торжествующего смеха. Сработало! Показывая все тридцать два, нависла.

— А вот теперь, Мюррей, мы поговорим! — хищная улыбка расцвела от уха до уха.

Зелье Велдона для особо тяжелых случаев работало прекрасно — капитан застыл молчаливым памятником самому себе. Только глаза по-прежнему сверкали, стенографируя нерадивой служанке все кары небесные. Возможно, и ремня по жопе. Точно судить не берусь.

Медленно провела указательным пальцем по груди начальства, попутно выводя узоры.

Тогда как внутри kloкотало от ярости, хотелось встряхнуть за шиворот, вопрошая: «Какого лешего вы с упорством клеща пролезли глубоко в сердце!?» О нет, я не стану глупить, воя от отчаяния, размазывая сопли. Мне не нужна жалость и отвращение к бредням пьяной женщины.

Я хочу быть королевой в его истории, недостижимой вожденной мечтой, приходящей во снах и наяву, как только закроет глаза. Пусть помнит только меня и терзается, что выбрал отмороженную рыбу из потомственных детородных генов.

Алкоголь в крови искрился, взрываясь шаловливыми пузырьками. Отошла на шаг, встав спиной. Томно повела плечами. В книгах об этом часто пишут, жаль, нет видео инструкции. Буду надеяться, что это выглядело завлекательно, нежели из разряда горестного: прострелило левое плечо, защемило правое, сорок лет, уже больная, старая.

Постоянный физический труд, магия и нервы пираньями сожрали лишние килограммы, обглодав тело с пятьдесят второго примерно до сорок шестого. Тьфу и растереть! Почти модель!

Уверенно приспустила шнуровку на новом платье, стягивающую ткань от груди до горла. Прижав подбородок, придирчиво осмотрела верхние девяносто — кокетливая ложбинка выглядывала из окопа! На войне все средства хороши, не стриптиз же танцую.

Медленно, глубоко вдохнув, повернулась обратно в пол оборота. На длинном выдохе стянула чепец. Распустила волосы. Прикрыла веки. С наслаждением помассировала уставшие корни растопыренными пальцами. Еще никогда моя спина не была так близка к эталону прямой палки, даже в лучшие годы юности. Как бы не защемило от натуги.

— Жарко, — пожалала плечами, глядя на капитана.

Мюррей обалдело взирал на непотребства.

Взяла мазь, зачерпнула кончиками пальцев. Провокационно нагнулась. Слишком близко. Легкие, невесомые касания, словно крылья бабочки. Толпы мурашек. На моем теле. Кажется, жалеть о несбыточном будем мы оба...

— Не удобно, — прошептала, облизнув губы.

Откинув мешающие волосы в сторону, оголила шею с его стороны...Присела на колени. Казалось, все вокруг застыло, подчиняясь волшебству момента. Сердце бешено стучало. Уперлась ладонью в его грудь — у капитана тоже. Склонила голову вниз, пряча удовлетворенную лукавую усмешку. Все так же медленно, словно в танце, двигалась, удобно устраиваясь, «нечаянно» ластясь.

Пытка на двоих.

Тяжелый, многообещающий взгляд мужчины. Опаляющее дыхание, шевелящее короткие завитки волос возле уха. Как бы между прочим, тихо рассказала, что это я, а не Элиз, звала его, когда был без сознания. Повела, как не сдавалась, искала лекарство и нашла — мазь.

— В корзинке осталось по одной травинке, пусть Велдон найдет и повторит рецепт. Это продлит тебе жизнь, — нежно касалась щеки. Мазь давно впиталась.

Отложила мешающую тару. Уеду завтра и вспоминать нечего будет. Внутри боролась искушение со стыдом. Плечо Джонатана дернулось. Силен. Скоро перестанет действовать.

Если что, это все не я — алкоголь. Завтра ничего не вспомню.

Медленно обвела пальцем абрис лица, провела по бровям, под глазами, чуть коснулась носа, щетины на щеках, очертила губы, запоминая, отпечатывая в памяти.

Мое, ставшее чужим. Улыбнулась уголками вниз. Снова ребенок встает между мной и любовью. Выбор будет тем же.

— Не буду отнимать отца у ребенка, — покачала головой. — Но буду любить... Далеко и безответно...

Руки скользнули, обвивая мужскую напряженную шею.

— Моральная компенсация, — закусила губу в предвкушении. — Ты ведь никому не расскажешь? — спросила шепотом.

Гори оно все огнем!

Я его поцеловала...

Конечно, громкое сказано. Так, прижалась губами. Мягонько... Ведь пациент обездвижен. Пора отодвигаться, продолжения не будет. Встать, помахать ручкой и тю-тю! У кого свадьба, у кого дальний путь.

Ан, нет!

Невинное касание переросло в настоящий поцелуй! Требовательный, пламенный, чертовски приятный! Волосы на всех частях тела встали дыбом, мужские руки крепко обняли, не давая отстраниться. Удивленно открыла глаза, чтобы удостовериться значится, не мерещится ли? Джонатан, напряженно смотря, ожидал сопротивления, квохтанья оскорбленной невинности.

Дура я что ли?!

Раз такое дело, продолжаем и наслаждаемся! Подумаю о своем падении позже. Руки наконец дорвались до капитанского тела и щупали, щупали, щупали! Губы горели. Ерундень какая.

Еще! Я жадная!

Внутри вибрировало, горело и взрывалось. Даже в самых смелых мыслях не отваживалась мечтать о подобном. На душе было так тепло, так хорошо, что хотелось обнять весь мир. Я была абсолютно счастлива, прекрасно отдавая себе отчет, что ничего дальше не будет. Есть только «сейчас».

— Капитан, — подул ветерок из открытой двери, — тут такое щепетильное дел....О-о-о-о! — взволнованный секретарь поперхнулся словами, зайдя так не вовремя.

— Вон!!!! — прорычал Джонатан, утыкая мою голову в свою грудь, прикрывая ручищами. Пустая чашка полетела в нерадивого гостя.

Ну да, ну да. Как-будто секретарь не поймет, ху из ху. А я что? Сижу и ладно. Хорошо, тепло. Молча трясусь от смеха.

— Простите. Понял. Потом.

Три, два, один. Хлопок. Тишина.

Чмокнула в нос, соскочила. Шутливо отсалютовала. Так и запомню: счастье, любовь, смех.

— Спасибо, — улыбнулась. — Удачи на свадьбе... Пропущу, не обессудь.

— Люба, — угрожающе прорычал капитан. Из-под верхней губы выглянули клыки.

— Тц, тц, тц, — укоризненно покачала головой. — Давай без этого всего, — неопределенно махнула рукой.

Смазанное движение и путь к отступлению отрезан — Джонатан не пойми как уже стоит у двери. Оглянулась назад. Пусто. Впереди злющий мужчина.

— Тогда я..., - вздрогнула, выгнувшись от боли, глупо раскинув руки в стороны.

Звон разбитого окна. Жалящие осколки. Спину обожгло. Бросок Джонатана вперед черной стрелой. Обернулась и с силой зажала рот руками, чтобы не помешать криком

схватке не на жизнь, а на смерть.

Не может быть!!!....

11

Любаша

Мысленно похороненная и отпетая, самка человекоподобной твари, чья семейка пыталась меня убить в день попадания на Эдо, оказалась живой, бодро атакуя капитана, который решил не отставать, изменившись внешне, став подозрительно похожим на нападающую.

Стояла и глупо хлопала глазами, пытаясь поднять упавшую от удивления челюсть. Страх липкими щупальцами брал в плен... Господи, как же я ее оказывается боюсь!

Клубок тел хаотично дергался в разные стороны, круша мебель в щепки, оставляя вмятины, кровоподтеки и борозды на всех поверхностях. В ярких лучах дневного света искрились кровавые алмазы — щедро обогащенные алой кровью осколки стекла.

С трудом сбросив оцепенение, старалась двигаться, чтобы сохранить дистанцию от сражающихся, судорожно прикидывая, как помочь Джонатану. Вспомнился случай с охранником, мешающим выйти из кухни. Надо найти что-то тяжелое и разозлиться, чтобы повторить подвиг с отвлекающей вспышкой. Тело бросило в жар. Настойчиво билась мысль: надо что-то вспомнить.

Оказавшись рядом с выходом, услышала топот бегущих ног и успела отскочить, прежде чем дверь грохнулась об стену. На пороге стоял включенный секретарь. Дико вращая потрясенными глазами на побелевшем лице, он осмотрел место побоища.

— Твооооююю жеж!!!! — округлил рот, прижал ладони к щекам и присел от эмоций. — Я же всех отослал, чтоб вам не мешали!!! — взволнованно проорал, осознавая последствия.

Тут же вцепился сам себе пощечину, схватил меня за руку и дернул на выход. Успела вцепиться в косяк, тормозя.

— Приведи подмогу! Она пришла за мной! Мне нельзя уходить, — выдернула покрасневшую руку, — понимаешь?

Парень раздосадовано поджал губы, еще раз взглянул вглубь комнаты и, перебарывая себя, выдал:

— Я быстро! Не лезь к ним! — предостерегающе сжав плеч, спешно отбыл.

Сердце бешено стучало внутри от страха за Джонатана, сосредоточиться не получалось. Пришлось закрыть глаза. Цепочка не логичных ассоциаций закрутилась в бешеном ритме, увеличилась и обрушилась лавиной воспоминаний, показывая перед внутренним взором фрагменты прошлого. То, чего я не помнила — моменты потрясений, надёжно скрытые подсознанием.

Открыла глаза. Я знала, что делать. Теперь знала.

Следовало поторопиться. Тварь методично выдалбливали углубление в стене головой капитана. Джонатан не сдавался, устрашающе рыча, отбиваясь, но было ясно — проиграл. Черные волосы самки живыми змеями протыкали мужчину, причиняя боль, вкачивая темную дымку.

Стало горько. Усмехнулась. Так бездарно упустить второй шанс. Ох, Люба, Люба! Ничему тебя не учит жизнь. Стало кристально ясно, что я занималась ерундой все это время. Снова. Постоянство — признак качества. В моем случае сомнительного.

Эх, мне бы только суметь!... Отмотать время назад. Я б варенье сразу наладила в

производство — нести людям добро, да и свое дело копеечку принесет. Облюбила бы крепко травницу и породнилась. Нечего отломанным ломтем век коротать. В семье всяко теплее. Олафу бы лишний раз сказала, какой он молодец, рецептов подкинула на радость всем.

Но самое главное, я бы боролась за Джонатана! Если б взялась за него, у Элиз не осталось бы и шанса! В конце концов, вероломно соблазнила бы, заставив жениться.

Я бы любила его...

Как много «бы», как много сожалений. Оглядываясь назад... все равно было хорошо.

Чувствовала, как крутится внутри дар, наматывая нити на клубок, ширясь и увеличиваясь. Откуда он их тянет — не мое дело. Надо выиграть время, Джонатан уже хрипит из последних сил.

— Ну, здравствуй, подруга! — с издевкой. — Пришла отомстить? Так вот она я, — раскинула приглашающе руки.

Черные глаза ненавистью обернулись, вихрем взметнулись волосы. Капитана трясло от борьбы с темной гадостью, циркулирующей в теле.

— Удивила, — кивнула. — Думала, сдохла давно со своим муженьком. Помнишь, как я воткнула ему нож, — сжала кулак, представляя со вкусом предмет в руке, — в голову по самую...

За внешней бравадой скрывалась обычная, скулящая от ужаса и страха женщина, абсолютно не уверенная в успехе будущего дела. Кто не рискует, тот не пьет шампанское. А я не успею, хотя уже рискую. Вывести на эмоции трудно, особенно когда сам искришь ими.

Яростный, полный боли рык сотряс дом, перейдя в глухую ненависть на ультразвуке. Смазанное движение, меня с чудовищной силой впечатало в стену. Голова хрустнула, затылку стало влажно. Целую блаженную секунду ничего не чувствовала, а потом заорала. Сигналы боли добежали до мозга по нервным каналам, передавая обстановку. Тело горело одной большой раной. Из глаз текли слезы.

Прощальный, ласкающий взгляд на мужчину не остался тайной. Издевательский хохот. Оторвав от стены безвольное тело, она проволокла обратно, встряхнула и поставила напротив истекающего от крови Джонатана.

Висок прострелило болью от присоски, иглой прошивающей мозг. Внутри себя услышала чужой, полный ненависти голос:

— Смотри, человечка!

Калейдоскоп чужих воспоминаний. Неожиданное попадание. Изобилие еды на новом месте. Нити любви между членами семьи. Угроза. Сражение. Потеря детей. Боль. Ярость. Смерть любимого. Боль. Пустота. Тактическое отступление. Захваченные тела погибшей семьи. Всепоглощающая жажда мести каждый день. Глупая, злая Камилла. Шпионаж. Выжидание. Сгусток яда, влитый в лежачего больного, который позже атаковал и заразил Мюррея вкупе с Велдоном. Нити подчинения, борьба капитана. Конец Камиллы. Чавканье трупами. Презрение. Вырезанные близлежащие селения. Распирающая изнутри сила от загубленных жизней. Эхо принятия Любой силы. Нападение на Амран. Возмездие.

— Медленно, — воткнула коготь в мою руку, — убью у него на глазах. Пусть чувствует боль, как я!!!

— Лю...ба, — покачиваясь, Джонатан встал на четвереньки. — Иди сюда! Дерись! — с трудом хорохорился, держась на последнем упрямстве.

Пятерня когтей с наслаждением рассекла руку от плеча до кисти, измазавшись в моей крови. Я хрипела. Было адски больно. Перехватив взгляд любимого, беззвучно прошептала:

— Закрой глаза, милый. Закрой.

Дар внутри набрал предельно безопасную концентрацию. Пришло понимание — этого не хватит. Она сильнее во много раз. Можно сильно обжечь, дожидаться подмоги, бой. Но для Джонатана это будет конец, если не уже...

Перед внутренним взором простиралась темнота и зависший напротив раскаленный шар, многочисленные нити которого тянулись в тело. Пришла волна сожаления, немой вопрос. Дав незамедлительный ответ, я с восхищением наблюдала за волшебством магии, пусть и с губительным финалом для отдельно взятой женщины.

Свет умеет не только сиять, но и сжигать.

А еще стало понятно, что кто-то специально подтирал невидимым ластиком мысли о магии, развитии дара. Иначе давно бы пристала ко всем, к кому можно, дабы овладеть в полной мере неожиданными возможностями. Кандидатов было несколько — весь пантеон богов. Вообще, вся жизнь здесь имела привкус божественного внимания.

Мой дар — мои правила.

Пусть и напоследок, должна повлиять. Чувствуя, как заканчивается кислород в легких, а вместе с ним отпущенное время, старалась оформить как можно точнее ограничения будущих последствий.

Не представляя радиус действия и учитывая новую природу Джонатана, пришлось исхитриться с последним желанием: не причинять вреда людям и иномирцам, в которых нет злобы внутри, которые не несут угрозы миру, окружающим; омыть изнутри и помочь тем, кто стоит на развилке выбора между добром и злом, склонив чашу весов на светлую сторону; сжечь отдельно взятую тварь, находящуюся за моей спиной; сжечь всех порождений мрака и злобы, а при невозможности, максимально ослабить жизненные силы и уровень темноты в их душах.

Усмехнулась, вот это я загнула. Натурально завещание.

Посреди бела дня в комнате на краю королевства взорвалась сверхновая звезда. Мощный поток пульсирующее расходилась во все стороны нестерпимо сияющими кольцами.

На погребальном костре на двоих мы орали вместе с несостоявшейся убийцей.

Прощай, моя любовь.

Это конец.

Любаша

Разъедающая боль сменилась объятиями ласковой прохлады. Открыв глаза, огляделась.

— Ого! — пробормотала под нос.

Возможно, так выглядит рай, но уж слишком малоллюдно. Всего одна персона — моя.

Лазурное небо отражалось в огромном зеркале застывшей водной глади. Границы стихий сливались в поцелуе единения на горизонте. Неспешно плыли пушистые ванильно-розовые облака, подсвеченные изнутри и по краю золотистым сиянием. Умиротворение и покой.

— Согласна, очень красиво, — раздался мелодичный голос рядом.

— Добрый день, — решила быть вежливой, после того как вздрогнула.

— Здравствуй, Люба. Вот и свиделись, — в глазах незнакомки плясали смешинки.

Шелк волос цвета корицы вился крупными кольцами, ниспадая вниз. Белый сарафан, словно сотканный из молочного тумана, ладно сидел на тонкой фигуре нимфы. От кожи шло

едва заметное жемчужное сияние, губы- два лепестка коралловой розы, даже ногти произведение искусства, будто вырезанные из розового мрамора, но самое невероятное — сине-зеленые глаза с вкраплениями звезд посреди клубящейся черной дымки. Просто космос.

— Вы..?

— Ютария, — улыбнулась богиня.

— Какая вы... м-м-молодая, — справилась с онемевшим языком. — Я умерла?

— Пока еще нет, — стала серьезной собеседница.

Ютария подтвердила, что боги вели наблюдение, попутно направляя события в нужное русло, убирая лишние мысли. Причина — дар, оказавшийся очень нужным в свете вторжений иномирцев.

— Мироздание стремится к равновесию, пусть и не всегда понятным для нас образом. Словно раненный зверь, оно ищет лекарство, притягивая в нужное место. Так случилось с тобой. Признаюсь, чувствую вину за произошедшее, но иначе было никак. Я... как бы точнее выразиться... Как исследователь, ставлю опыты на живых людях. Давай называть вещи своим именами, — скривила губы. — Не для удовольствия, для эволюции. Некоторые формы жизни и смерти, попавшие в результате порталов, многократно сильнее жителей Эдо. Люди и гномы под угрозой уничтожения. В течении одной-двух сотен лет, не смотря на многочисленность, часть сожрут, других поставят на колени, наденут рабские ошейники и будут пасти вместо скота. А я этого не хочу!!! — сжала кулаки, оскалившись острыми клыками, ненавидяще уставившись вдаль. — Впереди столько потерь и боли, сражений за свободу, за возможность просто жить, даже у богов... Нет времени ждать десять, двадцать, тридцать лет, пока ты достигнешь пика развития способностей, если вообще сможешь, — повеяло холодом. — Есть такая поговорка: вынужденное зло, — печально улыбнулась Ютария. — Твои просьбы были услышаны с первого раза, но просмотрев земные воспоминания, выделила главное — ослиную упертость, стирающую любые преграды. На этом и сыграла. Как видишь, не зря... Вышло красиво и мощно, я и не рассчитывала на столь высокие результаты.

От злости на божественную тетку раздувались ноздри. Рука собственного благоразумия крепко зажимала рот, дабы не наговорить лишнего. У нее там лирика, селекция и опыты, а страдала я! Пфффф!!! Осмотрев закоулки своей души, не нашла ни грамма признательности, только желание повыдергивать красивые волосюшки на парик.

— Вспомни травы, купленные возле храма, рецепт, мазь — это все я. Ингредиенты были слегка напитаны божественной силой, но это не выход. Невозможно успеть помочь каждому. Боги не должны постоянно вмешиваться, иначе разумные превратятся в аморфных животных. Мне нужно было найти альтернативу, и я ее нашла — твой дар. Особое плетение корзины — намек для наставницы. Травница поняла, прониклась, согласилась на сделку — в нужный момент направила Джонатана, когда в нем боролись сущности.

— Очередной эксперимент? — сжала зубы.

— Да, — кивнула. Просто и лаконично, без капли сочувствия. — Теперь ты. Большая сила — большая ответственность. Могу оставить в полной мере, но рожать будешь каждый год по два- три ребенка, решая множество проблем...

— Что насчет Джонатана? Он будет жить, если буду полезной?

— Не перебивай, — прилетел весомый подзатыльник. — Жить в Амране не удобно, придется переехать в Любек, заодно поможешь Роззи. Или еще куда, где будете полезными.

Дети, естественно, будут быстро расти, взрослеть и тоже, как ты, приносить пользу на общее благо. Лет с десяти, если не раньше...

— Другие варианты?

— Добровольная передача сил. Твой дар, с моей помощью, прольется дождем с небес. Посеем семена, взрастив цветы... Любви. Назовем твоим именем и сущностью. Нашедшие подарок, смогут принять толику силы. Дальнейшее будет зависть от носителей.

— А вы подтолкнете в нужном направлении, — ворчливо отозвалась.

— Верно, — рассмеялась Ютария. — В качестве компенсации, сможешь творить свое варенье из любого сырья, — кивнула. — Относительно спокойная жизнь. Да, Джонатан будет жить. Но вот с тобой или нет, это не ко мне. Я не богиня любви, — легкая грусть. — И еще. Элиз действительно носит под сердцем ребенка, но не человека. Умная девочка смекнула, что должна скинуть плод. Это существо способно влиять на окружающих. Джонатан будет чувствовать родственную душу и желание защитить. Велдона накроет любовь, потребность отца помочь ребенку. Да, глупая, Элиз соблазнила лекаря, рассчитывая заарканить твоего капитана. Ты должна ей помочь, иначе она умрет, а оно... ускорит падение Эдо.

— Почему не действует на саму Элиз?

— Девочка имеет якорь — любовь к себе и неистовое желание быть свободной ото всех. Готова? Больно не будет. Просто представь, как поток силы выходит наружу, а я подхвачу и сделаю все, как надо.

Кивнула, внутренне прося прощение у своей магии. Тепло ласково прошло по рукам, как бы говоря: все хорошо.

Ютария села по-турецки напротив, положив раскрытые вверх ладони на колени. Скопировала ее позу, представив, как дар покидает мое тело, неся надежду заблудшим душам. В ту же секунду, закручиваясь в воздухе небольшими волнами, потекли ленты жидкого золота из сердца в руки богини, проходили сквозь тело и рассеивались золотыми, искрящимися росчерками метеоритного дождя.

Богиня показала, как это выглядело со стороны. Зрелище завораживало.

В то же время чудовищная усталость опустилась на тело ватным одеялом, давя вниз. Глаза закрывались, но я еще боролась. Легка грусть потери царापала изнутри.

— Благодарю. Пожалуй, часть искр не помешает и нам, богам, — рассматривала ладонь, полную светящихся точек. — Ты всегда можешь обратиться ко мне и будешь услышана из любой точки мира.

— Спасибо. Надеюсь, я вас больше никогда не увижу, — честно призналась, сладко зевая. — И не буду нужна.

— Не могу обещать, — пожала плечами Ютария, растворившись без следа.

А я просто уснула, подложив ладошку под щеку.

Чертоги богов

Таранис смотрел с укором, взывая к остаткам совести, жалким крохам, ибо богам вредно дружить с этой самой совестью. Того и гляди, людишки прознают и усядутся на шею. Ютария пребывала в состоянии эйфории. Пританцовывая и прихлопывая в такт напеваемой мелодии, богиня скользила по серому мрамору пола, абсолютно не замечая недовольства.

— Не стыдно было обманывать доверчивую женщину?

— Пф, — оседлала мужа Ютария, целуя хмурые складки на лбу. — Она сама отдала, — чмок. — Ну какая из нее воительница? — чмок. — А так, — чмок, — все остались довольны, — чмок. — Во внутреннем дворе капитана вырастет целая полянка этих цветов, — чмок, чмок, чмок. — Любе вернется часть сил, пусть развивает себе на здоровье, — чмок.

Прислонившись нос к носу, Ютария передала мужу золотых искр.

— Детям раздала, наказанные сами найдут. Джонатан показал прекрасный результат, можно разрабатывать дальше его генетическую линию. Например, сведем его с Элиз, совместное потомство с лекарями ...

— Хватит, — щелкнул по носу жену, захват, пережат и вот уже Таранис нависает сверху. — Они сами разберутся, без нашего влияния, кто кого любит, с кем заведет семью.

Ютария не успела выразить протест. Ей вероломно не оставили выбора — муж выбрал занятие по интереснее, чем споры. Не только же женщинам хитрить?

Амран

Травница тихо материла богов, раз за разом припоминая условия сделки. Бледный Вледон устало массировал виски, сидя в кресле рядом с кроватью, на которой, словно две восковые куклы, лежали Люба и Джонатан, застывшие между жизнью и смертью.

Никто ничего не мог сделать, оставалось самое гадское — ждать.

Положив голову на скрещенные руки, Элиз вдыхала свежий воздух, сидя рядом с открытым окном. Оказывается, как мало надо для радости: отсутствие тошноты. И почему люди не понимают таких очевидных вещей?

Секретарь, плюнув на приличия, сидел на полу, подперев рукой щеку и думал о превратностях судьбы. Философские рассуждения в его голове частенько прерывались одной повторяющейся мыслью: «Все беды от женщин!». А если быть конкретнее — от Любы.

В личных покоях капитана было многолюдно и тихо. Споры отгремели, попытки привести в сознание иссякли.

— Хватит!!! — рывкнула Элиз, вскакивая с насиженного места. — Сколько можно сидеть?! А если они никогда не очнутся?

Со стороны кровати раздалось мычание.

Люба

Если пойти с непривычки копать, пару соток не меньше, затем отжигать всю ночь и встать в шесть утра, на выходе можно получить убитое состояние. Вот именно так было плохо мне. Без преувеличения — болело все! Но хуже всего было чувство потери, пустоты внутри, словно я лишилась чего-то очень важного...

Внезапно рядом завопили противным голосом. Раскалывающаяся голова взорвалась фейерверком боли.

— Ммммм, — протестующе замычала.

Что тут началось! Пространство наполнилось какофонией звуков. Хлопали двери, топали ноги, раздавались радостные возгласы. В тело полилась живительная прохлада — Велдон в действии. Неутомима травница заставила выпить годовой запас зелий на все случаи жизни, попутно рассказывая, как они тут переживали и собачились. Через пятнадцать умытая и залеченная, поблагодарив за помощь, попросила всех покинуть помещение, дабы прийти в себя.

Присев на постель, с тревогой вглядывалась в любимое лицо.

— Почему? — шептала непослушными губами. — Ты должен был остаться жить! Я же все предусмотрела! — порывисто обняла его, стискивая изо всех сил. Из глаз лились слезы. — Вернись ко мне! — яростно прошептала в ухо. Ничего. Кто бы сомневался? — Сейчас я тебя поцелую, а ты проснешься, как принцесса из сказки! Понял?

Наклонилась и прижалась губами. Разрыдавшись, в бессилии положила голову ему на грудь. Вспомнилось обещание богини, быть услышанной. Поток слез прервался. Некрасиво шмыгнув, быстро вытерла глаза, но была остановлена вопросом:

— Почему вы плачете, Люба? — хриплый голос очнувшегося Джонатана. — И почему я лежу?

— Не знаю, — счастливо улыбнулась, сжимая кулаки.

Мир снова заиграл красками, но вернулись сомнения. Вправе ли я мешать?

— Ты согласна быть со мной? С таким страшным, непонятным и не безопасным? — напряженно спросил Мюррей. — Элиз беременна от Велдона, — очень важное уточнение.

— Да!!! — вырвалось изнутри.

— Иди ко мне, — раскрыл объятия несносный капитан, улыбаясь от уха до уха.

Удобно устроившись под бочок, прильнула всем телом, положив голову на плечо. Меня ласково гладили по волосам, от чего я довольно жмурилась. Вот так сумбурно и быстро решилось то, что мы не могли выяснить долгое время. Стоило почти умереть, чтобы понять истинные желания.

— Двигаться почти не могу, иначе не лежал бы бревном, а наглядно бы продемонстрировал серьезность своих намерений, — в шутку пожаловался Мюррей.

Ответить не успела. Влетел взбудораженный Велдон, запрыгнул на кровать и провел диагностику капитана. Пузырьки с тихим звяканьем выпали из ослабевших рук на мягкое покрывало.

— Не может быть, — удивленно прошептал, переводя ошарашенный взгляд с меня на Джонатана.

— Что с ним??!! — обеспокоенно воскликнула Марджери, стоя на пороге.

— Ты больше не, — сглотнул ком Велдон. — У тебя ничего нет, Джонатан! Внутри ничего не осталось!

Марджери потеряла сознание. Ее поймал стоявший рядом стражник. Я порывисто села, ощупывая мужское тело.

— Ты здоров!!!!

Через пару минут, когда Велдон нормально объяснился, а Мюррей проверил, узнали, что Джонатан снова стал человеком. Самым обычным, каким был, без всяких сверхспособностей, когтей и прочего. Зелья и дар друга поставили капитана на ноги.

Получается, дар понял мой главный посыл и сделал невозможное — убрал иномирную составляющую. Я абсолютно счастлива.

А где-то очень-очень высоко громко гневалась богиня под веселый хохот своего мужа...

12

Любаша

Стражник, державший бессознательную Марджери, на радостях сорвал горло, передавая клич:

— Капитан здоро-о-о-о-ов!!!! Капитан здоров!!!

Так уж получилось, прямо в ухо старой женщине. Аристократка пришла в себя рывком,

проморгалась квадратными глазами и ринулась к сыну. Покрыв его лицо поцелуями, крепко стиснула и шутливо треснула подзатыльник, доползла до кресла, грузно плюхнулась, перевести дух. Велдон поспешил оказать помощь.

Секретарь был такой секретарь... Быстренько сообразил двойную охрану, дозирующую поток посетителей. Джонатан подвел меня ко второму креслу, попросив довериться. Кивнула. Больше никаких приступов необоснованной ревности и импульсивности. Плавали, знаем. Даже если прибегут семеро любовниц с детьми.

Не отдам. Мое.

Слова о доверии всколыхнули воспоминания. Тихонько на ухо, теперь уже без опаски, рассказала о природе ребенка Элиз и необходимости от него избавиться. Мюррей хмуро отвел лекаря в сторону поговорить. Побледневший Велдон сгорбился, с силой зажмурил кулаки.

В проем одновременно протолкнулись Руперт на пару с Белдом. Капитана заключили в дружеские тиски, бурно выражая эмоции радости. Посеревший Велдон молча стоял у окна. У меня не было правильных, нужных слов, поэтому, подойдя ближе, накрыла его ладонь в безмолвной поддержке. Он лишь горько улыбнулся уголками вниз. В глазах блестели непролитые слезы.

— Джонатан! — радостный оклик появившейся Элиз.

Мхатовская пауза.

Я заинтересованно обернулась, ожидая зрелищ. Так просто она не сдастся. Руперт соорудил кислую рожу. Белда не подвел многолетний опыт. Толпящийся в коридоре народ глазел молча, дабы не мешать.

— Радость какая! — легкая, скользящая походка. Контакт глаза в глаза. Полуулыбка. — Поженимся сегодня, наконец-то! — остановилась напротив мужчины, близко — близко. Уверенная. Наглая.

— Конечно, — подтвердил капитан. Взяв ее за руку, переплел пальцы.

Арррр. Спокойствие. Я же, вроде как, уверена в себе. Сжавшиеся кулаки никак не хотели распрямляться.

Пока они с Джонатаном мило обменивались любезностями, лекарь подошел к капитану, невзначай проведя несколько раз сканирование девушки на уровне живота. Глаза Элиз округлились от страха. Она инстинктивно дернулась, но не смогла отойти — Мюррей держал крепко. Даже поняв, что проиграла, невеста держала марку — прямая спина, вздёрнутый нос, насмешливый взгляд. Мол, что вы сможете сделать?

Мне тоже было интересно.

— Все в порядке..., — робкая улыбка на потерянном лице Велдона.

— Уверен? — обеспокоенно спросил Мюррей. — Нельзя ошибиться. Я понимаю, что...

— Здоровы оба. Клянусь, — перебил лекарь, облегченно улыбаясь, будто с плеч свалился груз всего мира. Рядом чуть полыхнуло.

Куй, пока горячо.

— Любовь вспыхнет нежданно! — Джонатан громко рассказал душещипательную историю любви, народ благодатно внимал. — ... Элиз и Велдон соединят сердца этим днем в храме! Да осенит Ютария своей дланью этот союз, ниспослав скорейшего пополнения молодой семье! — высоко поднял их руки.

Невесту трясло. Велдон смотрел на капитана со щенячьей преданностью. Марджери явно опасаясь скандала, утатила Элиз под предлогом мудрых наставлений перед

торжеством.

Капитан что-то сказал на ухо секретарю, тот хмыкнул, кивнул и помчался исполнять. Для каждого нашлось поручение, народ рассосался. Коротко переговорив в коридоре с лекарем, Джонатан закрыл дверь изнутри.

— Думал, они никогда не уйдут, — проворчал, заключая в объятия. — Не знаю как, но ребенок здоров. Велдон проверил несколько раз, все как положено, заразы нет. Единственные несоответствия: огромный потенциал, сравнимый со взрослым человеком, и мощные каналы. Сейчас практически пустые, сил-то еще мало.

— Не знаю, хорошо это или плохо, — положила голову на мужское плечо.

— Поживем, увидим... Люба, я старый и скучный, поэтому просто спрошу — извлек из внутреннего кармана изящный перстень, — ты согласна стать моей женой? Разделить жизнь, кров и судьбу?

— Да! — обнять весь мир от счастья.

Колечко сжалось на пальце, подстраиваясь под нужный размер.

— Защитный артефакт, старинный, передается в семье из поколения в поколение. Никакая аномалия его не смутит...

Поцеловала крепко и сладко. С артефактом разберемся позже. Минут через десять, когда порыв тактильной любви немного ослаб, Джонатан спросил:

— Сколько нужно времени на подготовку? Знаю, вам, женщинам, это все очень важно и нужно: платье, украшения, гости. Я готов ждать, — стойко вздохнул мужчина. — Уверен, у Белда найдется много мастериц, выбирай все, что хочешь, любое заведение.

— Сегодня.

— Хорошо... Что?

— Мюррей, — усмехнулась, щелкая по носу, — и мне не двадцать, дури поубавилось. Главное человек, декорации — такая ерунда. Конечно, если тебе надо подумать, уверен ли ты, то можем...

— Женщина! — оскорбленно взревел, подхватывая на руки. — Сейчас я тебе покажу, как уверен!!!

Стало не до разговоров.

— Плохо!!! — орала Ютария, разнося сферу видения на части. Обломки хрустели под ногами. — Плохо!! Его должны были ликвидировать! Несносные землянки!!! Чтоб вас развеять!! Сколько можно рушить планы?!! — зло сдула выбившуюся прядь волос. — И вообще, откуда душа у дитя?! Ее же давно поглотило зло, когда заняло тело?! — тут же успокоилась, задумчиво приложив ладонь к щеке. — Надо проверить, если у Любы еще один дар, это все меняет! — резкая смена настроения. Предвкушение. — Тогда-а-а-а...

— Милая, — раздался насмешливый голос Тараниса, аккуратно перешагивающего покорёженные фрагменты, — умеи проигрывать. Я сразу проверил Амран после неожиданности с Джонатаном, подселил чистую душу без единого перерождения*. Дал благословление, пока Хель не на посту. Старик хранитель, старейший помощник дочери, просил за нее. Душа молодая, светлая, полная стремлений и энергии. Пусть пробует, а мы приглядим, — обнял и перенес на оживленные улочки Ганзы, в любимое заведение жены — успокаиваться.

(*Прим. Автора. — отсылка к разговору душ во второй части Роззи)

Амран вечер того же дня

— Дала ей свое платье. Простое. От нарядных она отказалась, как и от фамильных драгоценностей, и от запасных нарядов других невест, — поправляла костюм на сыне Марджери. — Свадьба чья? Вот я и не настаивала. Девочки немного поколдовали, украшая. Велдон сторожит свою змею, как бы не наделала глупостей. Секретарь под дверями, охрана под окнами.

— Кто с Любой? — нахмурился Джонатан.

— Велари. Старуха травница, — пояснение для недоуменного сына. — Кстати о ней. Мы породнились на крови. У тебя своя жизнь, у меня своя. Мама достаточно набедокурила, непрошено влезая. Хватит. Разрешишь быть рядом — спасибо, нет — все равно буду любить. Пока ты сражался с внутренними демонами, никто не вспомнил обо мне, кроме Любы и травницы. Выходили, заботясь как о младенце. У Велари своя некрасивая история. Захочет, расскажет. Важно то, что двум одиноким старушкам вместе веселее.

— Какая ты одинокая, мама?! И совсем не старая! — обхватил ладонями лицо матери, заглядывая в глаза. — Восстановим цвет волос, не переживай! Будем жить в одном доме, все вместе. Я тебя люблю!

— Дудки! В доме должна быть одна хозяйка! Но спасибо, сын, на добром слове. Строй свою семью, мы с Велари тряхнем стариной, прокатимся по королевству, вспомним молодость. Наскучит — вернемся.

— Маааааааа. А внуки? Как они без бабушки? — решил схитрить Джонатан.

— Тю! До них еще жить и жить! Даже если постараться, у меня есть девять месяцев погулять! — ехидно подмигнула старушка, поведя плечами. — Пошли, милый, тебе еще молодых женить.

Закатные лучи двух светил окрашивали в золото стены храма, статуи богов, лица и наряды людей, толпившихся внутри и далеко за пределами стен — пришел весь городок. Расставляли угощения на столы, выставленные прямо на улицу. Олаф гонял работников, котлы варили не переставая. Условно очертив круг для танцев, по краям возвели костры. Жир шипел и капал в огонь, стекая с жарящихся на вертеле тушах. Бочки ровной шеренгой дождались своего часа, как и дети, притаившиеся возле дверей на выходе из храма с корзинками, полными лепестков цветов.

Возле ступенек толпились незамужние девушки, предвкушая новую забаву — ловлю свадебного букета. Любино предложение ввести новую традицию было принято с радостью.

Красная от злости Элиз произносила слова клятвы, стоя напротив Велдона. Не об этом она мечтала, не об этом. Избавиться от мужа будет не просто — капитан лично подобрал слова клятвы. Верность, любовь и прочая ерунда не навреди.

— Моей любви хватит на нас двоих, — тихо пообещал Велдон перед обрядом.

Невеста была в корне не согласна, но выбора не было, иначе вежливо вернут обратно в род. Капитан провел воспитательную беседу. Проще самой удавиться. Рядом вторили голоса Руперта и Джоан. Глядя на них, Элиз испытывала зависть. Простушке повезло: титул, обширные владения, влиятельная семья, а не занюханый лекарь без роду и племени. Больше всего бесила Люба. Вот уж у кого стоило поучиться хитрости. Пролезла-таки без мыла в... Прикинулась овечкой, а сама отхватила самый жирный кусок.

Разряженные в пух и прах аристократы ютились в тесном храме. Приняв приглашение на торжество в качестве извинений от капитана за причиненные неудобства и страхи, они,

сами того не подозревая, стали гарантом надежности. Мюррей опасался притязаний семей Элиз и Джоан. Одно дело женил и сдох, другое — женил самовольно и еще дышишь. Придется отбиваться, чтобы браки не расторгли. Джонатан был настроен решительно — костями ляжет, а признать недействительными союзы не даст.

Помощь пришла откуда не ждали.

Волна благоговейных вздохов прокатилась по толпе. Два луча отделились от общей массы, уплотнились в золотые ленты и зависли над головами брачующихся. Чуть вспыхнув, разделись каждый на два отрезка, растворились, чтобы вспыхнуть на запястьях молодоженов.

— Боги благословили ваш союз! — торжественно провозгласил капитан, испытывая невероятное облегчение и признательность.

Элиз готова была рвать волосы от отчаяния — теперь вместе до гробовой доски, если не дальше! Джоан плакала от радости. Храм трещал от количества любопытных носов, протиснувшихся внутрь. Не каждый день боги балуют вниманием, всем охота посмотреть!

Секретарь, довольный улыбаясь, активно спровадил молодоженов. Потом разберутся кто рад, кто нет. Очередь. Всем есть охота уже. Вон какие запахи витают. У кого любви, у кого работа и урчащее брюхо.

Белд сменил Джонатана на посту, капитан встал на место жениха. Народ заволновался. Этого не было в заявленной программе! Потенциальные невесты удачно пристроены, молодых девиц подходящего уровня нет.

— Не может быть!!

— Она?! — искреннее изумление стоящих рядом со входом.

— Кто?! — напирала из передних рядов, желая поглазеть.

Сам собой образовался живой коридор. На пороге стояла Люба в сопровождении Марджери и травницы. Поднялся возмущенный гул.

— Тихо! — рявкнул Белд, наводя тишину.

Заиграла легкая мелодия. Рукава до запястий, воротник стойка, затейливый орнамент вышивки на груди, россыпь камней. Подол, точно бутон перевернутого вниз цветка, мягко колыхался при каждом шаге. Раздались шепотки:

— Сэкономили на платье?

— Она беременна? К чему такая спешка?

— Мезальянс!

— Чего еще ожидать от кухарки? Безвкусица какая!

— Мама, я тоже хочуу!!!

Корона из косы, вплетенные живые цветы. Поток пересудов набрал обороты — разглядели тончайшие искусные золотые украшения с Земли.

Счастливо улыбаясь, Люба и Джонатан держались за руки, давая друг другу вечные клятвы. Белд вел церемонию, стараясь не представлять себя на месте жениха. Появилось абсурдно-неуместно желание, чтобы на него смотрели так же. Тьфу, тьфу. Одернул себя. Не приведи боги. Золото, работа, рабыни... То есть сами согласные на все девицы. Надо поскорее заняться делом, пока не заразился дурными наклонностями.

Чуда не случилось. Ни золотых лент, ни самой заваливающей вспышки. Подождали пять минут и хватит. Довольная Люба вызывала недоумение у злых языков. Новоиспеченная жена была рада, что боги, наконец, отстали со своим вниманием. Излишне резво подхватив мужа, поспешила на выход.

— Куда же вы? — насмешливо раздалось со спины.

Голос принадлежал не Белду.

— Не успела, — чертыхнулась Люба сквозь зубы, разворачиваясь.

Возле окна стоял мужской силуэт, сотканный из светящихся линий, на месте одной из деревянных статуй.

— Таранис! — благоговейно выдохнули люди, падая ниц. Не забывая подглядывать за происходящим.

— Будем считать, обманутому вкладчику выплатили небольшую компенсацию, — произнес Бог-Отец, обращаясь к Любе.

Широко разведя ладони, резко хлопнул. Мелкие световые змейки брызнули во все стороны, просачиваясь в щели. На улице поднялся шум. Через минуту в храм по воздуху вплыли невиданные доселе бутоны цветов. Сделав круг высоко над головой Любы, неспешно покачиваясь, стали опускаться вниз, медленно распускаясь. Тройчатые лепестки пушисто-пышных цветов. Кремовые, розовые, белые, коралловые, бордовые — они кружили, показав свои сердцевины, внутри которых мерцали золотые крупинки.

Люба нахмурилась. Неясная тревога, ожидание и предвкушение сплелись единой нитью. Взвившись ввысь, цветы перевернулись, осыпая женщину водопадом блестящей пыли. Они падали и светились, будто десятки светлячков, оседая на щеках, губах, руках, платье. Мигнули и пропали, впитавшись в тело.

Женщина блаженно улыбалась, из закрытых глаз текли слезы. Наконец-то сосущее чувство потери разжало когтистую руку, сковавшую внутренности. Дар частично вернулся.

— Она не плохая, — тихо и грустно произнес Таранис. Подойдя, провел рукой рядом с лицом Любы. Слезы, презрев законы гравитации, полетели снизу вверх, собрались в большую сияющую каплю и затвердели, обратившись артефактом на цепочке, опустившимся на шею женщины. — Храни, передавая от дочери к дочери, — шепнул на ухо. — Это, — отошел в сторону, громко привлекая внимание, — цветы любви — божественный дар. Свойства определите сами. Достойные получают крупинцы нового дара. Распорядитесь подарком с умом, а не как обычно.

Бог-Отец погрозил пальцем толпе, на всякий случай, встал на свое место и обратился прежней статуей из дерева.

Белд блаженно улыбался. Чему радовались другие идиоты, его совершенно не волновало. Впереди много, очень много работы и больша-а-ая прибыль. Мысленно, он уже составил план, смету и примерное местоположение строений. Народ ломанется галопом. Надо будет прикупить пару мощей, обозвав святыми, и пускать глазеть за деньги. Посадить на фиксированное жалование лекаря в подпол, пусть лечит страждущих. Изготовить свечей побольше, чтобы каждый мог обратиться к богам. Источник!!! Белд аж подпрыгнул от посетившей мысли. Надо построить святой источник!!! Пять-десять лекарей в кусты, налить зелий в воду и можно запускать народ. Жаль, нельзя в своем городе, там и места, и проходимость больше. Добираться, опять же, людям удобнее... Ну да ладно. Благодать она такая, потрудиться надо, чтобы получить.

Джонатан подхватил расчувствовавшуюся жену и унес в дом, подальше от любопытных глаз. Усадив себе на колени, стал гладить по голове.

— Как ты? — тихий вопрос в ожидании худшего.

— Прекрасно! — расцвела в улыбке Люба. — Просто прекрасно! — счастливо рассмеялась, обнимая любимого.

На радостях, рассказала все, что чувствовала до этого и то, как хорошо теперь. Мюррей расстроился и попросил больше ничего утаивать от него, желая во всем помогать любимой.

— Обещаю! — выдохнула ему в губы.

— Люблю тебя! — встал и закружил на руках жену капитан.

— И я тебя очень сильно люблю!

Народ гулял до утра. А то, что молодых не было видно, так и ежу понятно, где им надо быть и чего делать. Секретарь счастливо улыбался. К нему подсел хмельной Белд, найдя в парне благодарного слушателя. Через пять минут он уже принимал активное участие в обсуждении будущего бизнеса. Въедливо выпрашивал каждую мелочь, старательно запоминая, чтобы потом слово в слово передать капитану. Мало ли чего там собрался строить чужой градоначальник, тут свой имеется, гораздо лучше.

Тройная свадьба запомнилась многим. События того дня обрастали фантастическими подробностями, передаваясь из уст в уста.

Эпилог

Амран через пять лет

— Мы нашли место для нового магазина! — рассказывала о проделанной работе Джоан. — Большое строение, в центре города, два этажа с подвалом — очень удобно, как ты и хотела. Когда поедем посмотреть?

— Я не поеду, — загадочно улыбалась Люба, дуя на горячий взвар.

— Но почему? — не понимала Джоан. — Это твоё варенье — твоё дело!? Всегда проверяешь, самолично открываешь для привлечения клиентов — живая легенда! Это Ганза, Люба, Ганза! Другие горизонты, возможности!

— Успокойся ты, — шикнула Велари на разошедшуюся молодую женщину.

Травница, Марджери и Хильда втроем прятали понимающие усмешки. Джонатан и Люба заговорщицки переглянулись. Обняв жену, капитан осторожно положил руку на ещё плоский живот:

— Мы ждем ребенка, — пояснил для присутствующих, ещё не понявших очевидного.

Зазвучали слова поздравления, искренней радости.

— Почему вы им рассказали раньше нас? — огорчилась Джоан. — Приготовили бы подарок.

— Етить- колотить! — воскликнула Велари. — Приехали одним днем с тобой. Когда б успела? Взвар у нее особый, запах чуешь? Нет, а я чую! Эх, молодежь, забыла уже, как сама такой же пила?

— Забыла, — покаянно кивнула Джоан, улыбаясь.

Взгляды присутствующих обратились на увлеченно ползающих детей. У Любы и Джонатана родилась очень активная девочка, которую назвали Марией, в честь земной бабушки Любы — Марии Вениаминовны. У Джоан и Руперта росли мальчики погодки — Эван и Грег. Пара не собиралась останавливаться, пока не родится девочка, которую заранее было решено назвать Любой. Семья Джоан шумела долго и не красиво. Даже пробовали девушку украсть — безуспешно. Эта семейная пара занялась реализацией моего варенья.

В результате частичного восстановления дара варенье получалось, стоило лишь коснуться чана. Поставили производство на поток, назвав «Солнечное счастье». Варенье помогало от нервных расстройств, улучшало настроение, производительность, вселяло уверенность в будущем, укрепляло иммунитет. Почти как касторка у Айболита, от всех болезней.

Велдон оказался прекрасным отцом, окружив заботой и вниманием маленького ангелочка. Между собой называли ее одуванчиком — густой пух шапкой торчащих во все стороны волосюшек, ярко-синие бездонные глаза и совершенно не логичная россыпь веснушек на молочной коже. Элиз осталась холодной воблой, поневоле скрывающей истинное лицо. Взаимные клятвы вынуждали ее вести себя с мужем приветливо, а рабское клеймо, как украдкой называла благословление богов, не давало испытывать чувств к другим мужчинам. Велдон, как и обещал, любил за двоих. Со временем жена смирилась, но не полюбила.

Хильда вернулась и не одна — привезла сестру со всеми детьми. Им дали отдельный большой дом. Старая няня выжидала момента, как мы поженимся. Оказалось, они с секретарем вели тайную переписку. Учитывая, что свадьба случилась неожиданно — Хильда присутствовать не смогла.

Марджери и Велари совершили вояж по королевствам, как и собирались. Только вдоволь нагулявшись, вернулись к нам. Еле уговорили жить все вместе. Велари открыла свою лавку.

Мальчишка с растительным даром так и остался у нас, являясь редким специалистом по цветам любви — около дома росла целая поляна, тщательно охраняемая и ночью, и днем. На пару с Велари они изучали свойства и пытались культивировать.

А все потому, что народ после пришествия Тараниса ломанулся собирать эти цветы, внешне выглядящие как пионы. Оказалось, что взвар из них помогает унять боль от неразделенной любви, потери любимых в случае смерти, помогает проявить чувства, проверив на искренность. Боги разгневались, изменив свойства — цветок рос, но был видим только для тех, кто в нем нуждался для себя. Росли теперь исключительно труднодоступных местах. Ну и у нас. Поэтому и охраняли. Гвардейцы короны. И маги. Много магов. Желающих украсть было море.

Город разросся. Путем ослиной упертости Белда и противоборствующего капитана построили святой источник, святые мощи и два постоянных двора под эти нужды. Очередь велась по записи за много месяцев. Капитан не хотел, чтобы город стал пристанищем криминала и праздно шатающихся людей, поэтому все остальные, кого не могли вместить эти две гостиницы, ждали в городе у Белда. За это он почти в буквальном смысле выгрыз в скалах порт, расчистил дно и удобный спуск к воде. Маги работали на износ, аномалия сопротивлялась.

Секретаря спихнули на учебу в Ганзу. Он приезжал на каникулы, живя с нами. Я вспомнила, что мы вроде как породнились на бумаге, поэтому претворила это в жизнь к немалому сопротивлению самого парня. По завершении учебы он собирался вернуться в Амран.

Нищих в нашем городе не было, как и беспризорников. В результате переписи населения мы знали сколько людей и где живет, чем занимается. Если случалось горе, болезнь или что-то еще, люди обращались к Джонатану, и он всегда помогал. Мой Мюррей не бросил свое основное занятие, продолжая тренировать лучших солдат в королевстве. Старые казармы снесли, отстроив просторное общежитие. Большой поток Джонатан не брал, дабы максимально вложить душу и выбить дурь из зеленых юнцов, получив качественный результат. В том числе учились знатные отпрыски. Случались и скандалы, и отчисления.

Я исследовала свои возможности, записывала в тетрадь. Артефакт в народе прозвали «Слеза любви». Фоило от него знатно, но он себя никак не проявлял.

Приезжала королевская чета. Пока Джонатан знакомился с Эддриком Брассетом, Розалинда Блэк с таинственным лицом уволокла меня на приватную аудиенцию, где, взяв клятву молчания, рассказала, что мы землячки. В ходе увлекательной беседы, корона заключила первый контракт на поставку варенья.

— Если тебе понадобится помощь — обращайся, — покачивалась с носка на носок Розалинда, стоя на самом краю перед пропастью. — Красиво у вас тут. Спокойно. Душевно.

Охрана в стороне молча обливалась потом.

Посмеявшись над «источником» Белда, естественно выяснив подробности «чудодейственности», разрешили оставить, но обложили налогом. Белд ворчал, торговался, умасливал — безуспешно, пришлось сдать и отчехлять короне пятьдесят процентов, вторые пятьдесят делились между нами поровну.

Олаф и Анна открыли таверну, имеющую успех. Поделилась парочкой земных рецептов, как и собиралась до этого.

Я нашла свое место, обрела дом и семью, встретила любимого человека. Будущее туманно и не определено, но, уверена, мы справимся.

Любовь спасет мир.

Глоссарий

Люба — главная героиня

Джонатан Мюррей — главный герой, капитан, градоначальник Амрана

Марджери — мать капитана Джонатана Мюррея

Велари — старуха-травница

Хильда — кормилица, няня Дж. Мюррея

Анна — жена Олафа

Олаф — главный повар

Велдон — лекарь, друг г. героя

Руперт — друг г. героя, аристократ

Джоан — одна из невест Мюррея

Элиз — лекарь, одна из невест Мюррея

Белд — градоначальник соседнего большого города на реке

Камилла — бывшая любовница капитана Джонатана Мюррея

Конец